

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
РОССИИ
№ 2 (48) 2016**

Периодическое научное издание

Учреждено в 1915 г.
Возобновлено в 2004 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия Российской Федерации (*Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 10. 11. 2004 г. ПИ № ФС77-18838*).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
Вольного экономического общества России

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (Решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР – С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР – Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое возрождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка А. Г. Крысько

Адрес редакции:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru

Подписано к печати 19.05.2016 г.
Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печ. л. 10,5 Усл. печ. л. 17,64
Тираж 2000 экз. Заказ 1462

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, д. 12

© Экономическое возрождение России, 2016

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН, председатель научно-редакционного совета;
А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. М. Георгиев, д-р экон. наук, профессор (Болгария);
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
И. И. Елизеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Б. Г. Клейнер, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
И. А. Максимова, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Ю. П. Панибратов, д-р экон. наук, профессор, академик РААСН;
Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;
В. Реген, д-р экон. наук, профессор, иностранный член РААСН (Германия);
З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик НАН Азербайджана
А. И. Татаркин, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Ж.-Л. Трюэль, профессор Университета Париж-12 (Франция)

**MEMBERS OF
THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD**

V. V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific editorial board;
A. A. Akayev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. M. Georgiev, Doctor of Economics, Professor (Bulgaria),
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
B. G. Kleiner, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimova, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
Yu. P. Panibratov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences;
G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;
V. Regen, Doctor of Economics, Professor, foreign member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Germany);
Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academician of National Academy of Sciences of Azerbaijan;
A. I. Tatarkin, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
J.-L. Truel, Professor of University of Paris-12 (France)

CONTENTS

St. Petersburg International Economic Congress

on «Foresight «Russia»: New Production for New Economy»

<i>Bodrunov S. D.</i> New industrial society. Production. Economy. Institutions.....	5
<i>Buzgalin A. V.</i> Russian social and economic revival: domestic and foreign policy dialectics.....	15
<i>Boldyrev Y. Y.</i> Institutional support of Russia's reindustrialization under hostile conditions.....	21
<i>Lenchuk E. B.</i> Technological vector of new Russian industrialization.....	26
<i>Grinberg R. S.</i> Ruminations on economy and geopolitics.....	30
<i>Karlik A. E.</i> Defense industry as the Russian economic driver.....	32
<i>Nureev R. M.</i> Reinventing industrialization.....	38
<i>Ryazanov V. T.</i> Socialization of finance and its role in Russia's neoindustrial shift.....	45
<i>Tretyakov V. T.</i> Why does rich Russia have such poor economy?.....	51
<i>Shamakhov V. A.</i> Training managers for the new economy.....	53
<i>Chiesa G.</i> Russia's response to global economic and political crises.....	56
<i>Smolin O. N.</i> Education and global context of Russian modernization.....	59
<i>Zolotarev A. A., Kolganov A. I.</i> Foresight Russia: New Production for New Economy.....	65

On the way to revival

<i>Sirotkin V. B.</i> Capital accumulation cycles: from material to financial expansion.....	69
<i>Nikonova A. A.</i> Systemic materialization of national advantages and growth factors of Russian economy.....	85
<i>Porokhovskiy A. A.</i> Pro et contra: Russia's 21st century market track.....	98
<i>Arbuzov S. G., Golovnin M. Y.</i> Stabilization of Russian foreign exchange market and economic security under current conditions.....	104
<i>Gorshkov A. A.</i> Disposable income inequality and redistribution: comparative analysis of OECD countries.....	111

Business economics and innovation

<i>Linkov A. Y.</i> International assessments of Russian business climate.....	110
<i>Kochetkov S. V., Semenova E. G., Budagov A. S., Kochetkova O. V.</i> Institutional mechanism of innovation economics.....	128
<i>Grishunin S. V., Mukhanova N. V.</i> Controlling as a means of corporate credit rating management.....	135
<i>Grachev S. A., Donichev O. A., Malkova T. B.</i> Innovative activities: major social and economic systems development factor.....	148

Abstracts	158
------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Санкт-Петербургский международный экономический конгресс «Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики»

<i>Бодрунов С. Д.</i> Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты.....	5
<i>Бузгалин А. В.</i> Социально-экономическое возрождение России: диалектика внутренней и внешней политики	15
<i>Болдырев Ю. Ю.</i> Институциональное обеспечение реиндустриализации России в условиях недружественного окружения.....	21
<i>Ленчук Е. Б.</i> Технологический вектор новой индустриализации в России	26
<i>Гринберг Р. С.</i> Размышления об экономике и геополитике.....	30
<i>Карлик А. Е.</i> Оборонная промышленность как драйвер российской экономики	32
<i>Нуреев Р. М.</i> От старой индустриализации к новой.....	38
<i>Рязанов В. Т.</i> Социализация финансов и ее роль в неоиндустриальном развороте России.....	45
<i>Третьяков В. Т.</i> Почему такая богатая страна, как Россия, имеет такую плохую экономику?.....	51
<i>Шамахов В. А.</i> Подготовка управленческих кадров для новой экономики.....	53
<i>Кьеца Дж.</i> Ответ России вызовам экономического и политического кризисов мировой системы	56
<i>Смолин О. Н.</i> Образование и глобальный контекст российской модернизации.....	59
<i>Золотарев А. А., Колганов А. И.</i> Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики.....	65

По пути к возрождению

<i>Сироткин В. Б.</i> Циклы капиталистического накопления: от материальной экспансии к финансовой	69
<i>Никонова А. А.</i> Системная реализация национальных преимуществ и факторы подъема российской экономики	85
<i>Пороховский А. А.</i> За и против «рыночной колеи» России в XXI веке	98
<i>Арбузов С. Г., Головин М. Ю.</i> Стабилизация валютного рынка России в контексте обеспечения экономической безопасности на современном этапе.....	104
<i>Горшков А. А.</i> Неравенство в располагаемых доходах и перераспределение: сравнительный анализ стран ОЭСР.....	111

Экономика предпринимательства и инновации

<i>Линьков А. Я.</i> Международные оценки качества предпринимательского климата в России	119
<i>Кочетков С. В., Семенова Е. Г., Будагов А. С., Кочеткова О. В.</i> Институциональный механизм экономики инноваций.....	128
<i>Гришунин С. В., Муханова Н. В.</i> Использование контроллинга для организации процессов получения и поддержания кредитных рейтингов компании	135
<i>Грачев С. А., Доничев О. А., Малкова Т. Б.</i> Инновационная деятельность как важнейший фактор развития социально-экономических систем.....	148

Рефераты	158
-----------------------	-----

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

22 марта 2016 г. в Санкт-Петербургском научном центре РАН состоялся II Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2016) «Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики».

СПЭК-2016 продолжил начатую год назад (на предыдущем конгрессе) работу по обсуждению проблем и путей переориентации экономической политики России на обеспечение приоритетного развития высокотехнологичного производства (интегрированного с современной наукой, инженерно-техническим творчеством, образованием) и достижение социальных целей. В центре внимания участников конгресса были проблемы реиндустриализации России.

Организатором конгресса выступил Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте под эгидой Отделения общественных наук РАН, а его партнерами – Институт экономики РАН, Институт экономики Уральского отделения РАН, Санкт-Петербургский государственный экономический университет и Вольное экономическое общество (ВЭО) России. В подготовке и проведении конгресса участвовали ведущие ученые-экономисты Российской академии наук, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, других университетов и научно-образовательных центров России, депутаты Государственной Думы Совета Федерации РФ, представители государственных структур, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества России из регионов Российской Федерации, а также зарубежные коллеги из 11 стран Европы и Азии.

В ходе двух пленарных сессий, трех конференций, десятка семинаров и «круглых столов» обсуждались конкретные аспекты формирования нового качества материального производства как в направлении использования передовых технологических решений, так и с точки зрения экономических отношений и институтов, которые могут способствовать технологическому прорыву, уходу от экспортно-сырьевой зависимости и изменению структуры российской экономики в пользу высокотехнологичных производств.

В данном номере публикуется подборка статей, подготовленных на основе докладов участников пленарных сессий СПЭК-2016.

Редакция журнала
«Экономическое возрождение России»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС «ФОРСАЙТ «РОССИЯ»: НОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ»

С. Д. Бодрунов¹

НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО. ПРОИЗВОДСТВО. ЭКОНОМИКА. ИНСТИТУТЫ

Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (ИНИР) занимается исследованием проблем промышленности, ее роли в современной экономической системе, тенденций развития индустриального способа производства. Исследования все больше убеждают нас, что на современном этапе не существует иного эффективного пути развития мировой экономики, кроме индустриального, в качестве базовой компоненты. Почему? Начнем «от печки». Человеку в любой его ипостаси (и как биологическому существу, и как социальному) присуще наличие *потребностей* – это аксиома. Для *удовлетворения* потребностей необходимо осуществить *производственный процесс*, в ходе которого в результате использования тех или иных *идей* и *материальных объектов* (материалов, орудий, *технологий*), а также человеческого *труда* возникают блага, призванные удовлетворять материальные потребности, – *продукты* (рис. 1). В каждом из основных элементов современного материального производства помимо материальной компоненты есть ключевое звено, без которого они существовать не могут, – это *знания*. Знания необходимы для *организации* процесса производства, для его *предметирования* (определения содержания индустриального продукта или услуги как результирующего предмета труда), для создания и рационализации средств труда (*материалов, технологий*). Да и сам *труд* основывается на знаниях, навыках, квалификации трудящегося, его умении обращаться с материалами, оборудованием и т. д.

Исследование феномена *продукта* как способа удовлетворения человеческих *потребностей*; человеческой деятельности в процессе создания продукта и изменений, накапливаемых в течение исторического периода *осознанной производственной деятельности*, показывает, что *количественные* изменения, происходящие по мере *накопления* и освоения *знаний* в сфере совершенствования орудий труда и способов его организации, приводят к *качественным* изменениям – смене *способа материального производства* и переходу в определенный исторический момент к *индустриальному способу* производства, а затем – к *индустриализации* экономики.

¹Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

Рис. 1. Удовлетворение потребностей – производственный процесс

Опыт индустриального развития убедительно доказывает: при всех изменениях, происходящих на протяжении последнего столетия в материальном производстве (включая сокращение его доли в ВВП развитых стран, «информационную революцию» и т. д.), именно *материальное производство* было и есть *основа существования экономики*. При этом оно остается производством по преимуществу *индустриальным*; индустрия, используя результаты научного и технологического прогресса, формирует возможности для *удовлетворения возрастающих потребностей человека*.

В то же время нельзя отрицать, что применяемый *способ производства определяет тип общественного устройства*. В частности, возрастающая роль технологического применения научных знаний меняет характеристики общества, основанного на индустриальном способе производства, – на это обращали внимание все крупнейшие специалисты (от А. Смита и К. Маркса до Дж. К. Гелбрейта и Д. Белла).

Вышедшая полвека назад книга Дж. К. Гелбрейта «Новое индустриальное общество» инициировала переосмысление современной автору производственно-экономической системы, прежде всего системы, сложившейся в США. Последующие десятилетия, казалось бы, отодвинули представления выдающегося ученого на второй план, однако последние годы заставляют усомниться в правильности выводов, сделанных в 1990-е гг., когда мир оказался в плену идей постиндустриализма. Парадигма отрицания ведущей роли материального производства, представленная в работах Д. Белла и Э. Тоффлера, стала завоевывать все новых сторонников. Появились теории информационного общества и информационной экономики; их продолжили концепции цифровой, дигитальной экономики и т. п. Огромную популярность приобрели работы Сакайи, Кастельса, у нас – В. Иноземцева и многих других. Однако мировые экономи-

ческие и финансовые кризисы (сначала – конца 1990-х гг., затем – 2007–2009 гг.) охладили энтузиазм авторов и поклонников этих теорий. Движение «по ту сторону материального производства» обернулось не ростом эффективности, производительности и благосостояния, а экспансией посредничества, прежде всего финансового, ставшего немаловажным фактором кризиса 2007–2009 гг.

При этом материальное производство никуда не исчезло. В силу *безусловной необходимости* общества в *индустриальном способе* удовлетворения потребностей произошло то, что мы в ИНИР называем *перетеканием индустрии*: в то время как на Западе, казалось бы, нарастал процесс постиндустриализации (см. таблицу), на мировом Юге и Востоке развернулась мощная волна индустриализации: резко увеличилась доля промышленного производства, возросли роль и доля в мировом совокупном работнике рабочих и инженеров, занятых в индустриальной сфере.

В экономиках Запада доминировали представления о том, что в «постиндустриальный» период *основной сферой бизнеса является сфера услуг; главным пространством накопления капитала – финансовые транзакции, а господствующим механизмом обеспечения сбалансированности и экономического роста – свободный рынок*, распространяющийся на *все сферы жизни общества*. Не случайно многие ученые называют этот подход *рыночным фундаментализмом*, который характеризуется процессами финансиализации и деиндустриализации.

Процесс *финансиализации* привел к расширению сферы жизнедеятельности финансовых институтов, стал новым фактором формирования специфической модели регулирования экономики, отношений собственности и т. п. В частности, произошли: 1 – существенные изменения в выборе приоритетов инвестиций (они стали все чаще направляться из производственной сферы в сферу финансовых транзакций); 2 – перемещение контроля за собственностью и основных прав собственности к финансовым институтам; 3 – ускоренное развитие финансовой сферы как одного из основных (а в ряде случаев – основного) источников роста ВВП и т. п. Все это привело к раздуванию «финансовых пузырей» и – через ряд опосредований – к мировому не только финансовому, но и экономическому кризису.

Следствием «постиндустриальной волны» стали массовый дрейф производственных мощностей индустриального сектора в страны Юга/Востока и *ускоренная индустриализация полупериферийных* (а затем – и *периферийных*) стран, захватившая едва ли не половину населения планеты, и далее – *рост геополитического и экономического влияния* и могущества Китая, Индии и в целом сообщества БРИКС, который оказался крайне важным фактором, определившим новые вызовы для стран «Центра». При этом в экономиках многих стран Севера (прежде всего в США) развернулся процесс *деиндустриализации*, который привел к формированию нового фактора мирового геополитического и экономического развития – возникновению *производственной зависимости стран Центра от стран периферии*. Добавим к этому формирующийся выход Китая (а затем и Индии) на современные рубежи производства высокотехнологичной продукции, что позволит им избавиться от технологической зависимости от экономик Центра, и получим еще один вызов (рис. 2). Возникают вопросы: *почему* это происходит и *что* делать? Теоретиков и практиков развитых экономик это заставляет задуматься о проблемах *восстановления материального производства*, развития *новой индустриальной экономики*.

Рост занятых в индустриальном секторе

Регион	2003		2004		2005		2006		2007		2008			
	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году	Доля в мировом «совокупном работнике», %	Изменение доли, % к предыдущему году		
Весь мир	20,7		21,1	101,9	21,5	101,9	22,1	102,4	22,7	102,7	23,2	102,2		
США и ЕС	25,6		25,3	99,9	25,0	99,9	25,0	100,0	25,0	100,0	25,1	100,1		
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	25,6		25,3	99,9	25,5	100,1	25,5	100,0	25,4	100,0	25,3	100,0		
Южная Азия	18,7		19,4	103,7	20,1	103,6	21,0	104,5	21,8	103,8	22,6	103,7		
Латинская Америка и Карибский бассейн	21,6		21,8	100,9	22,2	101,8	22,4	100,9	22,6	100,9	22,9	101,3		
Северная Африка	19,2		19,7	102,6	20,8	104,1	21,7	104,3	22,7	104,6	23,6	101,0		
Африка южнее Сахары	9,5		9,7	102,1	9,7	100,0	9,9	102,1	10,1	102,0	10,3	102,0		
													112,1	
														98,1
														98,8
														120,9
														106,0
														113,0
														108,4

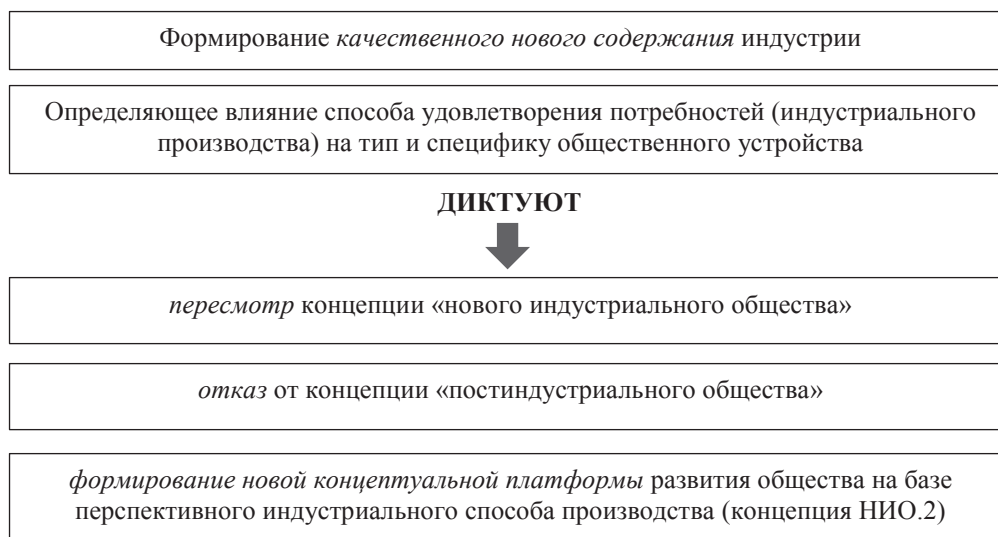

Рис. 2. Глобальный процесс «перетекания индустрии»

Исследование сущности феномена индустрии, доминант ее развития и наметившихся в последнее десятилетие вызовов подтверждает *неизбежность перехода* к новому для человеческого общества этапу его развития, *новой генерации индустриального общества* и даже – *новому типу общественного устройства*. Он настолько существенно отличается от того, что было в конце XX – начале нынешнего века, что можно говорить о нем как *новом типе общественного устройства*, которое можно назвать *новым индустриальным обществом* второго поколения (НИО.2). При этом НИО.2 и его экономика станут «отрицанием отрицания», диалектическим «снятием» и позднеиндустриальной системы, описанной Дж. Гелбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, описанных Д. Беллом и другими «постиндустриалистами».

Чтобы охарактеризовать НИО.2 грядущей эпохи (рис. 3), проанализируем некоторые важные реальные *тренды развития современного материального производства, качественно меняющие процесс индустриального производства и его результат – продукт производства*.

Как уже отмечалось, всякий продукт, получаемый в результате производственной деятельности, содержит, помимо материальной основы, нематериальный элемент – *знание*, которое присутствует во всех компонентах производственного процесса и является *неотъемлемой частью продукта*.

Отметим, что на протяжении всей истории развития общества имеет место *непрерывное увеличение относительной доли знаний* во всех компонентах производства и в конечном продукте при относительном снижении в последнем доли «материальной» части. Этот тренд обеспечивает постепенное *качественное изменение производственного процесса и индустриального продукта* (как его результата). Появляются новые возможности для удовлетворения человеком своих потребностей, формиру-

ются новые потребности. При этом порой возникает иллюзия возможности их «нематериального, непроизводственного, неиндустриального» удовлетворения. Однако из этого следует вывод не об отмирании *определяющей роли* материального производства, а о *непрерывном* росте *знаниеемкости* продукта материального производства и переходе на этой основе к качественно новому типу материального производства.

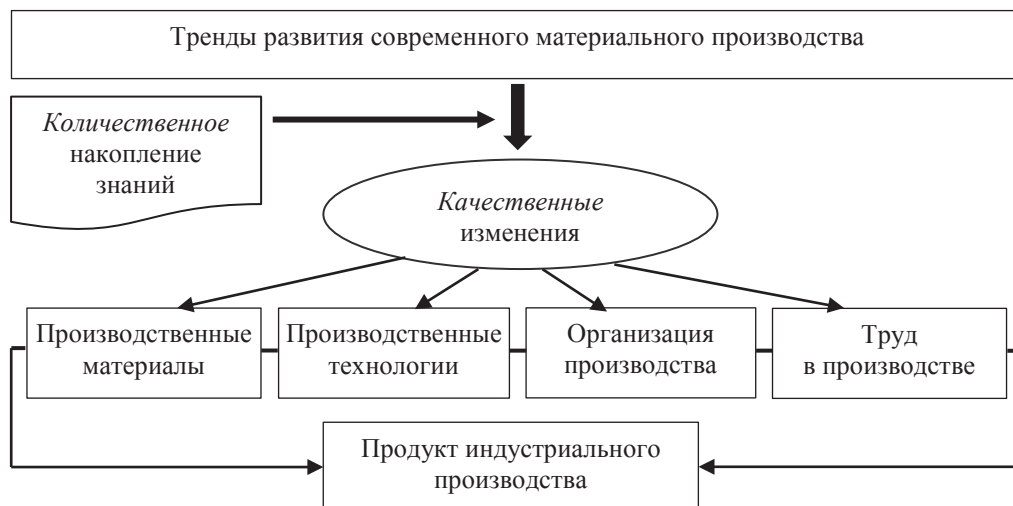

Рис. 3. Развитие современного материального производства

С этой точки зрения, *знаниеинтенсивность технологий* материального производства есть результат критического синтеза достижений «традиционно-индустриальной» и «информационной» компонент экономики, который происходит в процессе современного высокотехнологичного производства. Определяющую роль начинают играть операции и процессы, в которых человек выступает не придатком машины (станка, конвейера), а носителем знания, трансформируемого в процессе такого производства в технологию. Как говорил К. Маркс: «...человек становится рядом с производством» и «относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик»².

На этой основе формируется принципиально *новый тип материального производства* – *знаниеинтенсивное производство*. Его основными чертами постепенно становятся: переход к *приоритизации нематериальной доли* в продукте, непрерывное повышение информационной и снижение материальной составляющей; миниатюризация, тенденция к снижению энерго-, материало- и фондоемкости продукции. На рисунке получается «кривой крест» (рис. 4).

Рассмотрим особенности знаниеинтенсивного производства:

- развитие «вширь» и «вглубь» производственного процесса, придание ему новых черт, позволяющих обеспечить *максимальное «приближение» продукта к запросам*

² Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 213.

потребителя при удельном снижении трудоемкости и стоимости его производства (индивидуализация, опциональность и т. п. с одновременным активным ростом гибкости, модульности, унификации и пр.) и потенциально практически мгновенной доставке его потребителю, что в НИО.2 радикально меняет возможности удовлетворения растущих потребностей людей на базе развития *индустриального способа производства*;

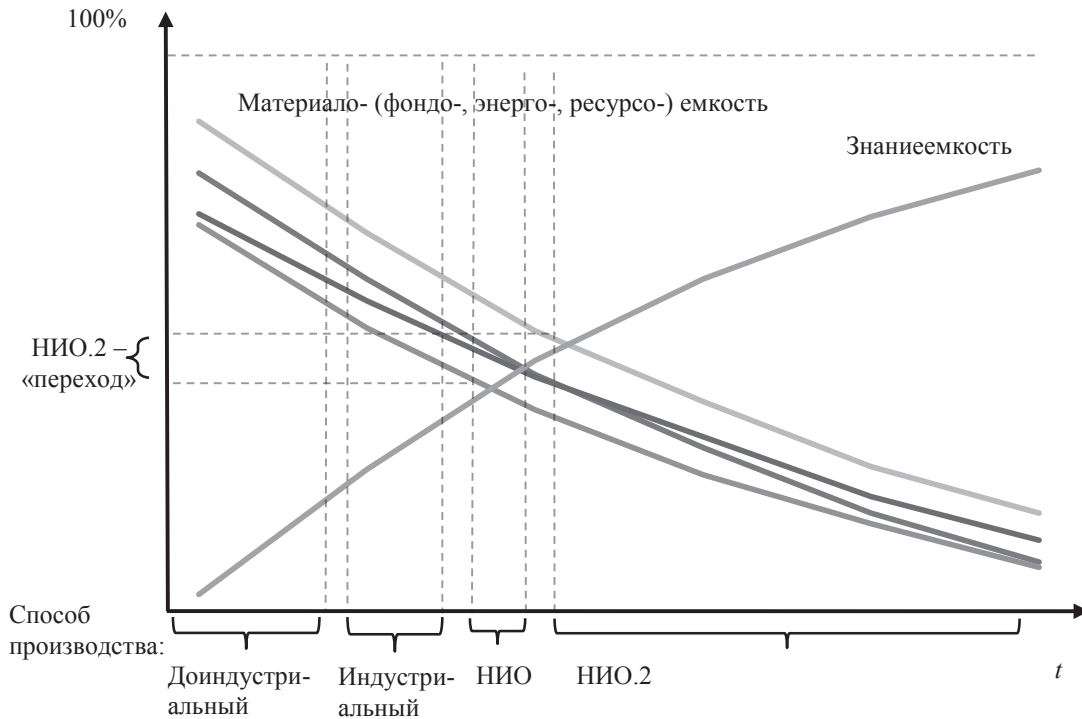

Рис. 4. Исторический процесс изменения удельных емкостных параметров компонента продукта

- *сетевая модель структуризации индустрии*, идущая на смену вертикально-интегрированным структурам;
- признание в качестве базовых и интенсивное развитие *современных методов организации производства и управления* (just-in-time, lean-production и др.);
- экологическая чистота и ориентация на *новые источники энергии*;
- развитие *качественно новых технологий* в самом материальном производстве, транспорте, логистике (нанотехнологии, 3D-принтеры и т. п.);
- смена базовой технологической парадигмы индустриального производства – сокращение роли традиционной обрабатывающей промышленности в силу распространения аддитивных технологий;
- изменение *характера индустриального труда* в пользу приоритета *знаниеемких функций* (контроллинга, высокотехнологичного труда, внедрения «безлюдных» технологий, автоматизации, роботизации производства и т. п.);

• принципиальное *изменение технологий усвоения индустриальных знаний* и трудовых навыков, необходимых для осуществления эффективной производственной деятельности в условиях нового индустриального производства (гаджетизация, чипизация, интернетизация, использование технологий виртуальной и «дополненной» реальности и пр.) и др.

На новой ступени развития индустриального общества (НИО.2) принципиальное значение приобретает тенденция к *нарастанию темпов технологических изменений, происходящих со все большим ускорением*. «Ускорение ускорения» становится характерным признаком, *одной из важнейших особенностей экономической системы грядущего общества*. Принципиально важное значение приобретает *темп перевода научных достижений в непосредственное индустриальное производство*, в его компоненты, в *индустриальный продукт*. Вследствие этого индустриальное производство должно приобрести (и в ряде случаев уже приобретает) характер *непрерывной инновации*. Все эти изменения ведут к *изменениям в макроструктуре экономики*, где *доминирующее положение* постепенно займут отрасли, образующие целостный комплекс, *создающие знаниеемкий продукт*: отрасли, в которых *производится данный продукт*, и те, где *создается само знание* и формируется человек, способный овладеть этим знанием и применить его в материальном производстве. Экономика такого общества должна базироваться на объединении (на микро- и макроуровнях) следующих звеньев:

- *знаниеинтенсивное высокотехнологичное материальное производство*, создающее знаниеемкий продукт;
- *наука*, создающая ноу-хау;
- *образование и культура*, формирующие человека, не только обладающего знаниями и применяющего их в производстве, но и способного их генерировать.

Таким образом, вычлняются *три главных сферы нового общественного производства*. *Основой* является (в этом случае автор выступает продолжателем традиции классической политэкономии) *собственно материальное производство*; наука реально становится *непосредственной производительной силой*; образование «через всю жизнь» является *непременным условием эффективности* производственной деятельности.

В результате изменений в содержании и структуре общественного производства **основным производственным звеном** (рис. 5) новой индустриальной экономики становится *индустриальный комплекс нового поколения, интегрирующий производство, науку и образование в едином производственном процессе* не только на макро-, но и на микроуровне. Такие комплексы могут стать основой формирования индустриальных структур кластерного типа, соединяющих эти компоненты в едином научно-производственном процессе с единой инфра- и ультраструктурой.

Развитие нового содержания и структуры общественного производства в условиях генезиса новой индустриальной экономики обуславливает **изменения в системе экономических отношений и институтов**. Можно говорить о возрождении в новом качестве позитивных черт прошлого, что обуславливает новые вызовы к развитию начал *рыночного саморегулирования и частной собственности*, с одной стороны, и *государственного воздействия на экономику* – с другой.

Решение рассмотренных задач, а также задач развития сложных интегрированных производственных единиц и макроэкономической интеграции производства, науки и образования; существенной *структурной перестройки современных экономик*; вытеснения гипертрофированных сфер посредничества невозможно без *актив-*

ной государственной промышленной политики и долгосрочного инвестиционного государственно-частного партнерства. С учетом этих условий должны строиться (эти задачи уже решаются в ряде стран, в частности в КНР) все остальные сферы государственного регулирования экономики.

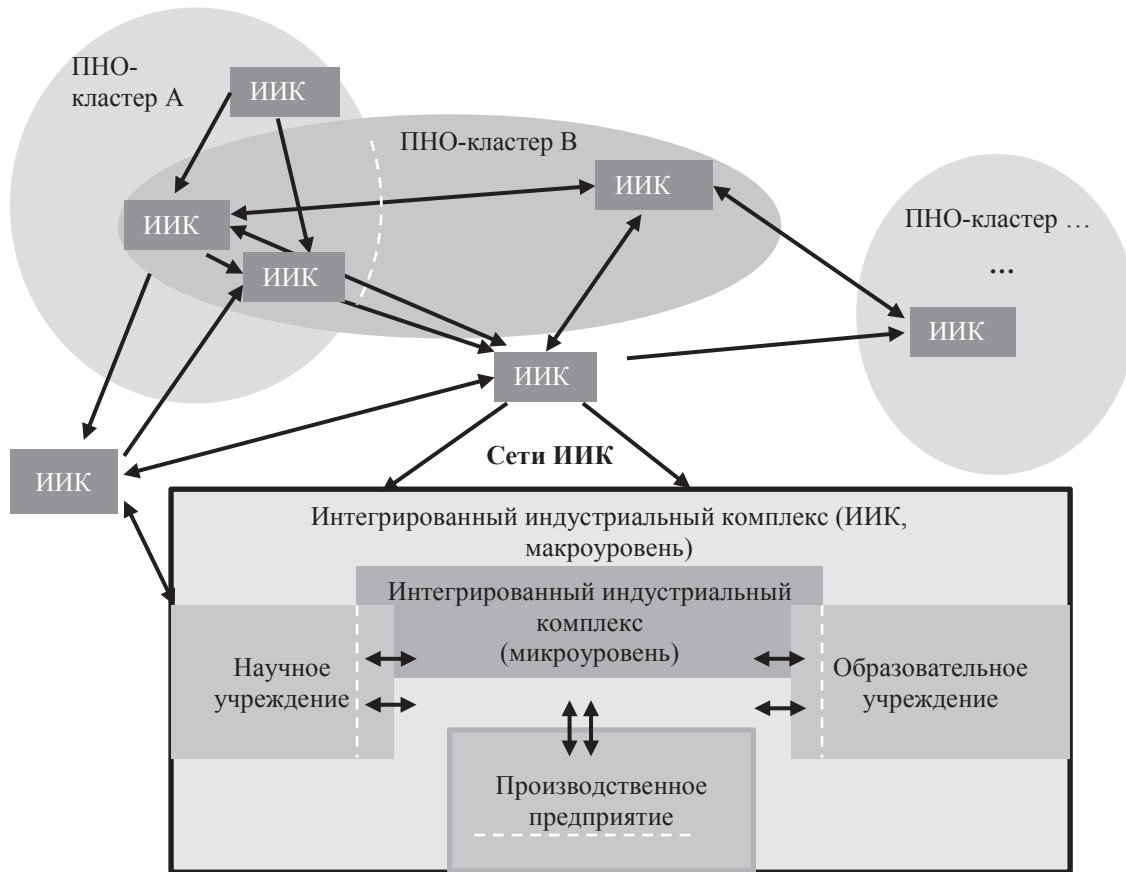

Рис. 5. НИО.2: основное производственное звено и производство

Серьезные требования к экономическим отношениям и институтам предъявляет и переход к массовому созданию и использованию знаниеемких продуктов. Синтетическая (интеллектуально-материальная) природа таких продуктов обуславливает многие иные изменения в системе экономических отношений и институтов. К примеру, приоритизация «нематериальной» компоненты в индустриальном продукте повышает рост значимости *интеллектуальной собственности*. В частности, собственность на такой продукт включает в себя систему прав, охватывающих как сам материальный объект, так и интеллектуальную составляющую, что влечет за собой существенные экономические изменения в создании индустриального продукта (в структуре затрат, их эволюции и т. п.). Не секрет, что в стоимости высокотехнологичных изделий (от современных авиалайнеров до сложных лекарственных препаратов) доля расходов на разработку технологий и охрану прав интеллектуальной собственности постоянно

растет и сегодня уже сравнима, а в ряде случаев и выше расходов на их производство. *В знаниеинтенсивном производстве роль «нематериальной» интеллектуальной компоненты станет превалирующей.*

Для России, развивавшейся в рамках постиндустриальной рыночно-фундаментальной монетарно-либеральной модели, приведшей к искажению структуры народного хозяйства, гипертрофии сырьевого сектора, неумеренной финансиализации и деиндустриализации, отмеченные задачи стоят особенно остро. Необходима *смена экономической модели* и восстановление *приоритета индустриального пути развития* России. Тенденции развития индустриального производства свидетельствуют: впереди – снижение потребности мирового производства в материалах, сырье, ископаемых, энергии (т. е. потребности в том, на чем стоит российская экономика) при резком возрастании роли индустриальных знаний, технологий, темпов их получения, освоения, имплементации в реальный сектор, развития и т. п. Не за горами – *новая технологическая революция*. Очевидно, что *экономическими лидерами НИО.2 будут страны – лидеры технологические.*

Что же делать нам? Я уже неоднократно говорил, что нужны: *реиндустриализация* экономики, восстанавливающая в качестве *базовой ее компоненты промышленность, приоритетность индустриального развития, а также новая индустриализация*, понимаемая как *интенсивный рост потенциала индустриального развития на основе знаниеемкого производства, на новейшей технологической базе до уровня, необходимого для перехода к новой индустриальной экономике. Это требует изменения установок, государственных решений в сфере экономики, госпрограмм, реорганизации соответствующих институтов и т. д.*

В частности, развитие высокотехнологичного материального производства и в силу специфики производственной деятельности нового этапа – необходимость поддержания все более высоких темпов имплементации знаний в продукт предполагают возрождение и новое развитие разрушенной за годы реформ *системы интеграции производства с наукой и образованием*. Она должна осуществляться на новом уровне и в принципиально новых экономических формах, использующих потенциал государства, рынка и частной собственности, которые должны быть ориентированы на решение не только задач развития производства и технологий, но и фундаментальных задач развития человеческих качеств, социальных, экологических и других проблем общества.

Не останавливаясь на конкретных мерах промышленной политики, необходимых для достижения нашей экономикой параметров, позволяющих быть готовыми к переходу к НИО.2, напомним, что на предыдущем конгрессе мы разработали рекомендации, значительная часть которых вошла в различные государственные решения. Но и сегодня мы не можем сказать, что в России *сформирована целостная концептуальная платформа активной промышленной политики.*

А. В. Бузгалин¹

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ: ДИАЛЕКТИКА ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Не претендуя на категоричность выводов, постараюсь аргументировать основные тезисы, касающиеся диалектики внутренней и внешней политики экономического возрождения нашей страны, с учетом дискуссий, прошедших на конгрессе.

Первый тезис. Я совершенно не согласен с высказыванием Александра III, что у России нет друзей, кроме армии и флота. Наша страна была лидером в мировом экономическом, политическом, культурном процессе, только когда имела огромное количество друзей по всему миру, которые говорили «нет» НАТО, Вашингтону, политике колониализма, жертвами которого были десятки миллионов людей, притесняемых и уничтожаемых демократическими государствами: Францией, Нидерландами, США во Вьетнаме, Алжире, Камбодже – по всему миру. Тогда же миллионы людей учились бесплатно в нашей стране; Советский Союз интенсифицировал бесплатную передачу новых технологий и т. д. И это было не зря, потому что сегодня, когда минимальные подвижки происходят в Сирии, страны арабского мира говорят: «Наконец-то! Наконец-то возвращается то, о чем мы мечтали 30 лет, и о чем вы забыли»². Поэтому первый тезис: у России есть друзья, кроме нашей армии и флота. Если у нас других друзей не будет, мы станем пародией на США – будем такими же, только менее сильными, более злыми и более вредными.

России необходимо взаимодействовать с теми, кто готов проводить активный курс на разоружение, отказаться от использования силы (и прежде всего военной) как средства урегулирования международных и внутренних конфликтов и т. п. Обычно среди оснований новой нестабильности и роста насилия называют терроризм и шире – столкновение цивилизаций. Я считаю, что это – следствие нынешней модели глобализации, порождающей неравенство (социальное, культурное и т. п.) и унижение стран третьего мира; обеспечивающей монополию развитых стран на современные средства насилия и пр. [2, 3]. На рубеже XX–XXI вв. вновь (как на стыке XIX–XX столетий) обостряется борьба за источники сырья – как старые (нефть, газ, цветные металлы, лес), так и новое «сырье» XXI в. – умы; за рынки сбыта и за геополитическую поддержку экспансии «своих» транснациональных корпораций. Вот для этого нужны армия, флот, ВВС, космическое оружие и, главное, угроза применения оружия массового уничтожения.

«Исламский фактор», «терроризм», «нарушение прав человека» – это только верхушка айсберга. Действительная основа всех этих проблем – защита державами, претендующими на имперскую роль, не интересов своих граждан, а интересов военно-промышленного комплекса, силовиков, корпораций и т. д. Вот почему нам следует

¹ Александр Владимирович Бузгалин, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, директор Института социэкономки Московской финансово-юридической академии, д-р экон. наук.

² Реакция официальных лиц (государств арабского мира и др.) не всегда выражает позицию большинства рядовых жителей (о различном отношении правительств стран мира к действиям России, направленным на урегулирование конфликта в Сирии, см., например: [1]).

дружить только с теми, кто хочет снять базовые угрозы. А для этого необходимы, как минимум, другие (не те, что предлагают НАТО, «большая восьмерка», ВТО и К^о) «правила игры» на мировом экономическом, социальном и политических полях. Эти альтернативные правила демократической, социально ограниченной, гуманитарно и экологически ориентированной системы, в которой доминируют институты мирового сотрудничества и мировое гражданское общество, хорошо известны. И за них следует бороться. Эта программа является абсолютно необходимым минимумом.

Кто готов поддержать эти новые правила? Большая часть неправительственных организаций (профсоюзы, пацифисты, экологи, правозащитники и др.) и социальных движений (в том числе десятки тысяч тех, что входят в международные альтерглобалистские сети) во всем мире; большая часть левой и левоцентристской оппозиции в парламентах многих государств; ряд государств мира (от Норвегии до Венесуэлы).

Россия должна стать защитником других правил другой игры. У наших граждан, болеющих за будущее своей Родины, есть только одна дорога противостояния имперским амбициям глобальной номенклатуры (в том числе и российской «элиты») – самоорганизация и поддержка тех социально-политических сил в России и в мире, которые будут последовательно бороться за переход к правилам мира, социальной ориентации экономики, приоритета гражданского общества и подлинной демократии во внутренней и внешней политике.

Второй тезис. Сегодня главный враг России – это проводники экономической политики, которая осуществляется в нашей стране. Если мы не предложим миру альтернативу неолиберальной модели, у нас не будет друзей, и мы сами себе будем враги. Сегодняшний курс в нашей стране (в экономике, социальной сфере, политике) является гораздо более «эгоистичным», чем в США, тем более в Западной Европе. У нас нет сильной промышленной политики, нет планификации, строго соблюдаемой системы социальных, экологических и гуманитарных нормативов, нет таких программ в области образования и науки, которые есть в США (не говоря уже о Северной Европе), нет социализации отношений собственности и участия работников в управлении, что есть в США и европейских странах³. У нас нет гражданского общества и прогрессивного подоходного налога. Сокращается количество бесплатных (бюджетных) мест в университетах, растет реальная плата за школьное образование и медицину. К чему мы будем призывать при нарастании таких тенденций? Дружите с Россией, будем большими американцами, чем США?

Итак, второй тезис – надо менять социально-экономическую политику. Необходим переход к социально ориентированной модели экономического развития, опирающейся на передовое производство и исходящей из экосоциогуманитарных приоритетов. (С ключевыми элементами стратегии опережающего развития, соответствующей новой социально-экономической модели, можно ознакомиться в работах [8, 9, 10].)

Третий тезис. Что мы можем предложить в качестве альтернативы, конкретных шагов, позволяющих осуществить изменения и ответить на стоящие перед страной вызовы, истоком которых являются мировые тенденции?

³ Речь идет о коллективных предприятиях, функционирующих на основе плана ESOP (Employee Stock Ownership Plan – план акционерной собственности работников) в США, Европе, Японии (см., например: [4]). В России эффективность коллективных предприятий выше, чем при других формах предпринимательской деятельности, но развиты они слабо (об этом см.: [5, 6]). Есть примеры успешной организации и развития коллективных предприятий в Китае: телекоммуникационный гигант Huawei («Ва-вэй») является частной компанией, принадлежащей сотрудникам [7].

Первое предложение, прозвучавшее сегодня на пленарном заседании: нам нужно умное производство (smart manufacturing). Об этом говорил в своем первом докладе, открывшем наш конгресс, С. Д. Бодрунов, а в докладе, завершающем пленарное заседание – Петер Шульце. Тезис был сформулирован докладчиками по-разному: в первом случае был «крест Бодрунова», выражающий идею нового индустриального общества-2, в котором доля знаний в конечном продукте все сильнее превышает долю материальных составляющих⁴. Петер Шульце говорил об умной фабрике. Но в основе своей речь шла об одном и том же явлении, что неслучайно. Это мировой тренд, поэтому, говоря о реиндустриализации, мы должны понимать, что речь идет об умном, знаниеемком производстве, основанном на новейшей технологической базе и обеспечивающем системную интеграцию всех звеньев производственной цепочки в широком смысле – от идеи продукта до конечного потребителя. Обратите внимание на смещение акцентов: от бережливого производства (lean production), основной целью которого было непрерывное устранение потерь⁵, наметился переход к умному производству (smart manufacturing), которое будет более знаниеемким, более гибким, динамичным и индивидуализированным. Эта проблема была центральной темой Всемирного экономического форума 2016 г. в Давосе⁶, ее активное обсуждение продолжается в научном и экспертном сообществе на различных уровнях во всем мире⁷.

Второе предложение, обсуждавшееся на конгрессе, основано на тезисе, что без интеграции производства, науки и образования невозможен переход к новому, умному производству. Об этом говорили многие участники конгресса на пленарном заседании и в обсуждениях на конференциях, семинарах, «круглых столах». Это становится мировым трендом. Умная фабрика требует нового человека, участие которого в производстве все больше сводится к знаниеемким этапам проектирования, производства и управления, а само производство осуществляется 3D- принтерами и другими автоматизированными составляющими производственного процесса. Роль науки и образования становится ключевой в обеспечении самой возможности функционирования такой умной фабрики.

С этим связано третье предложение, прозвучавшее на конгрессе: культурное обеспечение всего этого процесса. Если у нас не будет нового человека (на пленарном заседании это прозвучало в докладе В. Т. Третьякова), то осуществление изменений в производственной, шире – в экономической, области невозможно. Значение науки,

⁴ Подробнее с основными положениями концепции нового индустриального общества-2, разрабатываемой профессором С. Д. Бодруновым, можно ознакомиться в работе [11].

⁵ Под потерями в данной концепции понимаются действия, потребляющие ресурсы, но не создающие дополнительной ценности для потребителя. Концепция бережливого производства, разработанная и внедренная компанией «Тойота» в 60-е – 70-е гг. прошлого века, представляет собой одну из первых успешных попыток системного решения в управлении производством, позволившего ответить на вызовы, стоявшие перед производством в то время. В России концепция стала набирать популярность в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (подробнее см.: [12]). Вызовы 4-й промышленной революции требуют новых концепций производства, и умная фабрика (умное производство) – одна из наиболее обсуждаемых в среде экспертов концепций.

⁶ О вызовах четвертой промышленной революции, открывающихся возможностях и ожидаемых характеристиках подробно написано в программной статье президента Всемирного экономического форума в Давосе [13].

⁷ С содержанием дискуссий о четвертой промышленной революции в российском научном и экспертном сообществе можно ознакомиться по обзорным материалам [14, 15].

образования и, подчеркиваю, культуры для развития нового производства нельзя недооценивать. Необходимо обращать на это внимание лиц, принимающих решение, аргументируя данную позицию в исследованиях, публикациях и выступлениях⁸.

Для достижения перечисленных целей нужны средства. Это могут быть эффективно используемая природная рента⁹ и налоги. При этом речь не о повышении налоговой нагрузки для всей экономики, а о дифференцированном подходе, позволяющем обеспечить большую социальную справедливость, и следовательно, большую эффективность национальной экономики¹⁰. Кратко поясню: прогрессивный подоходный налог – это аксиома цивилизованного общежития современного социума¹¹. При этом средние налоги на доходы в условиях социально ориентированного развития могут быть не выше, чем в рамках либеральной модели; налоги на прибыль, реинвестируемую в социально, экологически, гуманитарно ориентированное производство и на личные доходы средних слоев могут быть минимальными, а налоги на доходы бедных должны стремиться к нулю. Налоги же на прибыль от посреднической деятельности, финансовых спекуляций, производства предметов роскоши, равно как и сверхвысокие личные доходы, должны быть максимальными.

У нас есть масса ресурсов, которые можно использовать за счет привлечения волонтеров и активизации деятельности гражданских ассоциаций (речь идет именно о добровольном труде граждан, желающих внести свой вклад в преобразование окружающего пространства и общества, а не об эксплуатации труда волонтеров).

Есть у нас возможности в области планификации (использование селективного регулирования и планирования¹²), концентрации ресурсов, в сфере социализации собственности и распределительных отношений. Давайте идти по этому пути.

Список литературы

1. Химшиашвили, П. Коалиция буксует: кто поддержал и кто осудил военную операцию в Сирии / П. Химшиашвили // РБК. – 2015. – 15 окт. URL: <http://www.rbc.ru/politics/01/10/2015/560d2f6a9a794744bcd58e23/> [дата обращения: 15.03.16].

⁸ Вопрос о культуре в связи с перспективами развития России и мира исследуется в [16].

⁹ Подчеркнем, что экспертным сообществом признано, что развитие стран, обладающих важными для мирового рынка природными ресурсами, зависит от проводимой правительствами этих стран политики. Не существует раз и навсегда заданного «ресурсного проклятья» (по нашим наблюдениям, это понятие чаще употребляется в средствах массовой информации, чем в научных исследованиях). Среди стран, достигших успехов в использовании природной ренты в качестве источника финансирования индустриализации, назовем США, Швецию, Австралию, Бразилию. Неэффективное использование природной ренты (преимущественно на личное обогащение элит или на финансирование неконкурентных производств) характерно для Нигерии, Конго, Анголы, Венесуэлы, Заира и ряда других стран (подробнее см.: [17]).

¹⁰ Именно о такой – положительной зависимости между социальной справедливостью и эффективностью – мы не раз говорили в своих выступлениях и публикациях с приведением необходимых аргументов (см.: [18, 19]).

¹¹ На общемировом уровне необходимость введения глобального прогрессивного налога на капитал (или на богатство) как меру, направленную на снижение постоянно растущего экономического неравенства, предлагает французский экономист Томас Пикетти в широко обсуждаемой книге «Капитал в XXI веке» [20].

¹² Подробнее о возможностях применения инструментов селективного планирования в рыночной экономике см.: [21–23].

2. Бузгалин, А. В. С кем, против кого и как дружить России? / А. В. Бузгалин // Альтернативы. – 2007. – № 1. – С. 64–70.
3. Бузгалин, А. В. Россия: новая империалистическая держава? / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, О. В. Барашкова // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 74–87.
4. На пути к рабочему контролю и самоуправлению трудящихся / под ред. А. Колганова, Э. Рудыка, Э. Дж. Симмонса. – М.: Слово, 2001.
5. Хабибуллин, Р. И. Акционерные общества работников: современное состояние, эффективность, проблемы и перспективы развития / Р. И. Хабибуллин // Экономическая наука современной России. – 2014. – № 3. – С. 68–86.
6. Букреев, В. В. Коллективное предприятие: к теории вопроса / В. В. Букреев, Э. Н. Рудык, Р. И. Хабибуллин // Вопросы политической экономии. – 2015. – № 4. – С. 67–78.
7. De Cremer, D. Huawei: A Case Study of When Profit Sharing Works / D. De Cremer, T. Tao // Harvard business review. – 2015. – Sept. 24. URL: <https://hbr.org/2015/09/huawei-a-case-study-of-when-profit-sharing-works> (accessed 15.03.2016).
8. Стратегия опережающего развития III. – Т. 1: Российские модернизации: диагнозы и прогнозы / под общ. ред. А. В. Бузгалина, Р. Крумма. – М., 2011.
9. Колганов, А. И. В поисках будущего России: «экономика для человека», или десять тезисов к разработке «стратегии опережающего развития III» (неюбилейное приглашение Ю. М. Осипова к новому раунду дискуссии) / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Философия хозяйства. – 2011. – № 4. – С. 60–65.
10. Бузгалин, А. В. Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегии будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М., 2014.
11. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4. – С. 9–23.
12. Вумек, Дж. П. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / Дж. П. Вумек, Д. Т. Джонс. – 1-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2010. – М., 2004.
13. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond / K. Schwab // Web Economic Forum. Official site. Published 14 January 2016. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond> (accessed 15.03.16).
14. Кобяков, А. Вызовы XXI века: как меняет мир четвертая промышленная революция / А. Кобяков // РБК. – Оpubл. 12 февраля 2016 г. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/12/02/2016/56bd9a4a9a79474ca8d33733> (дата обращения: 15.03.2016).
15. Комиссаров, А. Технологический ренессанс: Четвертая промышленная революция / А. Комиссаров // Ведомости. – № 3938. – 14.10.2015. – Оpubл. онлайн 13.10.2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/14/612719-promishlennaya-revoljutsiya>.
16. Булавка-Бузгалина, Л. А. Культура как онтологический императив: «перезагрузка» / Л. А. Булавка-Бузгалина // Развитие и экономика. – 2014. – № 6. – С. 134–147. Доступ к электронной версии статьи на сайте издания по ссылке: <http://devec.ru/almanah/10/1625-ljudmila-bulavka-buzgalina-kultura-kak-ontologicheskij-imperativ-perezagruzka.html> (дата обращения: 15.03.2016).
17. Капица, Л. М. Использование природной ренты на цели развития: зарубежный опыт / Л. М. Капица // Мировое и национальное хозяйство. – 2007. – № 2. Доступ к электронной

версии публикации на сайте МГИМО МИД России по ссылке: <http://www.mirec.ru/2007-02/ispolzovanie-prirodnoj-genty-na-celi-razvitiya-zarubezhnyj-opyt> (дата обращения: 15.03.2016).

18. Бузгалин, А. В. Социальная справедливость как стимул экономического развития / А. В. Бузгалин // Демократический левый проект: в поисках обновления / под общ. ред. Б. Ф. Славина, Г. Ш. Аитовой. – М., 2015. – С. 121–137.

19. Социальная справедливость и экономическая эффективность: Опыт, проблемы, теория: материалы науч. конф. / под ред. М. И. Воейкова. – М., 2007.

20. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти; пер. А. Дунаева; под ред. А. Володина. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

21. Бузгалин, А. В. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Вопросы экономики. – 2016. – № 1. – С. 63–80.

22. Бузгалин, А. В. Возрождение планирования: уроки истории (политико-экономический дискурс) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – № 1. – С. 8–21.

23. Бузгалин, А. В. Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Вопросы политической экономии. – 2016. – № 1. – С. 21–43.

Ю. Ю. Болдырев¹

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЕДРУЖЕСТВЕННОГО ОКРУЖЕНИЯ

1. Падение мировых цен на нефть – трагедия или шанс для нас? На протяжении многих лет, начиная с 1995 г., я неоднократно писал, что вечно жить за счет экспорта невозобновляемых природных ресурсов невозможно. Это ведет к научно-технологической деградации и усугубляет наше отставание от Запада. Наступит день, когда у нас перестанут все это покупать – просто возьмут и заберут.

Жизнь распорядилась иначе: катастрофически упали мировые цены на сырье, и прежний уровень жизни за счет фактического паразитирования на доставшемся от предков мы поддерживать не можем. Прозвучал предупредительный звонок, мы получили шанс одуматься, осознать бесперспективность прежнего пути, сменить направление движения.

2. Предстоит длительный период жизни в условиях крайне недружественного отношения самых развитых государств мира. Обоснование: может ли какая-то российская власть – сегодняшняя или завтрашняя – вернуть Крым Украине, даже если очень захочет? Не может и не сможет. Россия не выдает своих граждан и не может отправить их обратно на Украину против их воли. Точно так же не может выселить куда-то крымчан и отдать пустую землю.

Для Запада это, конечно, не причина, но основание для демонстративного противодействия нашему развитию. Нам предстоит реиндустриализация в условиях крайне неблагоприятного окружения, а это – совершенно другая задача, требующая иных методов решения.

3. Предстоящее развитие нуждается в идейной, мировоззренческой базе. По Конституции ни одна идеология не может у нас устанавливаться как государственная, общеобязательная. Но из этого не следует, что сознательные преобразования можно провести без широкого согласия по ключевым мировоззренческим позициям. То есть, общеобязательный «ленинский зачет» вводиться не может, но единая мировоззренческая база для тех, кто будет разрабатывать и осуществлять программу развития, жизненно необходима.

Несколько важных составляющих:

а) мы в одной лодке, в неблагоприятном окружении, значит, вопрос о приоритете индивидуализма или коллективизма разворачивается уже не по нашему желанию, но объективно: нам придется сместить баланс в сторону приоритета коллективизма. Можно называть это коммунизмом, можно социализмом, а можно «солидаризмом» (хотя сам Л. Эрхард этот термин, вроде, не использовал, но многие именно так по объективным критериям характеризовали немецкий социальный механизм, ставший

¹ Юрий Юрьевич Болдырев, член редакционного совета «Российского экономического журнала», в прошлом (1989–2000 гг.) – дважды член Парламента страны, начальник Контрольного управления Президента России, заместитель председателя Счетной палаты России, канд. экон. наук.

важной составляющей их послевоенного «экономического чуда»). И уже из такого мировоззренческого подхода неминуемо вытекают:

- самоограничение (или ограничение со стороны общества) доходов «ВИПов», включая руководителей госкорпораций и полугоскорпораций;
- более высокое налогообложение личных доходов (особенно сверхдоходов) по сравнению с налогообложением производства;
- прогрессивное подоходное налогообложение с резким ростом обложения сверхдоходов;
- более высокое налогообложение рентных доходов по сравнению с налогообложением доходов от труда;

б) культивирование так называемой честной игры вместо нынешнего, по существу, аморального культа «успешности» (независимо от методов его достижения):

- поддержка и мотивирование созидательной деятельности с ограничением любых спекулятивных операций;
- жесткое пресечение всякого рода мошенничества вместо нынешнего фактического его поощрения путем «декриминализации» и т. п.;

в) принципиальный отказ от парадигмы постиндустриального общества; должно строиться индустриальное общество – современное, высокообразованное, ориентированное на наукоемкое и высокотехнологичное индустриальное развитие.

4. Исключение паразитических звеньев, встроенных во все сферы жизни – в экономическую и социальную системы и в госуправление. Яркие примеры таких звеньев:

- частные страховые компании, ни за что не отвечающие, ничем не рискующие и паразитирующие на фактически государственном (из государственных фондов) страховании, встроенные в систему ОМС;

- частные управляющие компании – паразитические посредники в системе ЖКХ, создающие иллюзию конкуренции;

- финансово-спекулятивные компании, управляющие заведомо мошенническим принудительным «накопительным» компонентом государственной пенсионной системы (должен быть исключен сам этот принудительный «накопительный» компонент, концентрирующий наши средства в интересах финансовых спекулянтов);

- вся система принудительных сборов «на капремонт» с размещением средств на длительное хранение на счетах в коммерческих банках – еще один механизм принудительного изъятия средств в интересах финансовых спекулянтов; что же касается «котловой» системы – если это социально ориентированный инструмент, тогда он должен оформляться и управляться как нормальный налог – включаться в систему налогообложения;

- фактическая передача сбора налогов «на откуп», яркий пример – система «Платон» по взиманию платы за проезд грузовиков по федеральным трассам;

- система финансирования регионов путем их принуждения к кредитованию в коммерческих банках (во исполнение полномочий, переданных из Центра, но без источников средств и под угрозой уголовного наказания за неисполнение этих полномочий) с последующим перечислением из федерального бюджета положенных дотаций и субсидий и изъятием части из них в пользу банков в качестве уплаты процентов;

- намеренно созданная система формирования оборотных средств (после неоднократного их целенаправленного обесценивания, а также введения уплаты налога на добавленную стоимость по факту отгрузки товара, т. е. до получения оплаты за него)

из кредитных ресурсов, одолженных под завышенные проценты у частных коммерческих банков;

- принудительное хранение оборотных средств предприятий на счетах коммерческих банков без гарантии их сохранности – предоставление как альтернативы возможности хранения оборотных средств на счетах государственной структуры, гарантирующей сохранность средств;

- «помощь» сельскому хозяйству, автопрому и т. п. путем ... субсидирования из госбюджета процентных ставок по кредитам – фактическая помощь коммерческим банкам под видом решения народнохозяйственных задач;

- «помощь» гражданам путем субсидирования части процентных ставок по ипотеке должна быть заменена подлинной прямой помощью получателю без привязки к кредитованию и без фактического перевода бюджетных средств частным банкам;

- требования постоянного платного обучения, переобучения и «повышения квалификации», платного получения «сертификатов на ведение баз данных» и т. п., платного членства в «саморегулируемых организациях» и пр.

Список может быть дополнен как ныне действующими, так и постоянно внедряемыми новыми паразитическими элементами.

5. Разворот всей финансово-банковской системы на обслуживание реального сектора экономики и реиндустриализации страны. Прежде всего:

- Центральный банк (ЦБ) – это орган государственной власти, строго соответствующий Основам конституционного строя и вписанный в конституционную систему разделения властей; руководство ЦБ подконтрольно, публично подотчетно и наказуемо;

- «независимость» ЦБ исключительно в части выполнения конституционной функции обеспечения устойчивости рубля, причем независимость исключительно оперативная, т. е. в строгом соответствии с правовыми рамками, количественными и качественными критериями, задаваемыми законодателем (аналогично оперативной независимости любой исполнительной власти);

- изъятие из монопольного ведения ЦБ вопросов, не отнесенных по Конституции к его компетенции (кредитно-денежного регулирования, регулирования деятельности коммерческих банков и т. п.), и функций «мегарегулятора» – это прямые полномочия исполнительной власти; сохранение за ЦБ функций денежной эмиссии и обеспечения устойчивости рубля, но строго в рамках регулирования этой деятельности законодателем (так как эти вопросы отнесены Конституцией к ведению Российской Федерации);

- в рамках межотраслевого баланса и признания кредитно-финансовой системы (включая всю банковскую систему) инфраструктурой развития реального сектора экономики введение регулирования рентабельности деятельности коммерческих банков, которая должна быть не выше рентабельности обслуживаемых секторов реальной производительной экономики;

- во главе Центрального банка и Национального финансового совета должны стоять не финансисты, а представители реального сектора экономики, в интересах развития которого должно осуществляться управление ЦБ.

6. Разворот энергетической, транспортной, жилищно-коммунальной и иной инфраструктуры на обслуживание производящего сектора экономики, промышленного производства, сельского хозяйства, науки, образования и здравоохранения. Соблюдение межотраслевого баланса, регулирование рентабельности и сбалансированность уровней заработной платы: уборщица в «Газпроме» не должна получать больше, чем та же уборщица в школе или больнице.

7. Характер реиндустриализации: авторитарная или демократическая? На основе идей левых или правых? Лично я предпочитаю демократическую, но это не главное, возможны варианты. Важнее другое: реиндустриализация не должна быть симулятивной. Нельзя допускать, чтобы власть делала вид, что меняет курс, на самом деле ожидая, когда все вернется на круги своя, чтобы продолжить паразитировать на природных ресурсах, а значит – деградировать.

На основе левых или правых идей? На мой взгляд, лучше на основе социальных идей. Хотя бы потому, что в основе такой реиндустриализации и модернизации – признание приоритета нашего общего интереса (в условиях недружественного окружения) над личным интересом тех, кто и в нынешней ситуации, при продолжающемся падении, остается вполне успешным. Но и здесь возможны варианты, например, сочетание интересов – общего и частного. Но тогда нашими общими усилиями достижение частного интереса должно быть жестко поставлено в зависимость от реализации общей задачи. Инструментами решения этой задачи являются межотраслевой баланс, подчиненный планам стратегического развития, и избирательное стимулирующее налогообложение. Должна быть создана среда, в рамках которой получить прибыль на нашей территории можно исключительно работой на реиндустриализацию страны, но не вывозом переработанного сырья или финансовыми спекуляциями.

8. Подлинная реиндустриализация возможна исключительно на основе суверенной экономической и социальной политики. Здесь все однозначно. Реиндустриализация в условиях неблагоприятного внешнего окружения может быть только суверенной, и прежде всего – независимой от тех, кто стремится во что бы то ни стало остановить наше развитие. Отсюда – постановка вопроса об отношении к ВТО – ключевому элементу управления развитием (путем сдерживания развития конкурентов) со стороны Запада.

Лично я – за полный и скорейший разрыв с ВТО, тем более что наши «партнеры» массово пошли на грубое нарушение правил и норм, введя односторонние санкции против России. Допускаю возможность постепенных и более мягких вариантов, но в любом случае – это один из ключевых вопросов.

9. Осмысленное движение требует ответственного управления. Хватит играть в Президента «выше всех», но ни за что не отвечающего, и отдельно правительство – как будто за все отвечающее, но с реальным статусом, вроде помощника Президента по хозяйству. Должна быть ответственная исполнительная власть, и тот, кто реально принимает решения, должен нести за них всю полноту ответственности.

Ответственная Государственная Дума (которую нельзя распустить по воле Президента, кроме одного случая – когда она не может сформировать ответственное большинство, отвечающее за все принимаемые законы). Независимый от давления или вмешательства Президента парламентский контроль – посредством независимой Счетной палаты и непосредственный парламентский контроль – через парламентские комиссии по расследованию, для компетенции которых не должно быть ограничений.

Ответственные ключевые министерства, прежде всего – экономического развития. Не нынешнее министерство безответственного прогнозирования, а ответственное за разработку и реализацию стратегии экономического развития, достижение плановых показателей, характеризующих уровень научно-технологического и промышленного развития, степень самодостаточности национальной экономики и сбалансированности внешнеэкономических связей, при недопустимости односторонней зависимости от кого-либо.

Ответственный Центральный банк как орган государственной власти, вписанный в систему разделения властей, руководство которого обществу подконтрольно, подотчетно и обществом наказуемо.

10. Подлинное самостоятельное местное самоуправление, защищенное от криминала. Это необходимо независимо от того, осуществляется реиндустриализация и модернизация в демократичном или авторитарном вариантах. В России местное самоуправление развивалось даже при абсолютной монархии. Но для этого необходимо жесткое подавление криминала на местах. Возможны только два варианта: либо криминал выкорчевывается сверху (я предпочел бы этот вариант), либо необходимо вооружать народ, чтобы он сам мог противостоять вооруженному криминалу. Если не сделать ни того, ни другого, то подлинное продуктивное самоуправление не состоится – все неминуемо превратится в сплошную «кущевку».

Заключение

В условиях неблагоприятного внешнего окружения, мы – в одной лодке. И по всем ключевым вопросам должны не настаивать на каком-то своем «идеальном» решении, а найти социальный компромисс. Это касается всех граждан, выступающих за сохранение и развитие своей страны. В нынешней ситуации это означает – за приоритет национальных интересов, интересов национального развития над любыми иными.

Е. Б. Ленчук¹

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Вряд ли сегодня кого-то надо убеждать в том, что стимулировать экономический рост в нашей стране можно только на основе структурной модернизации, возрождения индустриального развития на базе инноваций, характеризующих переход к новой модели развития. Либерально-монетарная политика, которую проводило наше Правительство на протяжении последних двух десятилетий, обернулась для страны развалом промышленного производства, повышением зависимости экономики от иностранных капиталов, технологии и продукции.

Состояние технологической отсталости в России выражается в следующем:

- масштабная деиндустриализация и примитивизация национальной экономики, снижение промышленной активности, сокращение количества производств, связанных с высшими технологическими укладами, и вымывание технологически емких отраслей. Так, в 2013 г. доля материального производства в ВВП составила 39 % (пороговое значение ЭБ – 66 %), доля машиностроения в промышленном производстве – 14 % (при пороговом значении 25 %) [1]. В составе продукции машиностроения на 20 % уменьшилась доля четвертого и пятого технологических укладов; в структуре технологий машиностроения преобладают базовые устаревшие технологии – доля прогрессивных технологий – 15...17 % [2];

- старение производственной базы и медленные темпы ее обновления. Инвестиции в основной капитал в 2014 г. сократились до 17,5 % ВВП (пороговые значения ЭБ – 25 %), что обеспечивало обновление производственного аппарата машиностроения на уровне 4...5 %. В 2014 г. степень износа основных фондов по экономике достигла 47,3 %, в обрабатывающих производствах – 44,7 %, в высокотехнологичных – 47,1 % [3];

- падение конкурентоспособности российской промышленности на мировых рынках (в том числе высокотехнологичных). Доля России на мировом высокотехнологичном рынке устойчиво сохраняется на уровне 0,3 %. По отдельным видам высокотехнологичной продукции наша доля в 2013 г. составляла: в производстве авиакосмической продукции – 1,7 %, в производстве электроники и офисного оборудования – 0,16 %, в фармацевтике – 0,1 % [4];

- высокая степень импортозависимости от зарубежных материалов, продукции и технологий. За последние четверть века произошла переориентация отечественного машиностроения с обеспечения собственным оборудованием воспроизводственных процессов на удовлетворение текущего спроса на соответствующие виды оборудования за счет зарубежных производителей. Россия имеет отрицательное сальдо в размере 125 млрд долларов в торговле машинами и оборудованием со странами дальнего зарубежья. Уместно напомнить, что, по мнению экспертов, угроза национальной экономической и технологической безопасности возникает при доле импорта какого-либо стратегически важного товара во внутреннем потреблении выше 25 %;

¹ Елена Борисовна Ленчук, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

- высокая зависимость России от зарубежных технологий. В 2013 г. экспорт технологий из России составил в денежном исчислении 770,5 млн долларов, а импорт – 2,4 млрд долларов. Россия имеет отрицательный баланс в торговле технологиями с зарубежными странами в размере 1,7 млрд долларов [5];

- в условиях постоянного недофинансирования происходит разрушение отечественного научно-технологического потенциала, сокращение численности исследователей, старение научных кадров, «утечка мозгов». За годы рыночных преобразований мы практически лишились отраслевого сектора прикладной науки. В настоящее время все очевиднее становится угроза разрушения фундаментальной науки в условиях непродуманной и необоснованной реформы РАН;

- несмотря на постоянную работу государственных органов в сфере формирования национальной инновационной системы, показатели инновационной деятельности на протяжении последних десятилетий остаются на низком уровне, заметно отставая от аналогичных показателей в развитых и многих развивающихся странах.

Сложившаяся ситуация во многом объясняется отсутствием продуманной научно-технологической, инновационной и промышленной политики, а самое главное – их взаимоувязки. В стране сложилась парадоксальная ситуация, когда на протяжении длительного времени активно велась работа по формированию национальной инновационной системы при полном отрицании промышленной политики. А ведь именно в промышленности, и прежде всего в технологически емких отраслях, формируется спрос на инновации. На Западе сегодня не только возрождается интерес к промышленному развитию, но и активно пропагандируется курс на новую индустриализацию, которая предусматривает развитие производств на новой технологической основе. Основным содержанием новой индустриализации становится распространение «прорывных технологий», которые охватывают формирование новых отраслей промышленности и секторов экономики, воспроизводящих эти прорывные технологии, и их распространение в традиционных отраслях промышленности и секторах экономики. Прежде всего речь идет о прорывных производственных технологиях, обладающих потенциалом качественного обновления производственных процессов, методов их организации и вовлечения трудовых ресурсов. Они способны создавать новые рынки и отрасли, выступать драйверами экономического роста. К таким технологиям относятся робототехника, 3D-принтинг, новые материалы, «Интернет вещей». По сути, такие технологии ломают представление о том, что и как производить, и формируют интеллектуальное производство. По оценкам, например McKinsey, только прямой экономический эффект от применения 3D-печати к 2025 г. может достичь 500 млрд долларов.

Если Россия хочет быть конкурентоспособной, ей необходимо преодолеть технологический кризис. По имеющимся заделам в сфере передовых производственных технологий Россия пока серьезно отстает.

Решение этих проблем диктует содержание новой индустриализации для России. Задача среднесрочной перспективы – преодоление технологической отсталости и технологическая модернизация традиционных секторов промышленности, прежде всего инвестиционных отраслей. Это особенно важно в контексте импортозамещения. России предстоит удовлетворить огромный внутренний спрос за счет собственных технологий и собственной высококачественной продукции. Одновременно мы должны решать задачу долгосрочной перспективы, формируя конкурентные высокотехнологичные производства, связанные с развитием прорывных технологий высших технологических укладов, создавая под них соответствующую технологическую базу.

Чтобы сформировать технологический вектор развития, обеспечивающий быстрый рост отечественного промышленного комплекса, необходимо вести комплексную работу, которая должна базироваться на долгосрочных прогнозах научно-технологического развития и инвентаризации заделов и содействовать решению актуальных задач социально-экономического развития. Такой вектор должна определять стратегия научно-технологического развития России на долгосрочную перспективу, формирующая приоритеты в контексте задач новой индустриализации.

Россия должна перейти к активному формированию собственных воспроизводственных цепочек, которые, в частности, должны содействовать решению задач импортозамещения. Однако речь идет не о копировании существующего, а о разработке конкурентного продукта, который может быть востребован не только на внутреннем, но и на внешнем рынке.

Под обозначенные приоритеты стратегии должна формироваться институциональная система. Если мы хотим создавать новые технологии и продукты, активно включиться в инновационные процессы, выстраивать собственные воспроизводственные цепочки, необходимо развивать фундаментальную и прикладную науку, инжиниринговые центры, центры трансфера технологий; использовать кластерные стратегии; создать сеть центров превосходства на базе ведущих научных и образовательных организаций.

Очень важно подключить к решению задач научно-технологического развития финансовые институты развития. Сегодня их поддержку нельзя признать удовлетворительной. Так, например, при поддержке Банка развития в настоящее время реализуется лишь 5 инновационных проектов, которые составляют менее двух процентов от общего объема кредитного портфеля банка [6]. Если взять деятельность РВК, то фокус интереса этого финансового института направлен на поддержку рискованных проектов в области медицины и ИТ-технологий. На поддержку проектов в сфере промышленного производства и создания промышленного оборудования было инвестировано не более 7,5 % всех средств [7]. А ведь именно задачи обновления производственной базы отечественной экономики на основе внедрения передовых инновационных технологий являются сегодня наиболее актуальными, и позиции РВК в этом направлении могли быть более активными.

Стратегия научно-технологического развития должна предусматривать и решение кадрового вопроса для научно-технологической сферы (как высокопрофессиональных исследователей, так и инженерно-технических кадров). Сегодня крайнюю тревогу вызывают реформы в системе образования и в РАН. Отсутствие продуманных решений ведет к оттоку научных кадров из науки, неготовности инженерных кадров решать широкий круг современных научно-технических проблем. Так, например, на сайте Минобрнауки не так давно был размещен проект приказа «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования»: из 55 специальностей, предусмотренных обновленным перечнем специальностей и направлений подготовки высшего образования, сформированным в 2013 г., министерство в 2016 г. планирует сохранить только три. Еще 27 инженерных специальностей объединены в одну – «Обеспечение государственной безопасности», что противоречит основным принципам построения высшей школы, предусматривающим подготовку специалистов не только для обеспечения государственной безопасности, но и для отраслей гражданского сектора экономики [8].

Принципиально важно, чтобы Стратегия научно-технологического развития была вписана в дизайн Закона о стратегическом планировании и стала составной частью документов стратегического планирования. К сожалению, в самом законе в системе стратегических документов разработка стратегии научно-технологического развития не была предусмотрена, однако, есть указание Президента РФ о ее скорейшем включении, и уже начата ее разработка.

Должны быть единые сквозные научно-технологические приоритеты для всех стратегий и программ. Во всем мире научно-техническая и инновационная политика становятся неотъемлемой частью промышленной политики и, только обеспечив такое единство, страны добиваются результата в развитии промышленного комплекса. Этот путь должен быть ориентиром и для нас.

Список литературы

1. Глазьев, С. Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии: науч. докл. / С. Ю. Глазьев. – М.: РАН, 2014.
2. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики: науч. докл. / ИЭ РАН. – М., 2014. – 58 с.
3. Россия в цифрах 2015 г. / Росстат. – М., 2015.
4. Main Science and Technology Indicators 2014/1 / OECD. – 2014.
5. Индикаторы науки: 2015: стат. сб. – М.: НИУ-ВШЭ, 2015.
6. Ленчук, Е. Б. Финансовые институты развития в решении задач технологической модернизации и инновационного развития / Е. Б. Ленчук // Федерализм. – 2015. – №4. – С. 7–24.
7. Годовой отчет о деятельности ОАО РВК в 2012 г. – С. 19 / URL: http://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/preview_RVC2012.pdf
8. Известия. – 2016. – 29 янв.

Р. С. Гринберг¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИКЕ И ГЕОПОЛИТИКЕ

В последнее время, участвуя в международных конференциях, я заметил такую закономерность: чем выше неопределенность будущего, тем чаще устраиваются конференции. Значит, люди пытаются понять – что будет. 25 лет назад один хороший человек написал эссе под названием «Конец истории». И многим казалось, что это похоже на правду. Название, конечно, очень провокативное, оно и прославило. Безусловно, многие люди точно так же думали и писали, но названия у них были более скучные. Автор писал, что все устраивается к лучшему: тоталитарная система ушла, победили демократия, гражданское общество и социально-рыночное хозяйство. Правда, там не было социально-рыночного хозяйства, но считалось, что на Западе оно все-таки было. Но нас они учили, что надо отбросить это первое прилагательное, и мы последовали совету. И сейчас следуем. Профессор А. Карлик изрек одну сентенцию, которая очень соответствует тому, что происходит у нас: «врачи долго боролись за жизнь больного, но он, похоже, выжил». Мы 25 лет критикуем то, что происходит в стране, считаем экономическую политику неправильной и т. д. Зато мы имеем право критиковать, и это – достижение перестройки, которую принято не любить.

Но вернемся к международному аспекту. Мы – часть мира, и нам не нужна самоизоляция. А что происходит в мире? Главное противоречие нашей эпохи (как нас учили в советские времена) заключается в том, что мировая экономика, действительно, единая и требует какого-то общего регулятора. Именно в тот момент, когда она особенно требует этого регулятора, у нас начинается процесс деглобализации. С возвращением геополитики деглобализация усиливается. Один американец сказал, что мы все живем в одной большой деревне, которая требует сельсовета. А сельсовета не получается, и это очень серьезно, поскольку чревато мощными конфликтами. И проблема в том, что, как говорил С. Бодрунов, мы наблюдаем одновременно ускорение технологических изменений. Производительные силы возросли настолько, что через некоторое время самолеты будут летать без летчиков, машины – ездить без водителей, и многие профессии обесценятся. Но морально-этический прогресс, похоже, не имеет никакого отношения к прогрессу производительных сил.

Так вот, эта геополитика, которая вернулась сегодня в самом отвратительном виде – со взаимными угрозами, подозрениями и предрассудками, похоже, определяет характер нашей эпохи. И мы считаем, что сегодня в мире необходим морально-этический консенсус. И прежде всего следует остановить такую геополитику, когда наши победы – это обязательно поражения другого.

Теперь о России. В стране есть три потенциала, два из которых (природный и интеллектуальный) используются на полную мощность. Природный потенциал, действительно, эксплуатируемый на полную мощь, себя исчерпал в связи с окончанием эры дорогого топлива. Интеллектуальный потенциал больше работает на остальной мир,

¹ *Руслан Семенович Гринберг*, научный руководитель Института экономики РАН и Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН.

чем на собственную страну: лучшие выпускники российских вузов укрепляют мощь наших оппонентов. Мы очень много потеряли в индустриальном ландшафте и в образовании. И, на мой взгляд, безальтернативным вариантом нашего выживания в этом мире являются мегапроекты, прежде всего строительство высокоскоростных железных дорог и автомобильных дорог, которые «стягивают» пространство России, где проживает 7 человек на квадратный километр. Позитивные экономические эффекты от мегапроектов совершенно очевидны, впрочем, как и риски их финансирования, но альтернативы нет.

Интересна риторика министра экономического развития России, сторонника сил саморегулирования, который недавно признался, что риски от государственных инвестиций намного меньше рисков от их отсутствия. И это правда. В данном случае речь идет о пресловутом государственно-частном партнерстве, когда государство иницирует проекты (а лучше – мегапроекты) и делает их «вкусными» в перспективе для частного бизнеса.

На самом деле состояние российской экономики отчаянное. Существует некоторая паника среди лиц, принимающих решения. Что же все-таки делать? Есть две школы мышления. Представители одной говорят, что надо улучшать инвестиционный климат, ждать ценового отскока, пытаться снизить инфляцию и «создать» дешевые деньги. Эта «мантра» звучит уже 25 лет. Другие, в том числе я, считают, что без государственных инвестиций не обойтись, но риски – сумасшедшие.

Самое грустное во всем происходящем – это снижение реальных доходов населения в сочетании с коммерциализацией образования, науки, медицины и культуры.

Выскажу одну важную мысль. Мы уже 25 лет ругаем правительственную политику, и это правильно, но, если мы хотим реальных перемен, мы должны превратиться из подданных – в граждан: ходить на выборы, изучать программы и пр. В этом году это принципиально важно. Есть такая демократическая страна – Австралия. Там, если ты не пришел на выборы, то должен заплатить штраф в 10 евро. Если второй раз не пришел, можно и в тюрьму попасть. Австралийцы поняли, что лучше, когда люди ходят на выборы, читают программы и выбирают, а не сидят в пивной и говорят, что они там все равно за нас все решили.

А. Е. Карлик¹

ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАК ДРАЙВЕР РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Наличие внешнеполитических коллизий (война санкций, скачки цен на нефть, приближение НАТО к границам России, украинский, сирийский кризисы и др.) в совокупности с внутренними проблемами (падение уровня жизни населения, рецессия промышленного производства, коррупция и др.) требуют от нас разработки стратегии социально-экономического развития и доведения ее до всех регионов.

За период 1991–2016 гг. зафиксировано три минимума промышленного производства (1998, 2009, 2015 гг.) (рис. 1). При этом в 1999–2007 гг. динамика носила характер восстановительного роста и была обусловлена наличием свободных мощностей, резким падением курса рубля и трудовыми резервами; к 2009 г. эти факторы роста были практически исчерпаны и к новому кризису 2013–2015 гг. экономика России подошла с потерей золотовалютных резервов (рис. 2) и новой волной санкций.

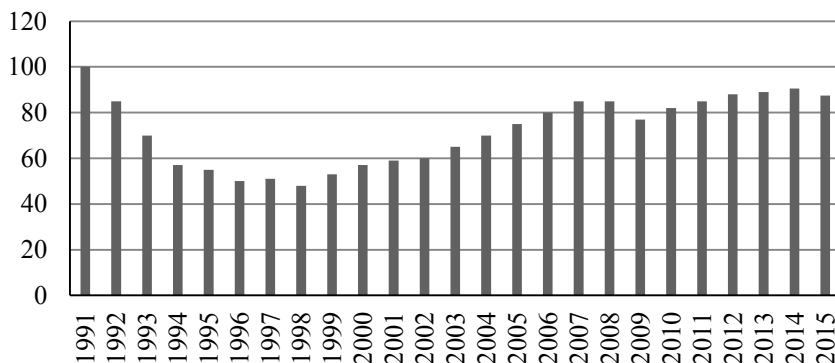

Рис. 1. Индекс промышленного производства в РФ (1991=1)

Будущее экономики России непосредственно зависит от вектора развития и определения точек роста. В мировой экономике известны пути преодоления кризиса: в частности, период Великой депрессии был преодолен (в том числе) за счет строительства транспортной инфраструктуры, введения общественных работ при строительстве дорог, модернизации предприятий инженерной инфраструктуры.

Одним из направлений преодоления кризисных явлений в разных странах и в различные периоды являлось развитие оборонно-промышленного комплекса (ОПК). При этом ничто не вызывает больше споров в экономике, чем вопросы, связанные с ОПК:

¹ Александр Евсеевич Карлик, проректор по научной работе, заведующий кафедрой экономики и управления предприятиями Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д-р экон. наук, профессор.

морально или аморально продавать оружие, есть ли польза от ОПК, поможет ли он развить нашу экономику или загубит ее, может ли ОПК повлиять на выход из кризиса? На все эти вопросы однозначных ответов нет.

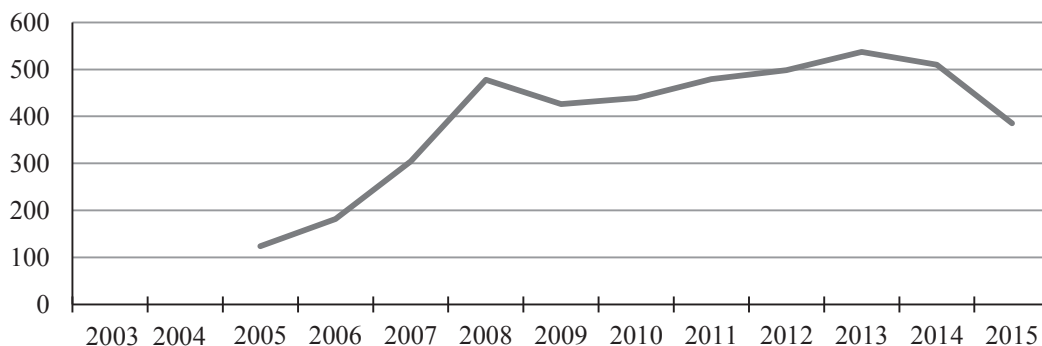

Рис. 2. Динамика величины золотовалютных резервов РФ, млрд долл.

Оценивая возможности России в условиях политических и экономических ограничений (как внутренних, так и внешних), признаем, что из всех потенциальных драйверов российской экономики реально доступны и необходимы для России два: разработка и реализация инфраструктурных мегапроектов, прежде всего строительство дорог (автомобильных, железных и др.); развитие оборонно-промышленного комплекса как драйвера научных исследований и высокотехнологичной промышленности.

Чтобы оценить состояние и возможности развития ОПК, рассмотрим мировые тенденции в сфере военных расходов и военной промышленности (рис. 3). Следует отметить постоянный рост мировых военных расходов (в 2015 г. – 1700 млрд долларов), причем основной вклад в этот рост вносят Китай, Индия и некоторые другие страны, осуществляющие в последние годы модернизацию вооруженных сил в целях создания современной военной промышленности.

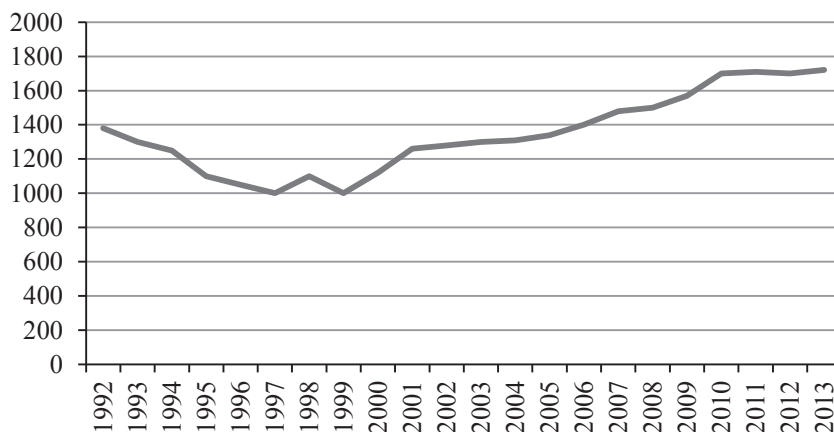

Рис. 3. Динамика мировых военных расходов, млрд долл.

Из всех мировых военных расходов на США в настоящее время приходится примерно 35 % (596 млрд долл.); военные расходы России в 2015 г. составили 66,4 млрд долл. (3,9 %). При этом в статье военных расходов бюджета США не учитываются затраты на военные операции, например в Ираке и Ливии [1]. Отметим, что в последние годы наблюдались тенденция падения военных расходов США (во всяком случае, официально) и рост военных расходов России, которые практически не сравнимы с расходами США (рис. 4).

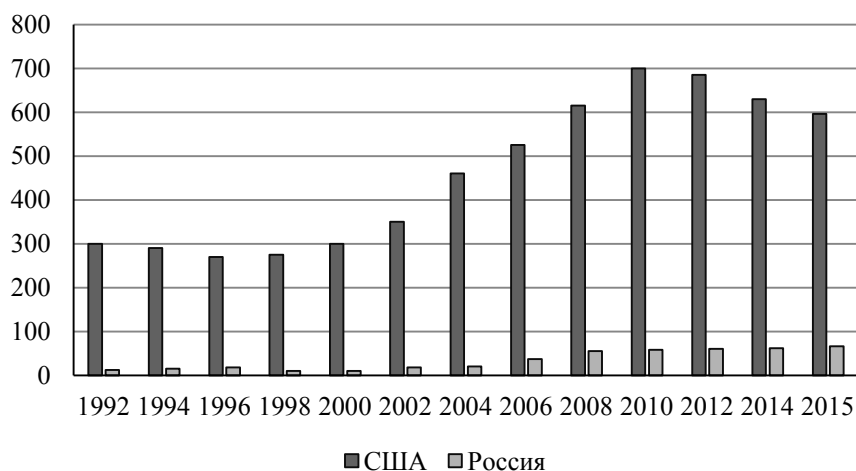

Рис. 4. Динамика военных расходов России и США, млрд долл.

Военные расходы – это та область затрат, где частный сектор экономики не может заменить бюджетные расходы. Никакая группа граждан или корпораций не может финансировать оборонные расходы, во-первых, из-за отсутствия достаточной мотивации и, во-вторых, потому что государство не может доверить им вопросы обороноспособности. Еще А. Смит идентифицировал защиту государства (общества) как одну из важнейших функций, частично оправдывающей величину налогообложения. Проблема в том, что бюджет государства ограничен и изменение его структуры и величины (например, рост доли военных расходов) может привести к росту государственного долга и в дальнейшем к росту налогов для покрытия этого дефицита. Кроме того, рост военных расходов означает снижение затрат на инфраструктуру, здравоохранение и другие сферы, контролируемые правительством. В этом смысле рост военных расходов носит негативный характер.

Экономическое воздействие военных расходов проявляется и в решении проблемы занятости, характерной для современного этапа развития мировой экономики. Вооруженные силы требуют военной техники, вооружений, формирования соответствующей инфраструктуры, создания различных частных фирм, поддерживающих их функционирование, а это – дополнительные рабочие места.

В современной структуре военных расходов основные затраты связаны с реализацией государственной программы вооружения, именно они должны стать объектом первоочередной оптимизации в направлении придания им инвестиционной сущности. Это обусловлено тем, что социально-экономическая система любой страны чрезвы-

чайно сложна, прямые и обратные связи системы образуют единое целое. Так, предприятия ОПК осуществляют разработки двойного назначения, что приводит к положительным эффектам в оборонной, социальной и экономической сферах; обеспечивают занятость десятков тысяч человек по всей России; поддерживают научные и образовательные центры и т. д. Труд в ОПК высококвалифицированный и дорогой, источником его оплаты при выполнении заказов в интересах обороны являются прежде всего средства федерального бюджета. Они целевым образом доводятся до занятых в высокотехнологичных областях промышленного производства, формируя систему побудительных мотивов и стимулов, направленных на развитие инновационного сектора; задают спрос на инженерное образование и т. д., являясь фактически инструментом селективной политики социально-экономического развития. Сегодня в ОПК России работают более 4 тысяч компаний и предприятий, а совокупный вклад всей оборонно-промышленной отрасли по состоянию на 2013 г. оценивался на уровне 14...15 % ВВП.

На предприятиях ОПК трудятся более двух миллионов человек (вместе с членами семей это свыше 5 миллионов), т. е. практически 3,5 % населения страны. Для них сохранение финансирования оборонной отрасли – гарантия стабильной высокооплачиваемой работы и достойной пенсии. Кроме того, инвестирование в ОПК стимулирует развитие целого ряда отраслей экономики [2].

Тем не менее ряд экономистов считает, что создание рабочих мест за счет бюджетных средств сокращает количество рабочих мест, создаваемых средствами частного капитала (поскольку на решение этой задачи могли быть направлены средства, уплачиваемые частным сектором государству в форме налогов, в том числе на военные расходы).

Существует также мнение, что ОПК поглощает высококвалифицированные кадры, которые могли бы ускорить технический прогресс в гражданских отраслях научных исследований и промышленности. Тем не менее, есть примеры передачи в экономику оборонно-промышленным комплексом новых разработок. Создание микроволновых печей, интернета, GPS, беспилотников финансировалось преимущественно из бюджетных средств, поскольку все это разрабатывалось как военная техника. Одним из показателей функционирования ОПК является его структура. Сегодня основную долю бюджета Минобороны России (62 %) составляют расходы по Государственной программе вооружения, представляющие собой инвестиции в ОПК [2]. Подтверждением является постоянный рост экспорта российской военной техники и вооружений (рис. 5), несмотря на серьезную конкуренцию традиционно сильных в этом направлении держав (США, Великобритания, Франция, Израиль) и развивающихся (Китай, Индия и др.).

В соответствии со статистикой доля экспорта машин и оборудования в общем объеме экспорта России в 2015 г. составила 6,0 % (31,82 млрд долл.) [3]. Анализ показывает рост доли вооружений и военной техники в экспорте машин и оборудования (рис. 6).

Е. Venoit (1973) так сформулировал положительное влияние роста военных расходов на функционирование вооруженных сил [4]:

- эффект безопасности – вооруженные силы, обеспечивая безопасность страны, создают атмосферу, способствующую инвестициям и принятию долгосрочных экономических решений. В отсутствие безопасности возможен распад экономики;
- инфраструктура, создаваемая для вооруженных сил (дороги, аэропорты, доки, судоремонтные предприятия и коммуникации), может использоваться гражданским

сектором внутри страны. Военные геодезисты, метеорологи, картографы могут оказывать геодезические и метеорологические услуги, принося дополнительные доходы;

- эффект развития человеческих ресурсов – призванные на военную службу получают первичный уровень подготовки, военную специальность, навыки, которые они смогут использовать на гражданской службе;

- формирование уважения к национальным ценностям.

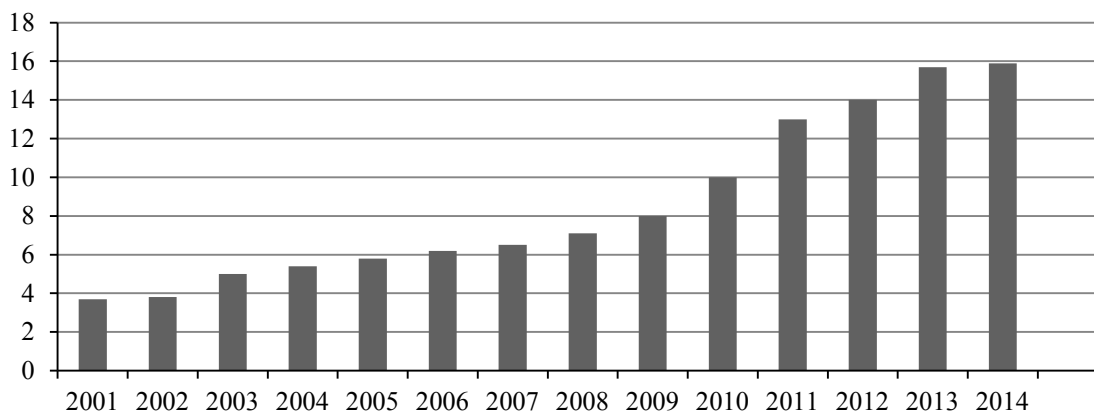

Рис. 5. Динамика экспорта военной техники и вооружений, млрд долл.

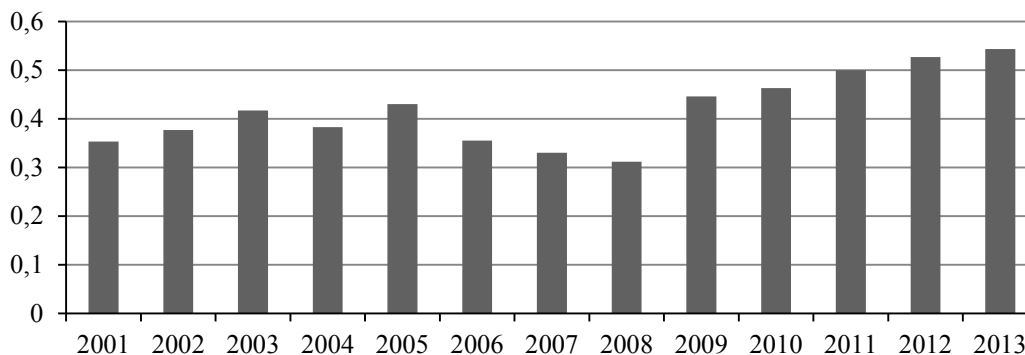

Рис. 6. Доля экспорта вооружений и военной техники в экспорте РФ машин и оборудования

Результаты эмпирических исследований, посвященных оценке влияния военных расходов на экономический рост, противоречивы. Так, Yildirim и Sezgin (2002) сообщают, что расходы на оборону приводят к экономическому росту, увеличивая совокупный спрос [5]. Они же считают, что военные расходы отрицательно влияют на занятость.

В России отношение к ОПК у различных групп ученых и политиков диаметрально противоположное. Так, А. Кудрин негативно относится к развитию ОПК как драйвера российской экономики: «В современной экономике нельзя создать малень-

кие оазисы высоких технологий и инноваций, тогда как остальная промышленность не будет соответствовать современному уровню. Период, когда мы на базе военных заказов создавали новые технологии, а потом они применялись в гражданской отрасли, прошел» <...> Там большое количество неэффективных предприятий, и сейчас на них возлагается задача, которую они, по нашим реальным проработкам, в таком объеме исполнить не смогут» [6]. В то же время Высшая школа экономики, ранее негативно относившаяся к росту расходов на оборону, отмечает: «Военные расходы, особенно гособоронзаказ, являются драйвером экономики» [7].

Таким образом, однозначно определить возможности и вектор влияния военных расходов на экономику государства нельзя без учета условий, в которых развивается государство.

Список литературы

1. Мировые военные расходы снова растут: Россия в лидерах. http://www.bbc.com/russian/news/2016/04/160405_world_military_spending
2. Военный бюджет без тайн http://www.redstar.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=22203
3. Экспорт товаров из России в 2015 году. <http://export-sng.ru/news/252/>
4. *Benoit, E.* Defense and economic growth in developing countries / E. Benoit. – Lexington Books, Lexington MA, 1973.
5. *Sezgin, S.* The demand for Turkish defence expenditure / S. Sezgin, J. Yildirim // Defence and peace economics. – Taylor & Francis Journals. – 2002. – Vol. 13(2).
6. *Гладунов, О.* Россия уходит в оборону / О. Гладунов. <http://svpressa.ru/economy/article/110934/>
7. Ректор ВШЭ: сокращение военных расходов – не приоритет. http://www.bbc.com/russian/business/2016/03/160316_kuzminov_interview

Р. М. Нуреев¹

ОТ СТАРОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ К НОВОЙ

1. Особенности неоиндустриализации в условиях догоняющего развития. Распад и крушение колониальной системы, подъем национально-освободительного движения в афро-азиатских странах сделали феномен их развития предметом самостоятельного исследования. Вдохновленные опытом индустриализации в СССР, многие лидеры стран «третьего мира» рассматривали проблему отсталости прежде всего как технико-экономическую. Однако довольно скоро стало очевидным, что индустриализация в XX в. будет отличаться от классической индустриализации в развитых странах в конце XVIII–XIX вв.

Большое влияние на становление современных западных концепций модернизации «третьего мира» оказала теория перехода к «самоподдерживающемуся росту», которую выдвинул американский ученый Уолт Уитмен Ростоу (1916–2003). Ее основная идея заключалась в обосновании перехода от традиционного общества к современному обществу западного типа². При таком подходе термин *развитие* используется как синоним высоких темпов роста. Глубокие социальные и институциональные изменения оказываются в тени, на передний план выходит соотношение инвестиций и темпов роста валового национального продукта.

Если Дж. М. Кейнс исходил из того, что инвестиции определяют рост национального дохода, то его ученики, и прежде всего Р. Харрод, считали, что инвестиции зависят от темпов роста национального дохода. В условиях неоиндустриализации этот фактор становится важнейшим, что подтверждается развитием стран и континентов во второй половине XX в. Страны с высокими среднечеловеческими темпами ВНП имели и высокие среднечеловеческие темпы роста валовых внутренних инвестиций (Китай, Ю. Корея и др.) и, наоборот, страны с низкими среднечеловеческими темпами ВНП имели низкие среднечеловеческие темпы роста валовых внутренних инвестиций, что было типично для стран Африки (рис. 1).

Н. П. Кузнецова схематически (рис. 2) изображает стадии Ростоу следующим образом: промышленный переворот соответствует 3-й стадии; стадия зрелости – 4-й; массовое производство – 5-й; информационная стадия – 6-й. Однако, в отличие от Ростоу, она обращает внимание на ускорение экономического развития в XX в. Если для Англии первая, вторая и третья (массовое производство) промышленные революции отделены друг от друга десятилетиями, то для Канады, Австралии, Аргентины, Мексики, Индии, новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии (НИС ЮВА) они накладываются друг на друга. Индустриализация на базе парового двигателя отличается от индустриализации, базирующейся на электротехнической революции, и уж тем более от индустриализации, происходящей в условиях НТР. Понятно, что индустриализация в конце XX – начале XXI в. не может не использовать современные достижения.

¹ *Рустем Махматович Нуреев*, заведующий кафедрой экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, д-р экон. наук.

² *Rostow, W. The Take-off into Self-sustained Growth // The Economics of Underdevelopment. 2nd Ed. L., 1960. P. 154–186.*

Поэтому феномен неоиндустриализации, как это ни странно, начался на периферии капиталистического мира, а в условиях формирования постиндустриального общества он был переосмыслен на базе достижений эпохи НТР.

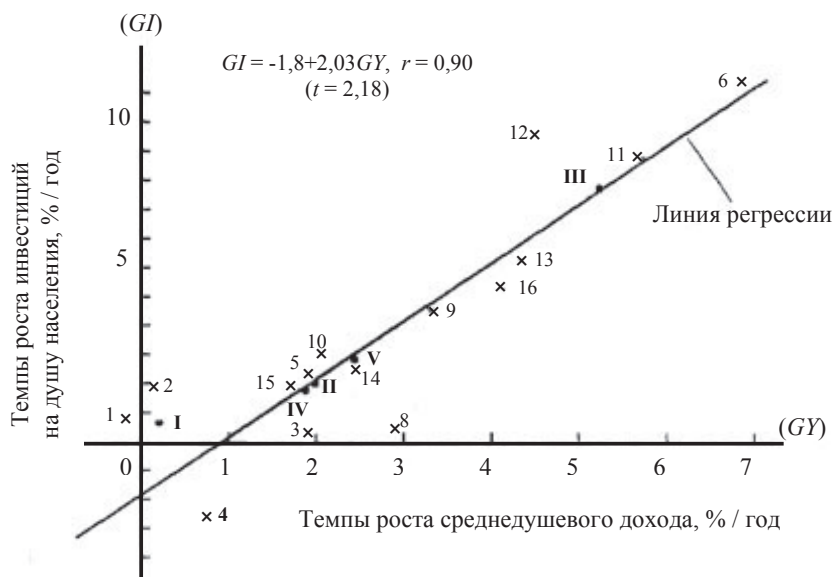

Рис. 1. Взаимосвязь среднедушевых темпов роста ВВП и валовых внутренних инвестиций в различных странах (в среднем за 1965–1990 гг.):

- регионы (I – Африка; II – Ю. Азия; III – Вост. Азия; IV – Лат. Америка; V – Организация стран экономического сотрудничества и развития);
- × страны (1 – Танзания; 2 – Нигерия; 3 – Кения; 4 – Бангладеш; 5 – Индия; 6 – Корея; 7 – Аргентина; 8 – Мексика; 9 – Бразилия; 10 – Великобритания; 11 – Китай; 12 – Индонезия; 13 – Таиланд; 14 – Франция; 15 – США; 16 – Япония)

(источник: Hayami Y. Development Economics From the poverty to wealth of nations. Oxford. 1997. С. 37)

2. Развитие концепций постиндустриального общества и новой экономики и начало осмысления феномена неоиндустриализации. Первоначально теоретики постиндустриального общества утверждали, что новый этап кардинально отличается от этапа индустриализации и не является индустриализацией как таковой. В своих работах они подчеркивают отличия научно-технической революции от промышленной. Главным фактором в условиях промышленной революции считались средства производства, а теоретики новой экономики акцентировали внимание на развитии главной производительной силы – работников. Поскольку промышленная революция связывалась с революцией в материальном производстве, теоретики постиндустриального общества подчеркивали нематериальный характер сферы услуг.

Однако постепенно стало очевидно, что создание новой экономики невозможно без соответствующей системы производительных сил. Другое дело, что эти производительные силы опираются на науку и научные достижения. Маркс выделял три формы и три этапа развития производительных сил. На первом этапе господствуют естественные производительные силы, после промышленной революции – общественные, после

научно-технической – всеобщие. Важнейшим фактором всеобщих производительных сил Маркс считал науку и степень ее технологического применения в реальном процессе производства.

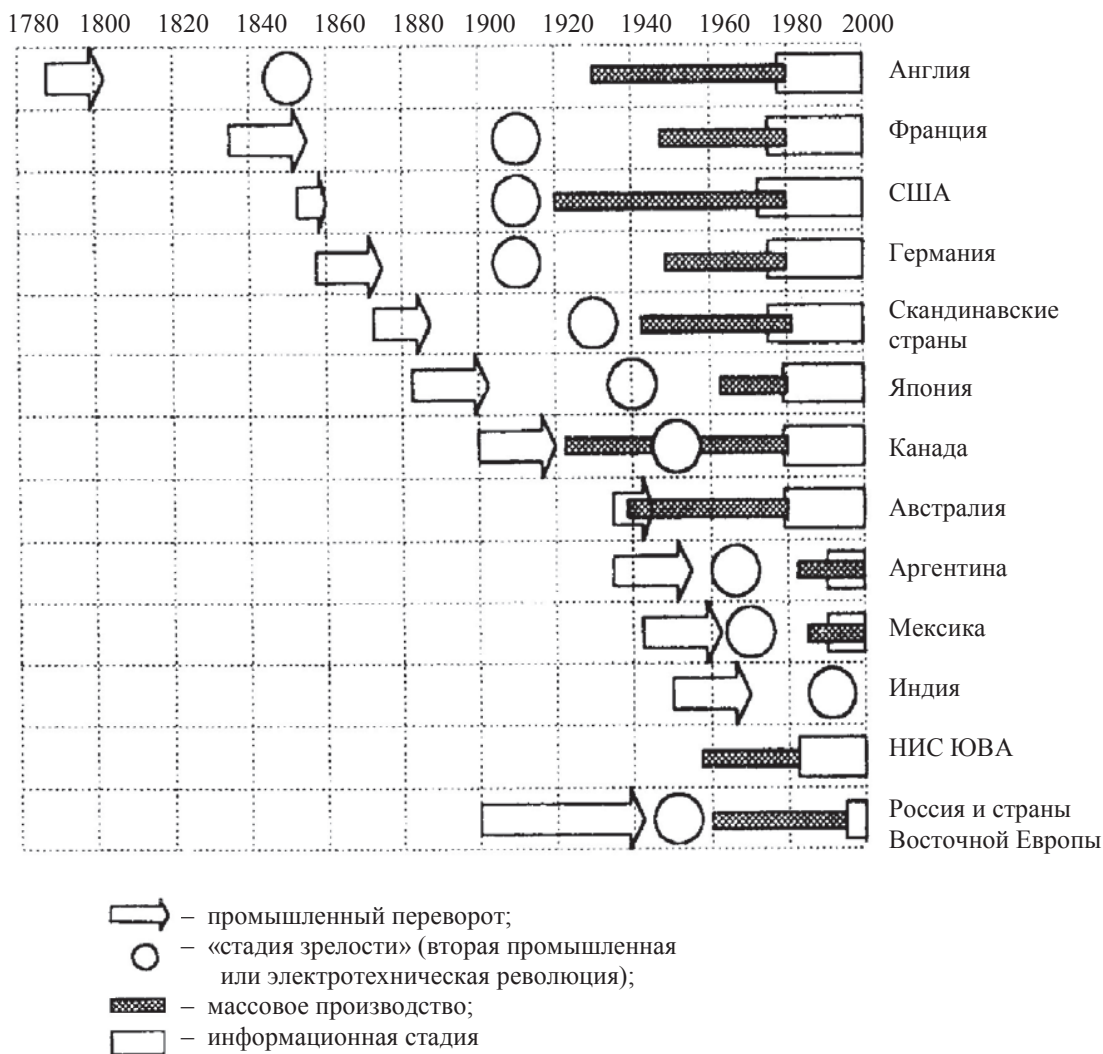

Рис. 2. Стадии экономического роста в различных странах (НИС ЮВА – новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии) (источник: Кузнецова, Н. П. Экономический рост в историческом контексте. СПб., 1996. С. 106)

Даниэл Белл (1919–2011) связывал научно-техническую революцию прежде всего с революцией в сфере телекоммуникаций. Если в XIX – 1-й половине XX в. двумя основными формами коммуникаций были газеты, журналы и книги, с одной стороны, и телеграф, телефон, радио и телевидение – с другой, то во второй половине XX в. главным фактором становится развитие средств компьютерной связи. В 1980 г. в ста-

тье «Социальные рамки информационного общества» Белл сформулировал 5 проблем, которые должно было решить человечество в ближайшие десятилетия:

- 1 – объединение телефонной и компьютерной систем, телекоммуникаций и обработки информации в одну модель;
- 2 – замена бумаги электронными средствами;
- 3 – расширение телевизионной службы через кабельные системы;
- 4 – хранение информации и систем ее запроса на базе компьютеров в интерактивной информационной сети, доступной всем;
- 5 – расширение системы образования на базе компьютерного обучения.

Другой известный теоретик постиндустриального общества – Джон Кеннет Гэлбрейт (1908–2006) в работе «Новое индустриальное общество» (1967) выдвигает понятие «техноструктура», суть которой заключается в монополизации знаний и принятии основных решений без владельцев капитала. Изменения функций менеджеров связаны с дальнейшим обобществлением производства, когда ведущую роль в экономике начинают играть крупные фирмы, осуществляющие свою деятельность в планетарном масштабе. Крупная фирма, по мысли Гэлбрейта, может (за редким исключением) лучше, чем небольшая фирма, контролировать цены и издержки, убеждать своих потребителей и управлять ими. Она способна защитить себя от снижения прибылей в результате конкуренции и таким образом сохранить свои доходы, имеет больше возможностей избавиться от затрат на рабочую силу, которые она не в состоянии регулировать. Таким образом, крупная фирма способна более надежно оградить себя от нежелательных изменений доходов, что могло бы вызвать вмешательство в ее дела акционеров или кредиторов либо в связи с неблагоприятной реакцией общественности повлечь за собой вмешательство профсоюзов, потребителей или правительства.

Новое индустриальное общество, по мысли Гэлбрейта, характеризуется: высокой степенью обобществления хозяйства, укрупнением промышленного производства, высоким уровнем производства и доходов на основе достижений научно-технического прогресса, усилением роли государства во всех сферах экономики и планирования хозяйственного развития.

Питер Фердинанд Друкер (1909–2005) интересен нам прежде всего как автор концепции «информационного работника», получившей развитие в работах «Будущее индустриального человека» (1942), «Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества» (1968), «Посткапиталистическое общество» (1993), «Задачи менеджмента в XXI веке» (1999). Ориентирами для нашего меняющегося общества, считает Друкер, являются появление новых технологий и отраслей промышленности, переход от международной экономики к мировой, утверждение общества организаций, усиление важности знаний как движущей силы социально-экономического развития. «Чтобы общество организаций стало по-настоящему свободным обществом, – писал П. Друкер, – нужно, чтобы личность взяла на себя ответственность, и прежде всего ответственность за вклад – как свой собственный, так и организации»³.

В конце XX в. целью существования организаций становится повышение их эффективности, зависящей от деятельности образованной и всесторонне развитой личности, которая, по мысли П. Друкера, может проявиться только в организации. Общество организаций рассматривается им как пространство для проявления

³ Друкер, П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2007. С. 165.

индивидуальности личности через осознание собственной ответственности. Развитие информационного общества, в котором необходимость применения знания проявляется в ежедневной трудовой деятельности, создает предпосылки для экономического и социального равенства.

Обратим внимание, что будущее общество разные авторы видят по-разному: как постиндустриальное, как посткапиталистическое, как когнитивное и т. д. (рис. 3). Это свидетельствует о том, что сама теория общества будущего находится в стадии становления и не понятно, какие из уже появившихся черт станут доминирующими.

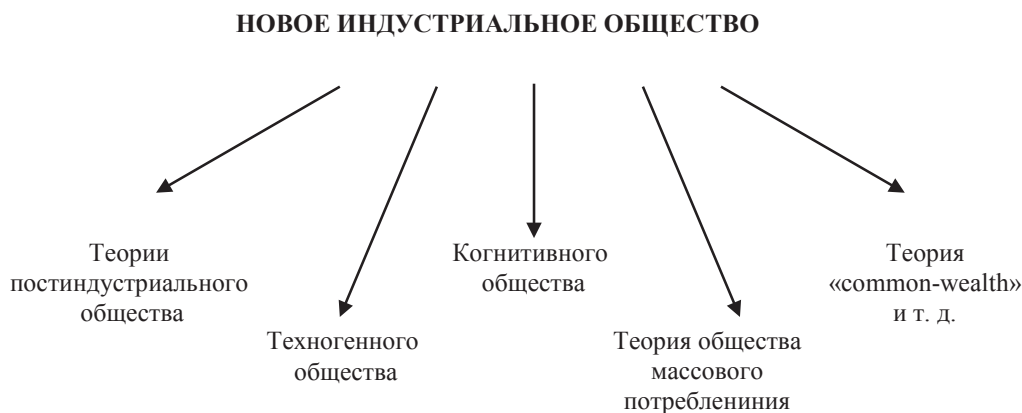

Рис. 3. Концепции постиндустриального общества

В частности, Мануэль Кастельс (р. 1942) развивает концепцию сетевого общества в работах: «Информационный век: экономика, общество, культура» (1996–1998), «Галактика Интернет. Размышления об Интернете, Бизнесе и Обществе» (2001), «Сетевое общество: кросс-культурная перспектива» (2004, в соавторстве), «Сетевое общество: От знания до политики. Центр трансатлантических отношений» (2006, соредактор), «Мобильная коммуникация и общество: глобальная перспектива» (2006, в соавторстве). С точки зрения Кастельса, ключевым является разделение населения земного шара на интернет-имущих и интернет-неимущих. Дело не в обладании интернетом как таковым, а в том, насколько интернет стал органичной частью современного общества, средством коммуникации, производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ.

Совсем по-другому представляется современное общество Элвину Тоффлеру (р. 1928). Основными его работами по теории постиндустриального общества являются «Шок будущего» (1970), «Столкновение с будущим» (1972), «Потребители культуры» (1973), «Доклад об экоспазме» (1975), «Третья волна» (1980), «Адаптивная корпорация» (1985), «Сдвиг власти» (1990), «Война и Антивоина. Опыт выживания на пороге XXI века» (1993), «Революционное богатство» (2006).

Наибольший резонанс имела его работа «Третья волна». Позднее в работе «Война и Антивоина» он дополнил идеи прогресса, типичные для «третьей волны», характеристикой прогресса в сфере вооружений. Здесь особенности современной неоиндустриализации проявляются наиболее ярко. Он описывает десять главных черт экономики «третьей волны»:

1. Для *факторов производства* – это знание (информация, данные, изображения, символы, культура, идеология, система ценностей). Оно становится заменой других материалов, при этом подчеркивается, что знание – неисчерпаемо. Оно является также решающим ресурсом разрушения и факторов поражения.

2. В области *нематериальных ценностей* наиболее важна способность создавать, распределять и применять знания. Это характерно и для военной сферы, где решающими факторами становятся лучшая разведка и связь, хорошо обученные солдаты, а не просто их численность.

3. Для «третьей волны» типичен *уход от массовости*. Происходит сдвиг от однородности к разнообразию. Это мы наблюдаем и в сфере вооружений, где решение индивидуальных задач позволяет увеличить эффект разрушения системы обороны противника.

4. Серьезные изменения, связанные с активным повышением квалификации и снижением взаимозаменяемости, охватывают и *сферу труда*. Так же и в армии, где главным фактором становятся квалифицированные солдаты.

5. Для поддержания конкурентоспособности и поощрения инициативы необходимы новые идеи – *нововведения*. Они типичны и для гражданской, и для военной промышленности.

6. Изменяется и *масштаб* – малое вытесняет большое, малые фирмы приходят на смену гигантам. Это касается и военной сферы: численность армии сокращается за счет использования более интеллектуальной технологии.

7. Существенные изменения затрагивают *организацию*: приоритетным становится поиск новых форм (гибких и маневренных). Вооруженные силы также постепенно отходят от жесткого управления сверху вниз.

8. Э. Тоффлер выделяет *изменения и в системной интеграции*: возрастающая сложность экономики требует более развитых интеграции и управления. Системная интеграция становится характерной и для управления в военной сфере.

9. Развивается *мощная инфраструктура*, основанная на новейших достижениях в электронике.

10. Для современной экономики типично *ускорение* всех процессов: увеличиваются темпы операций и работ; обостряется конкуренция; деньги перемещаются со скоростью света, а информация перемещается еще быстрее; в военной сфере от быстроты выполнения маневров зависит успех всей операции.

Ален Турен (р. 1925), в отличие от своих коллег, акцентирует внимание на проблеме формирования и развития социального капитала в будущем постиндустриальном обществе. Выходят «Социология действия» (1965 г.), «Постиндустриальное общество» (1969 г.), «Производство общности» (1973 г.), «В защиту социологии» (1974 г.), «Жажда истории» (1977 г.), «Критика модернити» (1992 г.), «Что такое демократия» (1994 г.), «Способны ли мы жить вместе? Равные и различные» (1997 г.). Для А. Турена самым главным является развитие субъекта – Человека с большой буквы. Проблема в том, что люди предъявляют все более высокие требования к социальным стандартам бытия, а общество далеко не всегда соответствует этим требованиям. Только там, где найден адекватный ответ на вызовы эпохи, общество движется вперед. Эти идеи получили своеобразную интерпретацию в работах Фрэнсиса Фукуямы.

Фрэнсис Фукуяма (р. 1952) обращается к развитию социального капитала. У него вышли книги «Конец истории и последний человек» (1992 г.), «Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния» (1995 г.), «Великий разрыв» (1998 г.), «Наше

Постчеловеческое Будущее: Последствия Революции Биотехнологии» (2002 г.), «Государственное устройство: Управление и Мировой порядок в 21-м веке» (2004 г.), «Америка на Перекрестке: Демократия, Власть и Неоконсервативное Наследство» (2006 г.) и «После Неоконсерваторов: Где Право пошло не так, как надо» (2006 г.).

По мысли Ф. Фукуямы, социальное состояние современных государств характеризуют рост преступности и социальной дезинтеграции, разрыв родственных связей как социального института, падение рождаемости, сокращение числа браков, увеличение числа разводов и внебрачных детей, падение доверия к общественно-политическим институтам, мимолетность социальных связей, снижение межличностных обязательств. Это и есть основные черты «великого разрыва». Основа этих процессов – *социальный капитал*, т. е. набор неформальных ценностей или норм, разделяемых членами группы, которые определяют возможность сотрудничества внутри этой группы. Каждое общество обладает социальным капиталом, но все они различаются *радиусом доверия* – параметром, показывающим, что определенные нормы сотрудничества распространяются на группы различного объема, а не на общество в целом.

Главная составляющая этих процессов – переход от индустриального к информационному обществу в экономической сфере. Здесь есть как положительные черты, так и отрицательные по своим социальным последствиям, например *великий разрыв*, который начал проявляться примерно с середины 1960-х гг.

Главной задачей государственной политики является сохранение и стимулирование роста социального капитала. Поэтому необходимо осторожное отношение к государственным социальным программам, некоторые из которых могут привести к снижению уровня ответственности и солидарности. Согласно Ф. Фукуяме, основой государственной политики является способность государства обеспечивать общественную безопасность и стабильность прав собственности.

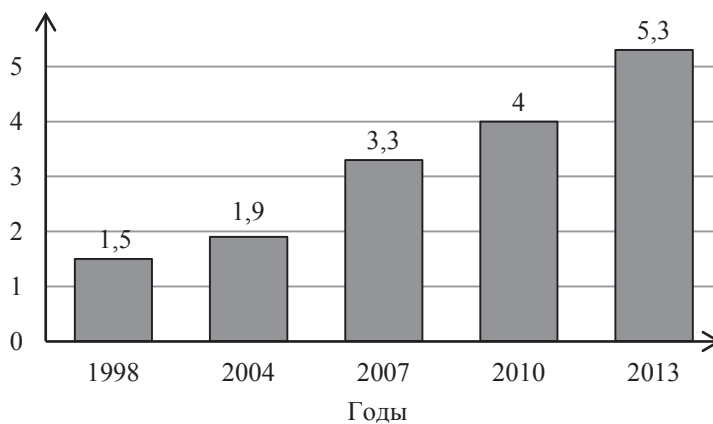
Сегодня, когда наша страна проходит сложный этап политических, экономических, культурных преобразований, не утихают споры: что же лежит в основе хозяйственного успеха, какие составляющие наиболее важны для формирования в России развитого, процветающего общества? В этом смысле книга «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» дает пищу для размышлений российским политикам, экономистам и философам.

В. Т. Рязанов¹

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВ И ЕЕ РОЛЬ В НЕОИНДУСТРИАЛЬНОМ РАЗВОРОТЕ РОССИИ

Анализ текущей ситуации в мировой экономике и в экономике России свидетельствует о сохранении доминирования спекулятивно-финансового капитала, что препятствует переходу в фазу устойчивого и сбалансированного роста. Такую ситуацию фактической экономической стагнации можно с достаточным основанием определить не столько как «новую нормальность», сколько как «новую ненормальность», весьма похожую на депрессивный период 1930-х гг. [2].

Приведем несколько примеров, подтверждающих продолжающееся господство спекулятивного капитала. Согласно представленным данным о динамике валютных сделок на основных площадках мировой экономики, после кризиса их объем продолжает увеличиваться с приростом более чем в 1,5 раза (см. рисунок). В годовом пересчете общий объем валютных операций уже превышает 1,5 квадриллиона долларов. Для сравнения: ежедневный оборот валюты, связанный с обслуживанием операций с товарами и услугами, составляет около 55 млрд долларов, т. е. чуть больше 1 % от всего оборота валютных сделок. К этому следует добавить еще более масштабный объем операций на глобальном рынке ценных бумаг, оборот на котором достигает 7 трлн долларов в день.

Среднедневной объем торгов валютой в мире,
трлн долл. [1]

К сожалению, экспансия спекулятивно-финансового капитала захватила и Россию. Согласно данным по финансовым операциям на Московской бирже (ММВБ+РТС),

¹Виктор Тимофеевич Рязанов, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук, профессор.

ведущей в нашей экономике, преобладающий объем сделок приходится на валютные операции, которые в феврале 2016 г. составили 1,45 трлн рублей в средненежном измерении, увеличившись по отношению к 2005 г. почти в 22 раза (см. таблицу). Для сравнения: объем кредита коммерческих банков РФ нефинансовым организациям за указанный период возрос примерно в 6 раз, достигнув около 30 трлн рублей в годовом измерении. Это означает, что годовой объем валютных сделок в 3-4 раза превышает годовой ВВП страны. Такая сверхвысокая активность на валютном рынке неувидительна, поскольку прибыльность на нем в 2015 г. достигла 80 % в годовом измерении, что несопоставимо с нормой прибыли в обрабатывающем секторе народного хозяйства (5...7 %). Ненормальная ситуация с неустойчивостью курса рубля обусловлена фактическим самоустранением Центрального банка России, в результате чего валютный рынок превратился в главный центр прибыли, где доминируют спекулянты, среди которых значительная доля приходится на нерезидентов.

Среднедневной оборот на ММВБ (Московской бирже), млрд р. [3]

Показатель	2005	2010	2016 (февр.)
Весь оборот	106	794	2400
Фондовый рынок	28	341	724
Валютный рынок	68	267	1450

Таким образом, экономическое устройство в посткризисный период характеризуется сохранением масштабных диспропорций и спекулятивных искажений. Перечислим основные из них:

- самодостаточность и избыточная прибыльность в финансовой сфере;
- преобладание в экономической мотивации ориентации на максимизацию прибыли в краткосрочном периоде;
- возникновение нового финансового пузыря в виде огромного объема производных инструментов (по оценкам, от 625 трлн до 1 квадриллиона долларов);
- блокирование канала перевода сбережений в инвестиции в производство;
- неустойчивость роста и нарастающая угроза неизбежности нового кризиса.

Мы перечислили далеко не все существующие диспропорции, но и этого достаточно для вывода об отсутствии в посткризисный период значимых подвижек в нормализации и оздоровлении хозяйственной деятельности. Балом по-прежнему правит стремление к наживе любой ценой, а эффективного противодействия в виде экономико-правовых и этических барьеров нет. Такая ситуация не нова – она раскрывает системную подоплеку мирового кризиса глобального капитализма 2008–2009 гг., напоминая, в частности, ситуацию в годы Великой депрессии. Выход из системного кризиса требует радикального переустройства хозяйственного механизма, это убедительно доказывает Дж. М. Кейнс в работе по обобщению опыта проведения антикризисной политики в годы Великой депрессии. Английский экономист не случайно обратил особое внимание на значение финансовой сферы в антикризисной политике, подчеркивая, что выход из кризиса производственной сферы требует активизации инвестиционной деятельности, чего невозможно добиться за счет частных инвестиций даже при снижении ставки процента до предельно низкого уровня. Данный вывод нашел подтверждение

в современной практике. Поэтому государство вынуждено «брать на себя все большую ответственность за прямую организацию инвестиций», которую Кейнс называл «социализацией инвестиций» [4, с. 229, 453]. Такая позиция реалистична и соответствует установке на приоритетность стимулирования роста производства и занятости. Одновременно она объясняет главный смысл хозяйственной системной перестройки, которая требовалась в 1930-е гг. и была реализована в последующей модели регулируемой государством рыночной экономики.

Позднее фактически об этом же, акцентируя необходимость обуздания финансовой экспансии, писал авторитетный последователь кейнсианства Х. Мински, подчеркивая, что «...сложное и динамическое устройство самой финансовой системы, такое как оно есть, становится дестабилизирующей силой, порождая глубокие депрессии в условиях нерегулируемого капитализма: поэтому финансы нельзя оставлять на откуп свободным рынкам» [5, р. 324]. По сути дела, речь идет о возрождении модели регулируемой и социально ориентированной экономики в обновленном варианте, как она была представлена в кейнсианской теории и осуществлялась после Второй мировой войны. Ее отличительная черта – усиление внимания к формированию и организации функционирования финансовой сферы – поиск варианта сбалансированного взаимодействия реальной экономики с финансовым сектором, ибо разрыв между ними порождал и будет порождать системные причины возникновения тяжелых экономических кризисов².

В мировой хозяйственной практике накоплен значительный опыт балансирования двух секторов хозяйства, обеспечивающий более или менее эффективное «укрощение» спекулятивной деятельности и экспансии финансов. Подчеркнем, что лишь при достаточно жестких рамочных условиях относительно финансового капитала можно рассчитывать на достижение устойчивого и сбалансированного роста с благоприятными социальными последствиями. Среди наиболее известных примеров – опыт реформирования финансовой сферы в США, накопленный в годы Великой депрессии. Ключевую роль в нем сыграло принятие в 1934 г. закона Гласса – Стиголла о разграничении функций депозитных и инвестиционных банков, направленного на сдерживание спекуляций в финансовой сфере. В немалой степени благодаря его действию реальное производство достаточно успешно развивалось, поддерживаемое необходимыми инвестициями. Отмена данного закона в 1999 г. разрушила барьеры, установленные в финансовой сфере, придав сильный дополнительный импульс формированию спекулятивно-финансовой модели экономики.

Полезен послевоенный опыт Японии, которая пошла по другому пути – через жесткое нормирование финансовой деятельности всех коммерческих банков. Оно осуществлялось по самым разным направлениям, реагируя на потребности народного хозяйства. Особое внимание уделялось установлению нормативов в формировании активов банков. В этот период в их структуре доля кредитов производственному сектору и физическим лицам поддерживалась на уровне не менее 70 % (сегодня в нашей стране это примерно 52...54 %). Жесткое регулирование и принудительная специализация банков Японии, как и приоритетная ориентация на кредитование хозяйственной деятельности в реальном секторе производства и на поддержку потребительского спроса, стали важной составляющей «экономического чуда» в этой стране, свершившегося после Второй мировой войны.

² В известном смысле речь, действительно, может идти о возрождении в обновленном варианте теории «нового индустриального общества», выдвинутой Дж. Гэлбрейтом в 1960-е гг. [6].

Не менее примечателен современный опыт работы исламской банковской модели. Отказ от использования ссудного принципа и формирование банковской модели финансирования хозяйственной деятельности в реальном секторе экономики позволил не только фактически устранить возможность проведения банками спекулятивных операций, но и обеспечить устойчивость такой банковской системы за счет исключения высокого риска.

Наконец, нельзя недооценивать советский опыт национализации и установления государственной монополии в финансовой сфере. Безусловно, у него есть существенные недостатки, которые надо принимать во внимание, но он продемонстрировал возможность полного подчинения финансовой сферы задачам обслуживания и развития народнохозяйственного комплекса.

Рассмотренные примеры говорят о возможности использования различных вариантов глубокого реформирования финансовой сферы с учетом сложившихся условий хозяйственной деятельности. Лучше всего такой вариант обозначить как программу «социализации финансов». Ее содержание и цели достаточно подробно проанализированы в монографии [7, с. 628–641], поэтому ограничимся основными характеристиками предлагаемой программы.

Предлагаемая социализированная финансовая система может рассматриваться как программа установления надежного контроля и регулирования государством финансового посредничества. Не случайно первоначально она увязывалась с потребностью в оперативном антикризисном вмешательстве (с учетом роли либерализации финансовых рынков в возникновении мирового кризиса). Примечательно, что такая идея высказывалась западными лидерами в разгар кризиса, но по мере снятия его остроты ее стали забывать.

Особенность и достоинство этого проекта в том, что он предполагает формирование государственно-общественной финансовой системы, вмонтированной в рыночное хозяйство и предоставляющей финансовые ресурсы и услуги частнопредпринимательскому сектору экономики на рыночной основе с использованием хорошо известных инструментов и с учетом условий хозяйственной деятельности и поставленных целей. Таким образом расчищаются спекулятивные завалы и обеспечивается общее оздоровление хозяйственной деятельности, а реализация данного проекта становится необходимым условием полномасштабного осуществления программы новой индустриализации страны с последующим развертыванием новой промышленной революции. Благодаря социализации финансов государство получает дополнительный ресурс для активизации инвестиционной и инновационной сфер, что чрезвычайно важно при переходе от экспортно-сырьевой к высокотехнологичной экономике. По существу, речь идет о создании новой модели смешанной экономики как реальной альтернативы господству неолиберальной модели финансового капитализма.

Формирование социализированного (общественно-государственного) финансового сектора, взаимодействующего с частным сектором в остальных отраслях народного хозяйства, это и есть расширенная версия сочетания разнокачественных хозяйственных укладов. Его цель – создание двухканальной системы перевода сбережений в инвестиции: один канал функционирует в обычном рыночном режиме, реализуя кредитный потенциал коммерческих банков и других финансовых институтов; другой – действует в ограниченном рыночном режиме, обеспечивая льготное финансирование приоритетных народнохозяйственных проектов (в нашем случае – с ориентацией на импортозамещение и диверсификацию народного хозяйства).

При возникновении спада в экономике его задачи расширяются, обеспечивая стимулирование роста производства и занятости. В социализированном сегменте необходим запрет на участие в операциях с валютой, ценными бумагами и их производными, чтобы отделить сферу инвестиционного кредитования, опирающуюся на безрисковые депозиты (государства, населения), от рискованного кредитования финансовых институтов с частичным резервированием. Исключение спекулятивной мотивации в этом сегменте финансов обеспечит поддержку инвестиционного потенциала в экономике.

Что еще из наиболее важного присутствует в данном геопроекте? Он дополняет вариант «распределительного социализма», известный по опыту скандинавских стран, в котором производство развивается на частнопредпринимательских принципах, а его социальная коррекция происходит благодаря использованию перераспределительного механизма. Новым подходом к социализированному финансовому сегменту может стать его формирование в виде сети специализированных банковских структур, осуществляющих финансирование определенных видов деятельности и конкретных отраслей. Помимо всего прочего, в такой сетевой структуре не исключается действие конкурентного механизма.

Источниками формирования ресурсов социализированного финансового сетевого сегмента становятся бюджетные средства (в том числе социализированная рента), направляемые на инвестиционные цели, а также дополнительные средства пенсионного фонда и сбережения (депозиты) населения. Стоит экономически подкрепить возможность привлечения таких ресурсов в социализированную финансовую систему в целях концентрации в ней источников долгосрочных вложений. В известном смысле такое закрепление воспроизводит практику разграничения депозитных и инвестиционных банков, сложившуюся в США в период Великой депрессии. Отличие в том, что задача предлагаемого разделения – формирование двухсегментной структуры в финансовой сфере со своей спецификой по видам деятельности и формам собственности.

Выводы

Программа социализации финансов имеет принципиальное значение для реформирования сложившейся хозяйственной модели, обеспечивая возвращение в политику и хозяйственную практику обновленного, самостоятельного и альтернативного неолиберализму социально ориентированного проекта переустройства общества и хозяйства с воссозданием нового левого центра политического притяжения.

Для современной России выдвижение и реализация программы социализации финансов является важной предпосылкой неоиндустриального разворота на новой наукоемкой основе. Отражая объективную потребность в глубоком экономическом реформировании хозяйственной системы России, данная программа способна эффективно реагировать на внутренние и внешние ограничения, преодолевая экономическую стагнацию и обеспечивая устойчивый, сбалансированный рост с учетом социальных приоритетов.

Список литературы

1. Foreign exchange turnover in April 2013: preliminary global results Monetary and Economic Department (Bank for International Settlements). – 2013. – September. – P. 7.

2. *Рязанов, В. Т.* Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? / В. Т. Рязанов // Вестник СПбГУ. – Сер. Экономика. – 2013. – Вып. 4. – С. 3–34.
3. Московская биржа (<http://moex.com>).
4. *Кейнс, Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М.: Прогресс, 1978.
5. *Minsky, H.* Stabilizing An Unstable Economy / H. Minsky. – McGraw Hill, 2008.
6. *Бодрунов, С. Д.* Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 4. – С. 9–23.
7. *Рязанов, В. Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России / В. Т. Рязанов. – М.: Экономика, 2016.

В. Т. Третьяков¹

ПОЧЕМУ ТАКАЯ БОГАТАЯ СТРАНА, КАК РОССИЯ, ИМЕЕТ ТАКУЮ ПЛОХУЮ ЭКОНОМИКУ?

Руслан Семенович Гринберг вывел некую закономерность между нестабильностью экономики или волатильностью курса рубля и количеством конференций по экономике, на которые слетаются многочисленные участники. На мой взгляд, он заблуждается. Мне это больше напоминает походы кандидатов и докторов экономических наук в советское время на овощебазы. Советская экономическая наука шла своим путем, а ученых, чтобы они *хоть изредка задумывались о том*, что такое *реальная экономика*, направляли на овощебазы. Как я понимаю, это нисколько не сказывалось ни на экономической теории, ни на экономической политике и практике – и тогда, и сейчас политика, идеология доминируют над экономикой. Даже если есть такая наука – экономика, приказы отдает политика и иногда – отдельно взятые люди. Это мой первый тезис.

Второй тезис тоже тесно связан с высказыванием Руслана Гринберга о самолетах, которые будут летать без пилотов, как сегодня начинают ездить машины. Может быть, это замечательно, но меня интересует другое: среди тех, кто летит в самолете, есть потенциальные пьяницы, хулиганы, дебоширы. Что делать с ними? Или их будут чем-то колоть перед рейсом, чтобы они не дебоширили? Другой вариант. А если авиадиспетчеры захотят устроить (от скуки – ведь все и так нормально летает) воздушный бой? Среди авиадиспетчеров тоже могут быть люди, которым надоела скучная жизнь, которую предрекает современное экономическое развитие. Я хочу сказать, что политика и психология людей выше экономической науки. И я абсолютно уверен, что все беды нашего сегодняшнего экономического положения идут от политики, а не от отсутствия какой-либо теории. Я утверждаю, что в нашей экономике нужно менять все: заведение, девочек, мальчиков и т. д.

Ни один экономист мира, ни один нобелевский лауреат, ни один академик экономики не объяснит мне, почему такая богатая страна, как Россия, имеет такую плохую экономику. Никаких объективных причин для этого я не вижу. И не будучи экономистом, но внимательно анализируя политическую историю нашей страны и нашу современную политику, настаиваю на том, что экономический рывок возможен. Это многократно доказано историей России, в том числе совсем недавней: вспомним индустриализацию и научную (!) революцию периода 1920–1930-х гг. Предвижу аргумент – там был ГУЛАГ, строили заключенные, рабы. Так вот: рабы в ГУЛАГе строили фундаменты и стены заводов, но сформулировать идеи, разработать проекты они, в принципе, не могли. Я к тому, что резкий экономический подъем в России возможен, и зависит это от политиков, принимающих экономические решения.

Лучше ли сегодня ситуация для экономического рывка, настоящего экономического прогресса, чем в России в начале XX в., после Первой мировой и Гражданской войн? Очевидно, что лучше! Откуда тогда такое гигантское отставание от Запада, которое мы якобы не можем в ближайшие десятилетия преодолеть? Напомню: Путин пришел к власти в России в конце 1999 г., и через несколько недель ситуация с войной

¹ Виталий Товиевич Третьяков, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова.

в Чечне стала меняться в нашу пользу. Значит, нужно менять правительство, но в данном зале его никто поменять не может. Для этого надо, чтобы в сознании общества более отчетливо сформировались альтернативы.

Руслан Семенович Гринберг призывает идти на выборы. Но, оттого что вы пойдете на выборы и проголосуете определенным образом, ничего в экономике не изменится. Лучше действовать через СМИ. А СМИ любят тайны, интриги, козни и персонажей, которые этим занимаются. Поэтому нужно сформировать теневое экономическое правительство, с теньвым премьер-министром, прописать его полный состав, распределить функции и запустить этот «секретный» документ в СМИ, желательно как утечку с данного конгресса. И тогда к вам побегут журналисты, начнут задавать вопросы и раскручивать все ваши идеи. Я несколько огрубляю, но суть такова: если у вас нет политической власти и административных рычагов, то изменить экономическую политику вы можете только активной пропагандой своих идей и предложений в средствах массовой информации.

И последние два тезиса. Совершенно очевидно, что создавать экономику знаний (хотя я сомневаюсь, что она возникла сегодня), одновременно организовав конвейер по отправке людей, обладающих этими знаниями, на Запад, – это либо провокация, либо предательство, либо идиотизм. Болонская система и вся нынешняя реформа образования создали именно такой конвейер. Случайно или специально – об этом можно только гадать. Поражает другое: с вывозом капитала у нас борются, хотя это просто бумажки, а с фактически незаконным вывозом из страны мозгов не только не борются, но считают, что это хорошо, ибо мир сегодня такой открытый.

И последнее. Тот, кто создаст нового человека, точнее – человека с новыми потребностями, а речь идет именно об этом, тот и будет властвовать в мире. Будет это биоробот или некто в человеческой плоти, но с определенными идеями как потребитель, неважно. Это – главное поле битвы, на котором все наши общественные науки должны наносить основной удар и формировать нового человека, в противном случае это сделают другие – в своих интересах.

В. А. Шамахов¹

ПОДГОТОВКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

По нашему мнению, экономическое возрождение страны, выход на траекторию устойчивого развития невозможны без перестройки всей системы восприятия социально-экономической действительности лицами, вырабатывающими государственную политику: чиновниками, политиками, общественными деятелями и экспертами. А это требует изменения состава профессиональных компетенций, закладываемых учреждениями образования при подготовке специалистов в области государственного и общественного управления.

Что мы понимаем под новой экономикой? Новая экономика – это экономика знаний, новых информационных технологий, новых бизнес-процессов, обеспечивающих лидерство и конкурентоспособность. Иными словами, новая экономика – это теоретическая концепция функционирования современной экономической системы, основанной на творческом (креативном) труде и непрерывных инновациях, в которой знания играют решающую роль, а производство знаний (генерируемых, в первую очередь, системой образования и научными организациями) является источником роста.

Возникновение новой экономики связано с развитием дистанционных интерактивных транзакций (глобальных систем финансовых платежей) и формированием шестого технологического уклада, опирающегося на био- и нанотехнологии, высокие гуманитарные технологии (искусственный интеллект, робототехнику, лазерную технику, новую энергетику, основанную на экологически чистых энергоносителях, и т. д.).

Постиндустриальная экономика, базирующаяся на доминировании сферы услуг и транснациональном аутсорсинге сборочных и обрабатывающих производств (вынесенных в развивающиеся страны), в результате прогресса информационно-компьютерных технологий (ИКТ) сменилась информационной экономикой. Развитие ИКТ, в первую очередь Интернета, позволило сформировать инфраструктуру шестого технологического уклада, основанного на развитии (реиндустриализации) наукоемких высокотехнологичных производств с высокой долей добавленной стоимости, определив критическую роль человеческого капитала (интеллекта и креативных компетенций).

Формами проявления новой экономики в сферах производства и обмена стали когнитивная (умная) и креативная экономика (научно-образовательный и инновационно-внедренческий комплексы), а в сфере потребления – экономика впечатлений (отрасли культурно-туристического комплекса).

Какие задачи стоят перед экономикой России? Формируя теоретическую модель национальной, отраслевой либо региональной конкурентоспособности необходимо учитывать ее ограничения. В современной российской ситуации к ним относятся депопуляция (замедлившаяся в 2011–2012 гг. и возобновившаяся в 2015 г.), огромная

¹ Владимир Александрович Шамахов, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д-р экон. наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1 класса.

территория (по которой приходится «размазывать» инженерную и социальную инфраструктуру), а также системный кризис в российской экономике, проявляющийся в сокращении инфраструктурных инвестиций и снижении потребительского спроса.

В условиях усиливающихся бюджетных ограничений отраслевые и региональные стратегии развития должны быть точно спозиционированы под имеющиеся конкурентные преимущества, обеспечены имеющимися ресурсами и синхронизированы со стратегическими приоритетами социально-экономического развития Российской Федерации. Все это предъявляет новые требования к составу профессиональных компетенций и системе мировосприятия лиц, принимающих стратегические решения на уровне страны, региона, отрасли, т. е. к государственной, общественной и экспертной элите России.

Каким требованиям должна удовлетворять система государственного и общественного управления на современном этапе, чтобы обеспечить экономический рост? Перечислим три основных, на наш взгляд, требования:

- *открытость* – старая модель взаимоотношений органов государственной власти с бизнесом и обществом, основанная на системе «власть–подчинение», в чистом виде не работает: существует постоянная ротация эффективных управленцев из бизнеса на госслужбу и обратно, политический класс включает в себя не только публичных политиков и функционеров государственного аппарата, но и крупных собственников, инвесторов, бизнесменов, представителей экспертного сообщества;

- *четкость выполнения команд* – определенные Президентом, Парламентом и Правительством стратегические цели должны быть, безусловно, исполняемы на нижестоящих уровнях управленческой вертикали (в первую очередь это касается выполнения «майских» указов по ускорению темпов экономического роста, созданию эффективных рабочих мест в новой экономике, увеличению объемов инвестирования не только за счет бюджетных, но и частных источников);

- *ориентация на результат* – в современных экономических условиях возможности бюджета и покупательная способность населения сильно снизились, в связи с чем перед участниками социально-экономического процесса (частными компаниями, бюджетными организациями и органами государственной власти) стоит задача оптимизации стандартной стоимости производимой продукции (либо публичной услуги) и продвижения на рынок новых товаров, услуг и программ, ориентированных и востребованных потребителем.

Как решаются данные задачи в Северо-Западном институте управления (СЗИУ) Президентской академии? В соответствии со Стратегией и «Дорожной картой» развития СЗИУ Президентской академии решениями директора и ученого совета в институте последовательно внедрялась инновационная модель подготовки кадров для государственного и общественного управления. Ее основными элементами стали:

- институционализация новых структур руководителей научно-образовательных направлений (НОН), курирующих разработку и реализацию всей линейки образовательных программ (бакалавриат или специалитет – магистратура – аспирантура) по образовательному направлению (государственное и муниципальное управление, экономика, менеджмент, юриспруденция и т. д.);

- перенос центра тяжести в управлении образовательным процессом с кафедральных структур (лоббирующих зачастую узкопредметные интересы обеспечения нагрузкой конкретных преподавателей) на уровень деканов, руководителей научно-образовательных направлений и УМУ института, деятельность которых оценивается по показателям качества набора, выпуска и трудоустройства студентов;

- возрастание доли технологий электронного обучения в структуре учебного плана бакалавриата и магистратуры (когда вместо «начитки» в аудитории лекционного материала студент имеет возможность ознакомиться с ним самостоятельно, изучая электронный (дистанционный) курс, выложенный в корпоративной сети вуза). Это позволяет не только оптимизировать стоимость создаваемого институтом образовательного продукта, но и повысить качество контактного (аудиторного) взаимодействия студента с преподавателем, к которому на практические занятия приходит подготовленный студент, а также расширить контингент обучающихся за счет студентов из других регионов РФ и республик постсоветского пространства;

- смещение акцентов в подготовке специалистов в области государственного и общественного управления с теоретизации и идеологизации в сторону практикоориентированности и проектности, т. е. нацеленности на подготовку специалистов, владеющих методологией и навыками взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, технологиями организации государственно-частных партнерств, а также использования социальных технологий в корпоративных целях.

В целях повышения практикоориентированности обучения в институте создаются научно-учебные группы («мастерские государственного и общественного управления»), формируемые вокруг наших партнеров, готовых курировать конкретные группы студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, способствовать прохождению ими практики и внеучебных мероприятий, связанных с освоением профессиональных и иных компетенций.

В заключение отмечу, что в Северо-Западном институте управления Президентской академии в настоящее время сформирован «центр превосходства» в области общественно-государственного управления с опорой на несколько уже определившихся предметных полей, составляющих наши конкурентные преимущества: стратегия пространственного развития; технологии государственного и общественного управления; технология евразийской интеграции; контрактный менеджмент в системе госзаказа.

*Дж. Къеза*¹

ОТВЕТ РОССИИ ВЫЗОВАМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСОВ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Мне очень импонируют некоторые из прозвучавших выступлений, в особенности доклад Ю. Ю. Болдырева, который сказал, что мы все находимся в очень тяжелой ситуации, и неблагоприятные условия – это надолго. Думаю, что это характеристика нашего общего будущего. Поэтому мне кажется полезным изучение недавнего доклада, опубликованного National Intelligent Council США (это собрание всех секретных служб США), который практически ежегодно дает оценки общей ситуации в мире. Не зная того, что они думают, невозможно обеспечить собственную безопасность.

Тема доклада – российский ответ вызовам экономического и политического кризиса мировой системы, происходящего на наших глазах. Эти суждения и прогноз – совсем невеселые, в первую очередь для состояния того, что я называю империей. Надежды на мировой экономический рост ничтожны. Замедление роста в Китае (примерно на четверть) тянет вниз глобальный рост. В первую очередь это влияет на спрос на сырьевые товары, который обвалился, оказав давление на страны-производители в Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке. Они буквально задыхаются не только как производители сырья, но и с финансовой точки зрения. В 2001–2014 гг. поток капитала из промышленно развитых стран в развивающиеся увеличился с 20,4 млрд долларов до 1,4 трлн долларов, а в 2015 г., по данным Банка международных расчетов, произошел радикальный поворот – впервые за последние 30 лет более триллиона долларов переместились из развивающихся стран в промышленно развитые. Этот поворот – событие гигантского масштаба. Но эти капиталы остаются практически не использованными. Мы наблюдаем очень низкий рост во всех промышленно развитых странах, что негативно влияет на развивающиеся государства. Многие эксперты считают, что мировая экономика сталкивается с проблемами, гораздо более серьезными, чем циклические. Классический цикл был похож на восходящую спираль. Настоящая ситуация (с 2008 г.) очень похожа на порочный круг.

Почему я уделяю этому так много внимания? Потому что мне кажется, что в дискуссии об улучшении и возрождении экономического развития России нельзя не учитывать ситуацию в мире. Современный кризис – не русский, он – мировой. Очень важно понять, с чем нужно сравнивать структуру российской экономики.

Как выйти из порочного круга, в который попала мировая экономика. Господствующее течение в экономической науке делало ставку на денежно-кредитную политику. Однако в последние восемь лет все попытки перезагрузить машину всемирного хозяйства традиционными способами не сработали ни в Америке, ни в Европе. Не понятно, сработают ли они в России. На мой взгляд, нет, и по очень глубоким причинам. В этих условиях очевиден риск глобальной рецессии, избежать которой можно с помощью глобального финансового маневра, например путем снижения процентных ставок.

¹ *Джульетто Къеза*, итальянский журналист, писатель и общественный деятель.

Но даже когда эти ставки были «около нуля» (как в Европе, Японии и несколько недель тому назад – в США), это тоже не сработало. Недавний переход Вашингтона к повышению процентных ставок кажется больше тактикой, чем стратегией. Но мы не можем вести себя, как игроки в рулетку. Настоящие черные дыры являются эффектом серьезного дефицита спроса. Можно ли стимулировать спрос какой-то новой мерой в рамках существующей мировой финансовой системы? Маловероятно. Более того, хочу подчеркнуть, что все *цифры американского роста* – это *фальшивые цифры*, а мы принимаем их за настоящие. Господин Трамп, возможный президент Америки, во время предвыборной компании публично заявил, что уровень безработицы – не 7, а 42%! Значит, надо очень внимательно относиться к цифрам так называемого роста экономики США.

Все прогнозы экономистов относительно тенденций роста ВВП, крупной промышленности в различных странах мира в течение следующих 5 лет (т. е. к 2020 г.) указывают на очень серьезное замедление. Я имею в виду последнее понижение прогноза Международным валютным фондом (по сравнению со сделанным в 2012 г.). При очень низком уровне инфляции в промышленно развитых странах и непрерывном снижении процентных ставок в последние 25 лет ожидания реальной процентной ставки (ее отношения к базе) будут равны нулю в течение ближайших 10 лет. Это прогноз Международного валютного фонда. И в свете этих прогнозов разогреть экономику невозможно даже при использовании самых смелых финансовых рецептов, которых пока никто не изобрел. В этих условиях думать о разрешении ситуации с помощью традиционных мер, самокоррекции рынка крайне нереалистично. Необходимы фундаментальные стратегические изменения. Но какие? Одно можно сказать наверняка: повторить опыт 1998–2008 гг. невозможно и даже опасно.

Посмотрим на цифры. В упомянутое десятилетие ВВП США вырос на 32 % под аплодисменты Уолл-стрита и Лондонского Сити. Но сейчас, после падения Lehman Brothers, мы знаем, что 85 % этого роста были обеспечены накоплением долга домашних хозяйств, который не мог быть оплачен! Котировки ипотечных ценных бумаг оказались сильно завышенными, что означало потерю почти всех вложенных в них денег, и в 2008 г. практически все банки США обанкротились. Правительством были спасены банки, приравненные к резервным системам, с чрезвычайным разрешением выпуска порядка 10 трлн долларов, т. е. долг был национализирован и перегружен на домашние хозяйства. Наконец, большая часть этого долга была списана на Европу.

В заключение можно сказать, что текущая ситуация эволюционирует в направлении обобщенного популизма – в США, Европе и в значительной части развитого мира. Нулевой рост экономики, наряду с отмиранием среднего класса и концентрацией богатства в руках очень немногих, вызывают острое недовольство масс, до недавнего времени ослепленных идеей бесконечного потребительства. В обозримом будущем изобилие и социальное обеспечение широким массам не светят. На Западе происходит самая настоящая политическая революция: традиционные партии исчезают, появляются новые, которые попытаются выбраться из этого мертвого места. Мы находимся в центре кризиса и не имеем решений для выхода из него.

С учетом всех перечисленных сложностей решение может быть найдено только на пути выхода из парадигмы доминирующей в мире рыночной экономики. Для решения этой гигантской задачи потребуются совместные усилия различных цивилизаций, культур и религий. Существует еще фактор времени: нарастающий дефицит ресурсов и серьезное ухудшение экосистемы при отсутствии технологического прорыва проис-

ходят все быстрее. Это ведет к борьбе сильнейших за контроль над ресурсами и экосистемой. Данной ситуации надо уделить серьезнейшее внимание.

Из представленной картины вытекают политические задачи, которые и вы, и мы, на Западе, должны реалистично сформулировать. Возможности России защититься тем реальнее, чем меньше она зависит от западной модели развития. Одним из важнейших условий достижения этой стратегической цели является постепенный выход из долларовой зависимости. Россия, очевидно, не может сделать этого в одиночку. Естественным союзником в этой операции является Китай – вторая стратегическая мишень для наступления Запада. Эта операция, насколько я в курсе, хотя и медленно, но идет. Не знаю, есть ли время для этого постепенного выхода, но это необходимо, потому что каждое слишком резкое движение приведет к немедленному и, по-моему, глобальному конфликту. Однако отказаться от доминирования доллара очень важно – нельзя интегрироваться в систему, которая со всей очевидностью рухнет и развалится вместе с миром изобилия и великими демократическими достижениями либерального общества.

О. Н. Смолин¹

ОБРАЗОВАНИЕ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В глобальном контексте роль науки и образования в модернизации и обеспечении национальной безопасности России связана с перспективами ее перехода к информационному обществу («обществу профессионалов», «обществу знаний» и т. п.), в связи с чем в общественной жизни лидирующих в экономическом развитии государств происходит ряд качественных изменений. Так, согласно далеко не полным данным, в начале 1990-х гг. «...накопленный человеческий капитал в развитых зарубежных странах превышал объем вещного основного капитала в среднем в 1,5 раза, а вклад знаний и образования в прирост валового внутреннего продукта (ВВП) оценивался примерно в 60 % ... <...> ... Удельный вес сферы услуг в ВВП в начале XXI в. варьирует в пределах от 62 % в Японии до 72 % в США, а в ее составе опережающими темпами развиваются услуги социально-культурного профиля (сферы образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания и т. д.)».²

Происходящие в современном обществе процессы аналогичны тому, что совершалось в период индустриализации, хотя и на качественно новом уровне. Как известно, в условиях доиндустриальной цивилизации более 90 % населения были заняты в сельском хозяйстве при хронической нехватке продуктов питания и периодически возникающем голоде в целых регионах, странах и даже континентах. Однако, как впоследствии выяснилось, условием решения продовольственной проблемы, похоронившим «железный закон» Мальтуса, стало ... переселение большей части крестьян в города и, соответственно, их перемещение из сферы сельского хозяйства в промышленное производство. Аналогичным образом в настоящее время, чтобы обеспечить удовлетворение основных рационально обоснованных материальных потребностей человека, большая часть работников должна переместиться из сферы материального производства в производство духовное.³

Точно так же, если в условиях классической индустриальной экономики ведущую роль в расширенном воспроизводстве играло так называемое первое подразделение первого подразделения (производство средств производства для производства средств производства), то в условиях постиндустриальной системы аналогичная роль обеспечивается воспроизводством человеческого потенциала и прежде всего – образованием.⁴ Помимо этого, а отчасти благодаря этому, как было показано отечественными и зарубежными экономистами (С. Г. Струмилин, Э. Денисон), уже в XX в. образование стало областью с наиболее высокой отдачей долгосрочных инвестиций.

¹ Олег Николаевич Смолин, член-корреспондент РАО, первый зам. председателя Комитета по образованию Государственной Думы Совета Федерации Российской Федерации, д-р филос. наук, профессор.

² Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах: докл. о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2002–2003. М.: 2003. С. 19.

³ Бузгалин, А., Колганов, А. Теория социально-экономических трансформаций. М.: ТЕИС, 2003. С. 63.

⁴ Бузгалин, А., Колганов, А. Глобальный капитал. М.: УРФФ, 2004. С. 83.

В свете сказанного представляется возможным высказать следующую гипотезу: одним из главных философско-экономических оснований стратегии модернизации современного общества (в том числе, разумеется, и российского) должен стать социально-образовательный детерминизм, который выступает не отрицанием, но новой фазой развития детерминизма социально-экономического, ибо означает не отказ от признания определяющей роли экономической сферы в развитии общества, но признание ведущей роли образования в развитии современной экономики как фундамента общественной жизни.

**Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»:
«туда» и «обратно»**

Переходя к характеристике действующей модели образовательного законодательства, основой которой является ФЗ от 29.12.2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации», отметим, что, на наш взгляд, он знаменует очередную ступень регресса этого законодательства. Во всяком случае, тенденция к сокращению объема свободы и социальных гарантий для участников образовательного процесса представлена в нем значительно ярче, чем противоположная, и на каждый шаг вперед приходится даже не два, а три шага назад.

К прогрессивным новым (или возвращенным старым) нормам можно отнести:

1. Положение, согласно которому норматив финансирования школы должен предусматривать среднюю зарплату учителя на уровне средней зарплаты по региону (ч. 3, ст. 99). – Эта норма привела к некоторому повышению заработной платы учителей, хотя побочным ее эффектом стало увеличение педагогической нагрузки (по данным Общероссийского народного фронта, эта нагрузка составляет около 28 часов в неделю, т. е. более полутора ставок).

2. Возможность финансирования дополнительного образования детей не только из местных, но также из региональных бюджетов (п. 3, ч. 1, ст. 8). Поскольку именно местные бюджеты в России являются наиболее дефицитными, предполагалось, что финансирование дополнительного образования детей улучшится. Однако эти ожидания не оправдались по следующим причинам:

- в условиях экономического кризиса растет дефицитность региональных бюджетов;
- предусмотренное Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 софинансирование дополнительного образования детей из федерального бюджета в 2013–2015 гг. не производится.

3. Введение так называемой сетевой (совместной) формы реализации образовательных программ (ст. 15).

4. Исключение из аккредитационной экспертизы так называемых показателей деятельности образовательных организаций (ст. 92). – По идее, это должно было упростить прохождение учебными заведениями государственной аккредитации, однако на фоне нарастающей бюрократизации управления образованием эффект оказался незначительным.

5. Узаконивание базовых кафедр вузов в организациях, осуществляющих научную деятельность (п. 5, ч. 2, ст. 72), что должно помочь укреплению связей образования и практики.

6. Некоторое расширение гарантий права на образование для инвалидов с детства (в частности, внеконкурсное поступление в вузы (ч. 5, ст. 71) и обязательная социальная стипендия (ч. 5, ст. 36)).

7. Закрепление в самом общем виде норм об инновационной и экспериментальной деятельности в сфере образования, регулирующих апробацию использования новых образовательных технологий, новых педагогических методик и образовательных моделей (ст. 20).

На наш взгляд, число положений закона, способных ограничить пространство свободы участников образовательного процесса и снизить объем социальных гарантий, значительно больше, причем по мере реализации закона выявляются все новые «подводные камни». Вот некоторые из таких положений:

1. Идеология образовательных услуг, по меньшей мере, во всех случаях, когда речь идет об экономике образования (ст. 99). – На наш взгляд, эта идеология разрушает духовные основы образовательных отношений как отношений субъект-субъектных, где личность формирует личность.

2. Возможность снижения конституционных гарантий прав граждан на образование: Конституция РФ гарантирует бесплатность образования для граждан исключительно в государственных и муниципальных образовательных учреждениях либо на предприятиях. Однако в законе понятие «учреждение» отсутствует и растворено в более общем понятии «организация». При этом конституционные гарантии на организации не распространяются. Отменить или снизить гарантии в законе несравненно легче, чем в Конституции.

3. Отмена льгот по оплате родителями присмотра и ухода за детьми в дошкольных образовательных учреждениях. Прежний закон предусматривал такие льготы и компенсации. В новом законе остались только компенсации (ч. 5, ст. 65). Это привело к увеличению родительской платы в большинстве регионов страны. Ситуацию несколько смягчил Федеральный закон от 02.05.2015 № 110-ФЗ, который установил для организаций, осуществляющих присмотр и уход за детьми, нулевую ставку по налогу на прибыль организаций.

4. Фактическая отмена бесплатного пребывания в группах продленного дня. Часть 8 ст. 66 закона позволяет школам с согласия учредителя устанавливать плату за такое пребывание.

5. Фактическая отмена дополнительных гарантий сохранения сельской школы. – Еще в 2011 г. министр образования и науки Д. Ливанов призывал остановить их ликвидацию. С тех пор каждый год закрываются почти две тысячи школ. А всего в постсоветский период их закрыто более 25 тысяч. «Эпидемия» закрытия школ пришла и в города.

В ранее действовавшем законе ликвидировать сельскую школу можно было только с согласия сельского схода. Теперь – по закону – должны создаваться некие комиссии, которые будут оценивать последствия такой ликвидации. Очевидно: «уломать» (или «слопать») комиссию несравненно проще, чем сход граждан. При таком подходе призывы министра остановить ликвидацию сельской школы – пустой звук.

6. Отмена ряда надбавок и выплат. В результате принятия закона:

- все педагогические работники лишились скромной выплаты на приобретение учебно-методической литературы;

- доктора и кандидаты наук – надбавок за ученые степени;

- доценты и профессора – надбавок за ученые звания.

Формально соответствующие средства включены в так называемые новые системы оплаты труда (НСОТ), однако работнику они не гарантированы и индексироваться не будут.

7. Уменьшение, а иногда ликвидация коммунальных льгот для сельских педагогов. Согласно ч. 8, ст. 47, вопрос об их установлении, размерах и порядке выплаты передан на усмотрение регионов.

8. Экспансия ЕГЭ. Закон не только сохранил в современном виде единый госэкзамен, но и перенес его механизм в основную школу в виде так называемой ГИА – государственной итоговой аттестации. Между тем, необходимость реформирования ЕГЭ, похоже, осознана большей частью современной политической элиты. Так, председатель думского Комитета по образованию В. Никонов неоднократно заявлял, что ЕГЭ в современном виде не учит детей читать, писать и говорить.

9. Ликвидация начального профессионального образования как особого образовательного уровня. В результате, по оценкам экс-министра образования академика РАО Е. Ткаченко, учащиеся бывших учреждений НПО потеряли в виде социальных гарантий около 40 млрд рублей.

10. Отмена гарантий для сирот при поступлении в высшие учебные заведения. Это положение в основном исправлено Федеральным законом от 03.02.2015 № 11-ФЗ. Приветствуя исправление ошибок, заметим, что их легко было избежать, приняв вовремя поправки депутатов (включая автора этих строк).

11. Отмена дополнительных гарантий на образование для других категорий граждан. Законом, в частности, *исключены льготы* при поступлении в высшие учебные заведения:

- для граждан в возрасте до 20 лет, имеющих только одного родителя – инвалида I группы, если среднедушевой доход семьи ниже прожиточного минимума в соответствующем субъекте РФ;
- для граждан, которые уволены с военной службы и поступают в образовательные учреждения, реализующие военные профессиональные образовательные программы, на основании рекомендаций командиров воинских частей;
- для участников боевых действий.

12. Возможность сокращения числа бюджетных студентов. – Закон отказался от действовавшего ранее положения, согласно которому в России на 10 тысяч населения должно было приходиться не менее 170 бюджетных студентов, и заменил его новым: 800 студентов на 10 тысяч молодых людей в возрасте от 17 до 30 лет. На первый взгляд – больше!

Однако расчеты показывают: к 2020 г. при таком подходе число бюджетных студентов в стране сократится не менее чем на 700 тысяч, а в расчете на 10 тысяч населения – примерно со 172 до 125. Напомню: в России бесплатно учатся менее 40 % студентов, тогда как во Франции – более 80 %, а в Германии – более 90 %. О Советском Союзе, где все студенты учились бесплатно, нечего и говорить.

13. Возможность отмены стипендий для части студентов (ст. 36). По прежнему закону стипендии гарантировались хорошо успевающим, а также социально необеспеченным студентам. В новом законе минимально допустимый размер стипендий не устанавливается, а каждому хорошо успевающему студенту стипендия не гарантируется. Стипендиальный фонд распределяют администрация и органы студенческого самоуправления.

14. Отмена льгот по оплате студенческих общежитий. В результате принятия закона эта плата начала резко расти, после чего ситуация была отчасти исправлена Федеральным законом от 28.06.2014 № 182-ФЗ, который не восстановил прежние льготы, однако, ввел регулирование платы за общежития.

15. Ограничение дополнительных гарантий прав студентов на культурное развитие. Согласно ФЗ № 273, студенты были лишены права на бесплатное посещение музеев. Положение исправлено Федеральным законом от 05.05.2014 № 102-ФЗ «О внесении изменения в статью 12 Закона Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре».

16. Фактическая отмена выборов ректора в вузе. Статья 51 закона допускает возможность как назначения, так и избрания ректора. В настоящее время Минобрнауки настоятельно «рекомендует» вузам при принятии новых уставов процедуру выборов исключить. На наш депутатский запрос о том, почему это делается, получен ответ от заместителя министра образования и науки А. Климова, в котором сообщается, что отмена выборов не противоречит действующему закону (от 12 марта 2015 года № МОН-П-915). Как говорится, комментарии излишни.

17. Угроза коррекционному образованию. В результате исключения из закона коррекционных учебных заведений как особого типа и других факторов процесс ликвидации коррекционных школ и детских садов ускорился. По данным Минобрнауки, за последнее время их закрыто 280. В настоящее время рабочая группа Минобрнауки (при участии автора) готовит законопроект, предусматривающий дополнительные гарантии сохранения таких учебных заведений.

18. Отступление от принципов светского образования (ст. 87). В отличие от прежнего законодательства, ФЗ № 273:

- по существу, сводит духовно-нравственную культуру к культуре религиозной;
- вводит фактическую цензуру курсов духовно-нравственной культуры представителями централизованных религиозных организаций, обязывая светскую власть привлекать эти организации к учебно-методическому обеспечению таких курсов;
- переводит курсы духовно-нравственной (читай – религиозной) культуры из факультативных (необязательных) в ранг элективных (избираемых в обязательном порядке), предлагая включить их в основные образовательные программы;
- предоставляет возможность частным образовательным организациям вводить религиозный компонент без согласия учащихся и родителей, что может открыть дорогу в школы радикальным религиозным организациям.

19. Шаг назад в законодательстве об электронном обучении. «Новелла» ФЗ № 273 включает следующее положение: перечень профессий, специальностей и направлений подготовки, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, утверждается Минобрнауки (ч. 3, ст. 16). Этого достаточно, чтобы при желании остановить развитие электронного обучения в стране на неопределенный срок.

20. Снижение гарантий просветительской деятельности. В отличие от предыдущего закона, ФЗ № 273 не содержит норму, согласно которой на просветительские организации распространяются права и обязанности образовательных учреждений.

21. Скрытые угрозы:

- в законе исчезли как особый тип учреждения дополнительного образования детей. Это может привести к снижению социальных гарантий для педагогических работников таких организаций и сокращению их числа;
- из закона исключено понятие вида образовательных организаций, включая виды коррекционных школ, а также лицеи и гимназии, виды высших учебных заведений (при этом университета как вида вузов не существует, однако, категории университетов остались). Это может привести к снижению финансовых гарантий деятельности

таких учреждений, поскольку по некоторым видам существовали особые нормативы финансирования, а нередко – и особые социальные гарантии для работников;

- аккредитованные негосударственные учебные заведения лишились права удостоверения документов об образовании печатью с гербом РФ. Эксперты расценивают это как шаг к разделению учебных заведений по «сортам» и свертыванию негосударственного сектора образования.

В целом, Федеральный закон № 273:

1) перенасыщен нормами отсылочного, в том числе бланкетного⁵, характера (184 отсылочных нормы против 34 в Законе РФ «Об образовании» 1992 г.). Это приводит к избытку подзаконных актов, произволу в трактовке норм закона и росту бюрократизации в управлении образованием;

2) не содержит государственных гарантий развития экономики образования;

3) уменьшает (по сравнению с предыдущим законодательством) пространство свободы и объем социальных гарантий для участников образовательного процесса;

4) не обеспечивает прорыва в образовательной политике, необходимого для модернизации страны.

О качестве проработки Федерального закона № 273 свидетельствует тот факт, что исправлять его начали сразу после вступления в силу 1 сентября 2013 г. Уже на 1 октября в базе Государственной Думы значились 24 законопроекта, предполагающих внесение в него изменений. К 1 июня 2015 г. было принято и подписано Президентом 20 только федеральных законов, вносящих изменения в ФЗ № 273 (в том числе три с участием автора). К этому же времени в базе Государственной Думы значились 29 законопроектов, направленных на внесение изменений в закон об образовании (в том числе 9 с участием автора). Количество изменений в смежное законодательство пока не подсчитывалось. Напомним: сторонники принятия нового закона настаивали на том, что прежний закон превратился в «лоскутное одеяло». Похоже, очень скоро этот аргумент может быть обращен против ФЗ № 273.

Такая стратегия позволяет решать параллельно две группы задач:

- тактические – частичное улучшение действующего образовательного законодательства по принципу «малых дел»;

- в случае существенного изменения общественно-политической ситуации иметь, выражаясь шахматным языком, домашние заготовки, позволяющие принципиально изменить курс образовательной политики в интересах модернизации страны и участников образовательного процесса.

Нам неоднократно приходилось говорить о том, что в данном случае государственные и корпоративные интересы совпадают: при более или менее отлаженных экономических механизмах, чем лучше (в широком смысле) будет учителю и ученику, тем более профессионального работника и гражданина получит страна, тем быстрее мы преодолеем последствия интеллектуальной и духовно-нравственной катастроф и тем надежнее будут обеспечены национальная безопасность и возможности модернизации.

⁵ В данном случае под бланкетной нормой понимается «норма права, предоставляющая государственным органам, должностным лицам право самостоятельно устанавливать правила поведения, запреты и т. п. (Энциклопедический словарь экономики и права. <http://slovo.yaxy.ru/96.html>)

А. А. Золотарев¹, А. И. Колганов²

ФОРСАЙТ «РОССИЯ»: НОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Второй Санкт-Петербургский международный экономический конгресс проходил 22 марта 2016 г. в Санкт-Петербургском научном центре РАН.

СПЭК-2016 продолжил начатую год назад (на предыдущем конгрессе) работу по обсуждению проблем и путей переориентации экономической политики России на обеспечение приоритетного развития высокотехнологичного производства (интегрированного с современной наукой, инженерно-техническим творчеством, образованием) и достижение социальных целей. В центре внимания участников конгресса были проблемы реиндустриализации России.

Организатором конгресса выступил Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте под эгидой Отделения общественных наук РАН, а его партнерами – Институт экономики РАН, Институт экономики Уральского отделения РАН, Санкт-Петербургский государственный экономический университет и Вольное экономическое общество (ВЭО) России. В подготовке и проведении конгресса участвовали ведущие ученые-экономисты Российской академии наук, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, других университетов и научно-образовательных центров России, депутаты Государственной Думы Совета Федерации РФ, представители государственных структур, руководители предприятий реального сектора экономики, представители гражданского общества России из регионов Российской Федерации, а также зарубежные коллеги из 11 стран Европы и Азии.

На пленарные и секционные заседания конгресса были вынесены следующие основные проблемы:

- цели и средства экономической политики России: от «рыночного фундаментализма» к приоритетам производства и социального развития;
- новое качество материального производства;
- экономические механизмы возрождения производства, науки и образования;
- оздоровление финансовой системы;
- экономические кризисы: причины, последствия и пути преодоления;
- социальная политика и антикризисные стратегии.

Работа конгресса была очень насыщенной. В его ходе были проведены две пленарные сессии, три конференции, четыре семинара, девять «круглых столов». Уже к началу работы конгресса зарегистрировалось более 500 участников, а общее их число превысило 600. Большой зал заседаний Санкт-Петербургского научного центра РАН, где проходили две первые сессии пленарного заседания, не мог вместить всех желающих.

¹ *Александр Анатольевич Золотарев*, первый заместитель директора Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, канд. экон. наук.

² *Андрей Иванович Колганов*, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ, д-р экон. наук, профессор.

Первая пленарная сессия – «Обновление российской экономики: цели и средства» – задала тон всему ходу конгресса. На ней были поставлены наиболее острые и принципиальные вопросы: технологический прорыв в будущее, перемена вектора экономической политики для преодоления деиндустриализации экономики России и обеспечение реального роста знаниеемкого высокотехнологичного материального производства.

Именно эти проблемы были подняты в пленарном докладе председателя Оргкомитета СПЭК-2016, директора ИНИР, президента Вольного экономического общества России, профессора С. Д. Бодрунова. Он предложил участникам конгресса концептуальное осмысление перспектив экономического развития России, связанных с потенциалом перехода ко второму этапу нового индустриального общества (НИО.2). Этот этап связан с развитием новейших технологий (шестой технологический уклад, по терминологии академика С. Ю. Глазьева), ростом интеллектуальной составляющей в продукте материального производства и формированием комплекса новых экономических отношений и институтов. Этот комплекс призван обеспечить непрерывность потока инноваций, интеграцию производства, науки и образования, активную промышленную политику, генерирующую глубокие структурные сдвиги (рост доли знаниеемкого индустриального производства и поддерживающих его сфер, производство новых знаний и подготовка высокоинтеллектуальных работников).

Размышления члена-корреспондента РАН, научного руководителя Института экономики РАН и ИНИР Р. С. Гринберга касались обновления не просто складывающихся в России отношений между государством и человеком. Модернизация производства требует от государства активной политики в области изменения структуры экономики и одновременно – большего внимания к человеку как основному субъекту хозяйственной жизни. Без поддержки творческого потенциала человека невозможны никакая технологическая революция, никакие инновационные процессы.

Этот подход был конкретизирован в докладе О. Н. Смолина, члена-корреспондента Российской академии образования, первого заместителя председателя Комитета по образованию Государственной Думы СФ РФ. Он подчеркнул возрастающее значение общедоступного и высококачественного образования, его тесную связь с потребностями общественного развития (не только экономики, но и нормального функционирования социума в целом). О. Н. Смолин остановился также на проблемах в сфере российского образования, нерешенность которых тормозит экономическое и социальное развитие.

Внешние геэкономические и геополитические условия, в которых России предстоит преодолевать проблемы, связанные с деиндустриализацией и формированием условий для нового индустриального развития, стали предметом обсуждения известного экономиста и общественного деятеля Ю. Ю. Болдырева и гостя из Франции Жульена Веркёя, профессора Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж).

На создании благоприятных макроэкономических условий для новой индустриализации, в первую очередь на необходимости направления финансовых потоков на достижение важнейших общественно значимых целей, сосредоточил свое внимание профессор В. Т. Рязанов, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Он выдвинул тезис о социализации финансов, что позволит использовать их для восстановления индустриального потенциала страны на передовой технологической базе.

Практические вопросы обновления российской экономики рассматривались и в других докладах Санкт-петербургских ученых. Так, В. А. Шамахов, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, остановился на задачах подготовки современных управленческих кадров. В докладе профессора А. Е. Карлика, проректора по научной работе Санкт-Петербургского государственного экономического университета, анализируются возможности оборонной промышленности как драйвера экономического и технологического роста российской экономики.

Социальные проблемы, с которыми сталкивается Россия на пороге перехода к новому этапу экономического развития, рассматривал В. Т. Третьяков, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, известный телеведущий. Он заострил внимание на разрыве между богатыми и бедными, на социальной поляризации, которая серьезно сдерживает движение России вперед.

На состоявшихся после первой пленарной сессии конференциях, семинарах и «круглых столах» также обсуждались наиболее актуальные для сегодняшней России проблемы, в первую очередь – задачи модернизации экономики путем ее реиндустриализации на основе новейших технологических достижений. Именно те вопросы, которые были в центре внимания основных докладчиков на первой пленарной сессии, стали предметом более детального обсуждения. В дискуссиях приняли участие не только российские, но и зарубежные ученые (из Великобритании, Германии, Франции, других стран дальнего и ближнего зарубежья).

Значительное внимание уделялось различным аспектам формирования нового качества материального производства: использованию передовых технологических решений, экономическим отношениям и институтам, которые могут способствовать технологическому прорыву, отказу от экспортно-сырьевой зависимости и изменению структуры российской экономики в пользу высокотехнологичных производств. В выступлениях подчеркивалась существенная роль интеграции производства, науки, образования и культуры в обеспечении нового качества индустриального производства. Передовая наука, высококачественное образование и подлинная культура не только являются необходимыми условиями экономического прогресса, но и должны выступить драйверами перехода российской экономики на качественно новую ступень.

В качестве одного из важнейших условий структурной перестройки экономики нашей страны рассматривалось эффективное взаимодействие рыночного саморегулирования и регулирующей роли государства, институтов государственно-частного партнерства, создания комфортной бизнес-среды, формирования макроэкономических условий, стимулирующих модернизацию экономики.

Этим повестка дня конгресса не исчерпывалась. Активно обсуждались социальные проблемы экономического развития, вопросы совершенствования экономической науки, региональные и отраслевые аспекты модернизации российской экономики, геополитические и геоэкономические вызовы и вопросы экономической безопасности в новых условиях, обеспечение непрерывности, расширения масштабов инновационного процесса в России и целый ряд других не менее важных проблем.

На заключительной пленарной сессии «Обновление российской экономики: геополитические вызовы» также были затронуты животрепещущие темы. Так, А. В. Бузгалин, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Вопросы политической экономии», остановился на месте России, как страны зависимого полупериферийного капитализма, в мировой эконо-

мике. Отталкиваясь от этого тезиса, он обозначил принципиальные сдвиги в конструкции экономической системы России, необходимые для реализации экономической стратегии, получившей у него название *стратегии опережающего развития*. В рамках этой стратегии акцент делается на приоритетное развитие секторов экономики, формирующих и поддерживающих творческий потенциал человека.

На заключительной пленарной сессии внимание зала привлек доклад широко известного итальянского журналиста, бывшего депутата Европарламента Джульетто Кьеза. Он обратился к геополитическим проблемам, затронутым на первой пленарной сессии, акцентируя противостояние центра и периферии мирового хозяйства и рассматривая с этих позиций современный конфликт интересов между Россией и США.

Финалом конференции стало вручение премии «За выдающийся вклад в индустриальное развитие России» им. С. Ю. Витте» (с вручением чека на один миллион рублей). В соответствии с положением о премии лауреатами становятся известные российские специалисты, ученые, практики, внесшие весомый вклад в индустриальное развитие нашей страны (первым лауреатом этой премии за 2015 год стал академик РАН, Нобелевский лауреат Жорес Иванович Алферов). На СПЭК-2016 было объявлено о награждении премией за 2016 год члена-корреспондента Российской академии образования, первого заместителя председателя Комитета по образованию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Олега Николаевича Смолина. Участники конгресса горячо приветствовали это решение.

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

*В. Б. Сироткин*¹

ЦИКЛЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ: ОТ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ К ФИНАНСОВОЙ

Автор концепции капитализма, итальянский исторический экономист Джованни Арриги (1937–2009) считает, что долгосрочное развитие капитализма происходит в виде системных циклов накопления и смены центров контроля за движением капитала. Полагаем, что интерпретация капитализма, предложенная Дж. Арриги, позволит лучше понять современные проблемы нашего государства, в частности, его место в международном разделении труда и возможности доступа к рынкам богатых стран.

Известный французский исследователь науки и технологий (STS) Бруно Латур отмечает две особенности общественных наук. Во-первых, в отличие от естественных наук, где объекты-предметы не реагируют на то, что о них говорят, люди часто идут на уступки мнению ученых и могут реализовывать то, что называют «сбывающимися пророчествами». Во-вторых, методом изучения в общественных науках выступает социальная интерпретация – замещение истинного содержания объекта функциями общества. Такая репрезентация² либо разрушает объект, либо игнорирует его подлинное содержание. Если же ученый в своих интерпретациях попытается выйти за рамки общественного, тогда исчезнут цели общественных наук. Общественные науки вовлечены в сознательные попытки согласовать реальный мир с его образами и дискурсами. Принимая важные решения, руководители недостаточно хорошо знают, что происходит на самом деле. Применение стандартных процедур количественных оценок и универсальных элементов технологий управления усиливает разрыв между существующей реальностью и ее отображением. Можно предположить, что мы живем одновременно и в реальном, и в виртуальном мире интерпретаций, переходя от одних ожиданий к другим, и никогда не получаем определенности и полного удовлетворения.

Несмотря на предостережения Б. Латура, перечислим наиболее распространенные современные определения капитализма. Как известно, научное определение объекта в решающей степени влияет на последующие рассуждения и выводы: в капиталистических институтах и организациях вы будете искать объяснения тому, что заложено в определение капитализма.

¹ *Владислав Борисович Сироткин*, заведующий кафедрой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ.

² Репрезентация (от фр. *représenter* – представлять, показывать) – символ, знак, производная от подлинной ценности (акция, кредитная карта, актив, бренд и др.); сконструированный вымысел, ценность которого зависит от веры тех, кто озабочен безопасным будущим. Разрыв между реальной ценностью и ее репрезентацией может меняться.

Определения капитализма

Основоположник научного социализма Карл Маркс (1818–1883) полагал, что капитализм – это способ фабричного производства ради производства, а капитал существует для того, чтобы порождать капитал, и он не должен изыматься из оборота. Любую прибыль следует реинвестировать, заставляя ее работать и производить. Определение К. Маркса указывает на то, что экспансионизм выступает как часть природы капитализма. Марксисты полагали, что люди не свободны выбирать ту или иную общественную форму, они могут лишь ускорить или замедлить переход от одной формы к другой, но не способны заставить историю изменить predetermined траекторию движения. Марксистский диалектический метод противоречий и конфликтов остается важнейшим средством для понимания изменений [3].

Знаменитый американский экономист и социолог Йозеф Шумпетер (1883–1950) считал центральной фигурой при капитализме предпринимателя – человека, способного продвигать вперед новое, которое приходит на смену старому. Конкуренция между предпринимателями определяет процесс «созидательного разрушения» и формирование динамичной и эффективной экономики [3].

Известный социолог и историк Чарльз Тилли (1929–2008) полагал, что главная роль в капитализме принадлежит инвестору, который принимает решения и получает самое высокое вознаграждение как держатель капитала [4]. Подобная позиция приписывает большую значимость отдельным индивидам, а не организациям, выступающим средствами реализации их интересов.

Широко распространена интерпретация мирового капитализма в виде циркуляции потоков денег, информации, технологий и других ресурсов между центром и периферией капиталистической мир-системы. Интегрированность в потоки денег и товаров определяет позицию отдельной национальной экономики в мировом разделении труда.

Джефф Малган предлагает поставить в центр идеи капитализма погоню за ростом репрезентаций ценности, которые могут обмениваться на другие репрезентации. Репрезентации отличаются от ценности, которую они символизируют, но предлагают обмен на живую ценность в будущем. Манипулирование репрезентациями обещает увеличение живой ценности. Капитализм способен внедрять и быстро совершенствовать хорошие и плохие вещи, когда стремится получить нечто ценное. Взгляд на капитализм через репрезентации ценности и их способность быть проданными или купленными игнорирует все другие аспекты жизни: непродуктивные пристрастия, смыслы, контексты, мораль, веру. Репрезентации ценности подрывают реальность. Вместе с тем капитализм, как и все другие институты, базируется не только на интересах, но также на обязательствах и соглашениях: признавать деньги и частную собственность, возвращать долги, соблюдать условия контрактов, делиться прибылью и др.

Малган отмечает, что капитализм как наиболее передовая система раскрепощения человеческого мозга позволяет выбирать между двумя полярными стратегиями: создание новой ценности и хищнический захват ценного у других. Противоречие оснований морали и производительности требует при реализации институтов и организаций капитализма как доверия, так и насилия. Поиск ценности требует безжалостного разрушения старого, непродуктивного и стремления создать новые идеи и вещи [3].

Выдающийся французский историк Фернан Бродель (1902–1985) считает, что капитализм – это способ накопления богатства и власти в мировом масштабе, система контроля над рыночными отношениями и политикой государства. В «доме» трехуровневой структуры мировой торговли Бродель выделял три этажа.

Нижний этаж – это самый широкий слой примитивной и самодостаточной экономики, из которого вырастают корни рынка. Бродель назвал его слоем материальной жизни, этажом «неэкономики».

Выше расположена зона рыночной экономики, горизонтальных связей между разными рынками. Здесь преобладают автоматизм, сочетающий спрос, предложение и цену товара; высокая конкуренция, большое число игроков и невысокая маржа прибыли. Система международных рыночных связей возникла раньше XIII в., задолго до капитализма.

Над зоной рынка возвышается *область капитализма* – это «царство изворотливости и права сильного». Здесь формируются структуры и стратегии, используя которые ведущие силы с выгодой для себя регулируют экспансию или реструктуризацию системы капитализма. На этом этаже сосуществуют владельцы денег и политическая власть, образуя сосредоточенную капиталистическую власть. На других этажах власть рассредоточена. Получение крупной прибыли возможно только при помощи государства, устанавливающего ограничительный порядок, нарушающий свободное развитие рыночной экономики. При распределении выгод и издержек между участниками рыночной экономики главное значение имеет фактор силы. Капиталистическая зона монополизирует наиболее выгодные направления бизнеса и стремится сохранить гибкость, постоянно переключая инвестиции из одних отраслей в другие, более прибыльные.

В социальных науках, СМИ и политике утвердилось мнение, что капитализм и рыночная экономика – это одно и то же, и они противостоят государственной власти. Бродель утверждал, что капитализм целиком зависит от государственной власти и враждебен рынку [1].

Важнейшее качество исторического капитализма на протяжении всего его существования – это *гибкость и эклектичность* капитала. Способность к трансформации и адаптации возникает, если капитал перестает быть специализированным. В формуле К. Маркса: Д-Т-Д' можно выделить две формы капитала. Денежный капитал (Д) обладает свободой выбора, гибкостью и ликвидностью. Товарный капитал (Т) возникает, когда фирмы связывают капитал в особые комбинации факторов производства и потребления, что означает потерю гибкости и свободы выбора.

Историю капитализма можно представить как последовательность системных циклов накопления капитала: продолжительных периодов прерывистых изменений, кризисов реструктуризации и реорганизации и коротких отрезков широкой экспансии капитала в определенном направлении. Длительные периоды прерывистых изменений завершались восстановлением мировой капиталистической экономики на новых системных основаниях. Фазу материальной экспансии (Д-Т) характеризует период непрерывных изменений мировой капиталистической системы в одном направлении. Фазы финансовой экспансии (Т-Д') соответствуют периодам прерывистого развития, когда рост в определенном направлении приблизился к своему пределу и мировая экономика реструктурируется и реорганизуется для перехода на другое направление.

Повторяющиеся экспансии и реструктуризации капиталистической мир-экономики происходят под руководством правительственных и деловых сил. Эти ведущие силы формируют стратегии и структуры, используя которые, они организуют и регулируют расширение или реструктуризацию режимов накопления капитала. Формирование, консолидация и распад последовательных режимов накопления капитала происходят в форме перетекания потоков капитала из приходящих в упадок центров регулирования в новые центры капитализма. Выделяют два условия выживания современного капитализма:

- конкуренция за мобильный капитал между крупными государствами;
- формирование политических структур для контроля над социальной и политической средой накопления капитала в мировом масштабе.

Соперничество за мобильный капитал между мировыми политическими структурами создает возможности для экспансии капитализма. В исторических процессах формирования государств и накопления капитала правящие группы Венеции, Голландии, Англии и США реорганизовывали и контролировали сети власти и накопления в мировом масштабе. Для правящих групп политические аргументы невозможно отделить от соображений прибыли. Союзы между властью и капиталом, возникшие в результате межгосударственного соперничества за мобильный капитал, определяет превосходство в силе, за счет которой Запад захватывал (и продолжает присваивать) большую часть выгод, перекладывая основные издержки на побежденный не-Запад.

Согласно Джованни Арриги, при совмещении политики и капитала возникают державы-гегемоны, которые какое-то время правят миром и трансформируют его. Мировая гегемония³ означает способность сильной державы осуществлять функции руководства и управления системой других суверенных государств (включая духовное и нравственное руководство). Когда становится трудно использовать силу, область между принуждением и согласием заполняется коррупцией и обманом. Такие территориальные организации (города-государства, союзы городов, национальные государства), будучи не в состоянии контролировать результаты собственных инновационных действий, постепенно отходят на второстепенные роли. В эти периоды происходит разрушение компромиссных политико-экономических структур, которые создавались во времена экспансии капитала, и мир вступает в эпоху турбулентности.

Цикл накопления капитала включает подъем, созревание, господство и окончательную замену сил и структур очередного центра накопления мир-экономики. Для объяснения внутренней динамики системных циклов выделяют такую последовательность периодов: финансовая экспансия, в ходе которой новый режим накопления развивается в пределах старого цикла; материальная экспансия, когда новый центр накопления извлекает выгоду от контроля за накоплением капитала; финансовая экспансия, в ходе которой противоречия развитого режима накопления создают возможности для сил нового доминирующего режима накопления.

На заключительной фазе финансовой экспансии (Т-Д') возникает двоевластие, когда существующий финансовый центр теряет власть в крупных финансовых операциях, а новый, конкурирующий, центр накопления капитала становится господствующим в капиталистической мир-экономике. В этой фазе темпы роста мировой торговли меньше, чем в фазе материальной экспансии. Ослабление конкуренции, которая уменьшала прибыль на капитал, сопровождается стагнацией, застоєм в промышленности и снижением реальных доходов трудящихся.

После завершения переходного периода наступает фаза ускорения мировой торговли: избыточный капитал вступает в финансирование инвестиций новой фазы материальной экспансии (Д-Т), создает избыточные производства для будущего роста рынков и прибыли. Увеличение доходности бизнеса усиливает межгосударственную конкуренцию за мобильный капитал. Промышленный рост переходит в рост национального богатства и власти центра накопления, только если происходит про-

³ Гегемония (от греч. *hēgemonia* – предводительство, господство) – господствующая, руководящая роль и первенствующее положение по отношению к другим. Согласно Антонио Грамши (1891–1937), гегемония – это господство плюс согласие подчиняться.

рыв к новой высокоприбыльной деятельности, позволяющей накапливать капитал быстрее, чем в конкурирующих государствах. Растущая отдача от инвестиций в фазе материальной экспансии нового цикла накопления капитала будет подорвана ростом конкурентной борьбы, разрушающей монополии, контролирующей конкретные доходные рыночные ниши. Фазы ускорения инвестиций капитала в экспансии мировой торговли заканчиваются обострением межкапиталистической конкуренции в купле-продаже товаров.

Конкуренция капиталистов приводит к снижению прибыли от производства и торговли. Излишки средств, превышающие инвестиционные возможности в сложившихся отраслях, перемещаются в новый мировой центр финансового посредничества и управления мобильным капиталом. Существующие средства самовозрастания капитала в материальной сфере – инвестиции, институты и формы организации – перестают служить цели накопления и выступают пределом для капиталистического развития. В финансовой сфере, наоборот, конкуренция за мобильный капитал, изъятый из торговли и предлагаемый в форме кредитов, усиливается.

Диалектика центров торговли: переход из фазы торговой экспансии в фазу новой экспансии

Зрелость каждого конкретного этапа динамики капиталистической мир-экономики выражена переходом от торговли товарами к торговле деньгами. В фазе финансовой экспансии конкуренция государств за мобильный капитал обостряется. Центры торговли имеют больше капитала, чем могут прибыльно инвестировать в рамках своих рыночных ниш, и вторгаются в ниши других центров торговли (сверхнакопление капитала). Торговая система не способна переварить излишки капитала, не снижая прибыльности и безопасности торговли, которые возникают при обострении конкуренции за рынки между центрами торговли. Возникает фундаментальное противоречие: продолжение торговли обостряет внутреннюю конкурентную борьбу и сбивает норму рентабельности, а новые возможности связаны с непрогнозируемостью будущих прибылей и убытков.

После завершения периода торговой экспансии сети торговли и накопления радикально реструктурируются. Цикл финансовой экспансии служит индикатором заката очередного системного цикла накопления и начала нового цикла.

Сотрудничество между центрами накопления на завершающей стадии торговой экспансии требует соглашения об ограничении конкуренции и разделе рынков между рыночными центрами. В условиях торможения торговой экспансии это позволяет сохранить богатство и обеспечит безопасность. Избыток капиталов можно направить в другие сферы деятельности. Например, после завершения торговой экспансии в XIV в. Флоренция и Венеция направили накопленный капитал в область науки и искусства и стали центром Высокого Возрождения [1].

Когда инвестиции капитала в производство и торговлю не приносят прибыли, соответствующей возросшему уровню рисков и проблем, сопутствующих усилению конкуренции, капитал уходит в более гибкие сферы инвестирования: от торговли товарами к торговле деньгами. Стратегии накопления капитала переориентируются на финансовые сделки, например на финансирование внутренних и иностранных государственных займов. Капиталистические группы стремятся кредитовать и присвоить активы и будущие доходы государства, в рамках которого они действуют. Класс крупных капиталистов тяготеет к созданию институтов, способных контролировать госу-

дарственные финансы. Такие попытки предпринимались в 1407 г. в Генуе и продолжались вплоть до создания в 1694 г. Английского банка⁴ [1].

Периоды торможения торговой экспансии обостряют конфликт между трудом и капиталом: усугубляется противоречие между правом собственности и максимизации прибыли и правом на средства существования. Переход к инвестированию в инструменты финансовых рынков и снижение инвестиций в реальный сектор экономики негативно сказывается на занятости населения. Политическая нестабильность в периоды финансовой экспансии может усиливаться.

Снижение доходности, обусловленное пределом организационных возможностей движущей силы материальной экспансии, можно компенсировать растущими объемами и плотностью торговли. В такие периоды центр капиталистической системы стремится расширить свое влияние на периферии. Экстенсивная экспансия торговли во времени и пространстве может сочетаться с интенсивным развитием, сбивающим норму прибыли.

Расширение границ капиталистической мир-экономики позволяет инвестировать капитал в рост торговли без снижения нормы прибыли, даже если разрыв между продажной и закупочной ценой будет уменьшаться. Для сохранения прибыли требуется все большее экономическое пространство. Государства усиливают конкуренцию за контроль территорий. Чтобы сохранить уровень прибыли за счет частных соглашений или правительственного регулирования, можно ограничивать вхождение на рынок. Когда перенакопление в фазе материальной экспансии капитала сбивает прибыль до критического уровня, выдавливание конкурентов с территорий и из отраслей усиливается. Финансовые экспансии, устраняющие излишки капиталов из материальной сферы, выступают частью межкапиталистической конкурентной борьбы. В фазе системного цикла накопления, когда прибыль на инвестированный капитал становится ниже критического уровня, целью ее реинвестирования становится рост денежного капитала (системы кредита), а не предприятий, оборудования и наемной рабочей силы. Растет число фирм, воздержавшихся от инвестирования в материальную деятельность, а их денежные излишки перемещаются в сферу финансовых операций (в систему кредита).

Две логики власти и богатства

Дж. Арриги выделил две логики формирования власти и стратегии контроля за богатством: территориалистскую и капиталистическую. Территориалистская стратегия власти направлена на контроль над территорией и населением, а контроль за капиталом используется в качестве одного из средств достижения цели. Капиталистическая стратегия власти устанавливает в качестве цели контроль за капиталом, а контроль за населением и территорией рассматривает как средство для решения этой задачи.

Исторически каждый тип логики власти действовал внутри определенного пространства и временного контекста. Например, стратегии и структуры власти существенно различались в зависимости от того, кто инициировал изменения: земельная аристократия или купцы, государственная бюрократия или предприниматели. Интересы и политические идеи конкурирующих групп могут быть противоположны: одни стремятся к накоплению капитала, другие – к сохранению привилегий. Стремление финансовых групп к самоорганизации, торговле деньгами, контролю за финансами

⁴ Банк Англии с уставным капиталом в 1200 тыс. фунтов, которые были переданы в долг королю, создали английские купцы. Так был сформирован центральный институт будущей капиталистической эпохи, положивший конец денежному хаосу [6].

правительства и наживе на «монетарных иллюзиях» тех, кто пользуется их услугами, не способствует стабилизации политической жизни. Без защиты со стороны небуржуазных групп, буржуазия политически беспомощна, она не способна отстоять свои интересы и вынуждена идти на политический обмен. В результате взаимодействия двух логик возникает дихотомическая структура контроля, включающая территориалистский и буржуазно-капиталистический компоненты. Результаты сочетания принуждения и капитала существенно отличались от того, чего можно было ожидать от каждой из этих абстрактных логик власти и богатства. Один из компонентов структуры обеспечивает другой стороне то, в чем она нуждается.

Противоречие и противостояние территориалистской и капиталистической логик власти разрешались через синтез этих двух стратегий – создание и изменение структуры межгосударственной системы. При распределении выгод и издержек между участниками создаваемой системы главное значение имеет сила актора или группы акторов, формирующих мировой рынок. Сильные и богатые государства выступают в качестве центра международной капиталистической системы.

Арриги показывает, что в Венеции в XV в. сила капитала базировалась на самодостаточности и конкурентоспособности государственного аппарата принуждения. Венеция впервые покорилась только Наполеону в 1797 г. Военные и политические способности республики позволяли ей оставаться конкурентоспособной. Финансы находились в руках государства, которое предлагало бизнесу базовую инфраструктуру. В Генуе в XVII в., напротив, частный капитал через крупный банк и политику государственных займов с гарантиями от нецелевого использования определял силу государства. Особенность Генуи – незащищенность ее капиталов, действовавших на обширных территориях других государств. Эта слабость и неустойчивость условий для генуэзского капитала оборачивались преимуществом – высокой инициативностью и инновационностью при инвестировании. Предприниматели Генуи научились организовывать внешний мир для себя, сформировали огромную международную финансово-торговую сеть.

Различие венецианского и генуэзского режимов накопления к XV в. очертило основу для двух противоположных форм капиталистической организации: государственного (монополистического) и финансового (космополитического) капитализма. Эти две непрерывно меняющиеся формы организации определяют нелинейную эволюцию исторического капитализма как мировой системы. Растущий размер и сложность этих форм связаны с «интернализацией»⁵ одной социальной функции за другой, когда отжившие организации навсегда сменяются новыми. Диалектика организационных инноваций продвигает процесс накопления капитала во времени и пространстве одновременно вперед и назад в его стремлении преодолеть существующие пределы экспансии капитала. За успехи правительства в усилении политических и военных аппаратов приходится платить ослаблением капиталообразования. Экономия на издержках защиты улучшает условия для капиталообразования, но ослабляет контроль капиталистов за получением прибыли в межгосударственном конкурентном пространстве. Например, с 1651 г. Англия стала сознательно применять силу, чтобы подорвать торговое господство Голландии. Только благодаря усилиям английского государства голландский флот не был вытеснен из морей [1].

⁵ Интернализм (от interne – внутренний) – направление в истории и философии, признающее внутренние факторы движущей силой развития. Возник в конце 30-х гг. XX в. как реакция на экстернализм.

Реструктуризацию и реорганизацию институтов и структур государства и бизнеса можно рассматривать и как результат, и как движущую силу противоречий в системных процессах накопления капитала. Институты и организации – это способы и средства осуществления власти оружия и власти денег, которые усиливают или ослабляют ограничения на свободу действий при адаптации к требованиям конкуренции при накоплении капитала. Синтез организационных структур государственного капитализма и структур космополитического финансового капитализма обеспечивает воспроизводство системных условий, необходимых для возрастания богатства. Развитие структур капитализма во времени идет по схеме вперед-назад: растущая доля избыточного капитала движется от создания прибыли к укреплению государства или в противоположном направлении. Временной отказ от территориалистской стратегии контроля за капиталом предлагает стимулы для частного капитала. Роль ведущего капиталистического класса в мир-экономике переходит от буржуазии к государственным чиновникам, и наоборот. Мощные территориалистские комплексы существуют рядом с космополитическими нациями. Правящие группы преобразуют недостатки территориалистских организационных форм в достоинства космополитических (и наоборот) и используют их преимущества для подавления конкурентов. Когда соотношение сил благоприятно, территориалистские структуры без ограничений используют население для уничтожения противников. В ряде случаев государственные структуры могут ради этого негласно поддерживать применение силы частными группами интересов.

Можно считать, что каждое государство представляет собой комбинацию капитализма и территориализма, сформировавшуюся в результате непрерывной межгосударственной конкуренции (внешние факторы) и антагонистического противостояния государственной и предпринимательской деятельности (внутренние факторы).

Сформировать устойчивый центр пространства потоков денег⁶ в государстве можно только при доверии деловых кругов правительству. Политический обмен между правительством и капиталистами позволяет решить задачу сотрудничества территориализма и капитализма. Инструментами такого сотрудничества могут служить государственные займы, обращение бумажных денег и управление обменным курсом, осуществляемые частными банками через сеть своих корреспондентов.

Стратегии и структуры накопления капитала

Каждый режим накопления изобретал в стране-гегемоне новые стратегии и средства контроля за капиталом. Кризисы перенакопления стимулировали переход от одних организационных средств к другим. Силы, появившиеся в результате кризиса, воссоздавали капитализм на более широкой основе. Флоренция в лице торгового дома Медичи продемонстрировала в конце XIV– начале XV в. первую в мире финансовую олигархию, могущество которой было основано на управлении финансами римской церкви. Семейство аугсбургских банкиров Фуггеров сужало деньги испанскому королю Карлу V, чтобы купить голоса немецких князей – выборщиков императора Священной Римской империи в 1519 г. Генуэзцы придумали «треугольник» в пространстве потоков товаров и денег, который обслуживал Испанию в 1557–1627 гг.: серебро, поступающее из Нового Света в Севилью, переправляли в Италию, где его обменивали

⁶ За центр мирового пространства потоков денег можно принять государство-гегемон, выступающее штабом для ведущих корпоративно-национальных капиталистических сил, способных расширять функциональные и пространственные возможности мир-экономики.

на золото, которое поставляли к театру военных действий в Антверпен. Амстердам основал фондовую биржу, перекачивающую и мобилизующую избыточные капиталы со всей Европы, и голландские торговцы и капиталисты получили возможность наживаться на операциях предприятий, организованных другими лицами. Голландская Ост-Индийская компания, получившая привилегию в 1602 г. как инструмент накопления, добилась в XVI в. наилучших результатов среди всех подобных организаций. Эти компании сформировали основу для перехода от неформально организованного генуэзского цикла капитализма к организованному и регулируемому циклу голландского капитализма. Британия изобрела надежные деньги, государственные облигации и Банк Англии, выступившие связующим звеном между политикой и экономикой, властью денег и властью оружия. Накопления капитала стали опираться не только на торговлю, но и на капиталистические производственные предприятия – базу для индустриального роста в Англии. США воспользовались идеей «холодной войны», чтобы усилить стимулы к объединению мобильных капиталов, не способных к экспансии в хаотическом мире. Страх перед глобальной коммунистической угрозой заставил законодателей освободиться от националистических и протекционистских взглядов, затрудняющих централизацию мировых финансов, и одобрить «План Маршалла» по переустройству Западной Европы и план по перевооружению США и Европы.

Британия всегда выступала за систему свободной торговли. К. Поланьи отмечает, что безжалостная монополия британской Ост-Индийской компании разрушила в XIX в. индийскую текстильную промышленность. Односторонний свободный торговый обмен лишил индийцев денежных потоков, необходимых для воспроизводства, и они вымирали миллионами [2]. Чтобы подчинить рабочую силу власти капитала, необходимо было лишить тружеников традиционных источников существования и заставить их продавать свой труд на рынке. Разрушительные последствия саморегулирования рынков в Индии позволяли смягчить отрицательные последствия капитализма (распространение безработицы, падение цен и др.) в самой Британии. В добавок к этому высвобождение излишков людских, природных и денежных ресурсов на периферии позволяло центру диктовать свои условия при выборе средств накопления капитала на интегрированном мировом рынке.

Основанный британцами свободный торговый режим был губительным для созданной Бисмарком имперской Германии, и во второй половине XIX в. она выступила главным центром протекционистского движения. Безработица, социалистическая агитация, спад в промышленности, торговле и финансовый кризис заставили национальные элиты защищать страну от последствий разрушительной иностранной конкуренции нерегулируемого рынка. Правительство Германии наладило партнерство с промышленными предприятиями и банками для создания высококонцентрированных горизонтально интегрированных корпоративных структур командной экономики. Крупные банки и картели контролировали целые отрасли германской промышленности с помощью эффективной организационной бюрократии. Все капиталистическое производство и распределение в стране планировались и регулировались из одного центра, позволяя добиваться высоких темпов роста за счет высокой технологической рациональности германского бизнеса. Германская модель капитализма с централизованным планированием, ограничивающим рыночную конкуренцию и подчиненная целям технологической рациональности, за короткий срок (1870–1913 гг.) продемонстрировала впечатляющие темпы роста (по сравнению с британской моделью финансовой рациональности и свободного рынка). Международная конкуренция с герман-

ским корпоративным капитализмом ускорила кризис британского режима накопления и переход к американскому режиму накопления [1].

Британский цикл накопления капитала был основой децентрализованной и дифференцированной, глобальной по своему охвату системы гибкой специализации мелких и средних производств. Монополия Ост-Индийской компании была отменена в 1813 г., после чего начал действовать режим свободной торговли. Торговые и финансовые посредники между поставщиками и потребителями контролировали поставки сырья к британским перевалочным пунктам. Впечатляющая территория и многообразие товаров обеспечивали британскому посредническому капитализму огромную выгоду, что позволяло финансировать издержки от деятельности внутри страны. Гибкость такой сетевой структуры позволяла осуществлять постоянные изменения для максимизации прибыли на саморегулируемом рынке, но тормозила развитие технологической рациональности, как это делалось в Германии и США.

В конце XIX в. организационная революция в США сопровождалась корпоративной реорганизацией бизнеса – отделением собственности от управления. От мелких и средних предприятий через слияния и поглощения переходили к управляемым бюрократиями вертикально интегрированным компаниям массового производства товаров и услуг⁷. Вертикально интегрированные структуры добивались экономии на издержках и снижения рисков за счет концентрации и эффекта масштаба. Организация, планирование и контроль из одного корпоративного центра нескольких направлений деятельности по закупкам, производству, распределению и сбыту обеспечивали выигрыш в скорости оборота капитала и другие конкурентные преимущества. Согласно авторитетному американскому экономисту Уильяму Баумолу (р. 1922), автору гипотезы о максимизации продаж в поведении фирмы (отличной от гипотезы максимизации прибыли), структура отрасли оказывает сильное воздействие на поведение цен и выпуск продукции. Существует несколько подходов к определению отраслевой структуры:

- с позиций совершенной конкуренции фирм на рынках;
- на основе централизованного планирования и контрактов с опорой на рыночные механизмы;
- с позиций барьеров для входа в отрасль.

Каждый подход формирует свое направление исследований (теорию состязательных рынков, транзакционный анализ и теорию повторяющихся игр) и определяет детерминанты отраслевой структуры. Существующая реальность характеризуется увеличением оборота товаров и услуг внутри гигантских компаний и оголиполистической структурой рынков.

После завоевания внутреннего рынка США эти вертикально интегрированные структуры перешли к транснациональной экспансии.⁸ Американская экономическая стратегия ориентировалась на массовое потребление товаров и услуг и эффективный организационный обмен между природными ресурсами периферии и покупательной способностью центра накопления капитала. Индивидуалистическая собственность

⁷ Вертикальная интеграция – интеграция деятельности с поставщиками и клиентами; горизонтальная интеграция – интеграция конкурирующих фирм. В США антитрестовский закон Шермана (1890) ограничил формирование горизонтальных комбинаций бизнеса.

⁸ Особенности гегемонии транснациональных корпораций (ТНК) рассмотрены автором в статье «Взаимообусловленность экономической и политической властей: принуждение к либеральному экономическому порядку». (Экономическое возрождение России. 2016. №1).

была заменена корпоративной. Транснациональные корпорации, совмещая планирование с рыночным регулированием, выступили главным орудием в экспансии американского режима накопления капитала. После нефтяного кризиса 1971 г. эти гигантские организации от функциональных конфигураций перешли на дивизиональные, в которых господство плановиков сменилось властью трейдеров. Американский вариант корпоративного капитализма сложился в результате международной конкуренции как ответ буржуазии на провалы нерегулируемого рынка свободной торговли. Корпоративные структуры вертикальной интеграции обещали усилить контроль за неуправляемым рынком через планирование производства и принудительное установление цен и объемов товаров.

Каждая материальная экспансия в цикле накопления капитала опирается на собственную организационную структуру. В фазе финансовой экспансии эта структура заменяется новой. Организационная структура (средство накопления) через какое-то время образует предел для экспансии в накоплении капитала (цель капитализма). Диалектика циклов накопления капитала состоит в том, что экспансию ограничивают те же силы, которые ее породили: чем сильнее эти силы, тем сильнее торможение экспансии. Международное сотрудничество между центрами капитала замещается все более острой конкуренцией, которая приводит к уменьшению прибыли и разрушает организационные структуры, лежащие в основе ее получения.

Регулируют и эксплуатируют систему накопления и формируют траектории движения капитала две главные силы: некапиталистические и капиталистические организации. Некапиталистические организации, действующие согласно логике территориализма, в своем желании сохранить статус и власть постараются заставить финансовый капитал вкладывать средства в материальную деятельность. Капиталистические организации в ответ на падение прибыли и рост рисков будут стремиться изымать избыточный капитал из достигших своих пределов сфер производства и торговли и переводить его в мобильную форму. Концентрация капиталов в финансовом центре приведет к новому снижению нормы прибыли. В ходе фазы финансовой экспансии начнется зарождение нового цикла накопления и формирования новых организационных структур, выступающих в качестве его основы и расшатывающих существующий режим. Под действием сил капиталистической и террористской ориентации траектория устойчивого роста может изменяться на нестабильную. Турбулентность (как локальная, так и системная) препятствует возвращению на траекторию устойчивого роста. Структуры очередного цикла накопления капитала, которые не могут справиться с нестабильностью и дезорганизацией, разваливаются, уступая место новому системному циклу накопления – новой траектории развития капитализма.

Переход к финансовой экспансии в американском цикле накопления

Британская система самовозрастания капитала основывалась на дефиците платежного баланса Индии по отношению к Британии и профиците платежного баланса Британии с другими странами, за счет которых финансировался этот дефицит. Способность Сити и Банка Англии контролировать мировые деньги и получать иностранную валюту от перемещения товаров и капитала позволяла Британии существовать, не реструктурируя собственную промышленность. Американский системный цикл накопления капитала появился из хаоса 1930–1940-х гг. Первая мировая война положила конец британскому режиму накопления: в первые годы войны британские активы

в США были распроданы по заниженным ценам на Нью-Йоркской фондовой бирже; образовался крупный долг перед США, а американский доллар превратился в полноценную резервную валюту, как и английский фунт.

Укрепление позиций доллара позволило США скупать активы и инвестировать капитал по всему миру. Движение излишков капитала между мировыми финансовыми центрами стало приобретать спекулятивные черты – переориентироваться из межправительственных внешних займов на внутренние спекуляции. Крах Уолл-стрита и спад в экономике США в 1930-х гг. привел к применению протекционистских мер в ряде национальных экономик. Ф. Рузвельт в ходе Второй мировой войны реализовал концепцию концентрации мировой власти в руках США⁹.

Профицит текущих счетов платежного баланса существенно превышал активное сальдо торгового баланса США: прибыль, создаваемая американцами за рубежом, намного превосходила прибыль иностранцев, создаваемую в Америке. В 1947 г. золотые резервы США составили 70 % общей величины мировых резервов. Избыточный спрос на доллары США означал полный американский контроль за ликвидными активами в «западном» мире. Из системного хаоса, начавшегося после Великой депрессии 1929 г., появился новый гегемон очередного американского системного цикла накопления капитала [1].

Послевоенная мировая валютная система, заложенная в Бреттон-Вудсе в 1944 г., установила, что производство мировых денег осуществляют правительственные организации в целях благосостояния, безопасности и власти правительств. Прежде производство и контроль мировых денег находились в руках частных банкиров. Частные лица и организации управляли мировыми деньгами как средством для получения прибыли. В новой мировой валютной системе МВФ и Всемирный банк (а по существу – ФРС США) получили контроль над мировыми деньгами. Центр производства мировых денег и контроля за международным мобильным капиталом переместился из Лондона в Вашингтон.

Формирование союза правительственных и частных организаций обеспечило беспрецедентный рост производительности труда и накопления капиталов в 1950–1975 гг. Избыточный капитал двигался в производство массовых товаров, а рынок евродолларов (депозиты в евродолларах) расширился. Одновременно с либерализацией потоков капитала набирал силы частный спекулятивный мобильный капитал, который размещался в оффшорах, не контролируемых правительствами. С середины 1970-х гг. объем валютных операций на оффшорных денежных рынках стал многократно превышать стоимость мировой торговли. Фаза финансовой экспансии американского системного цикла накопления капитала сменила фазу материальной экспансии – финансовые потоки стали существенно преобладать над объемами товарных потоков [1].

В этот период обостряется конкуренция между американскими и не американскими корпорациями на мировом рынке, которые стремятся обезопасить себя от взаимных угроз. Падение прямых инвестиций происходило под влиянием двух факторов, снижающих прибыль на капитал в торговле и производстве: а) рост цен на сырье в 1971–1974 гг. в результате нефтяных кризисов; б) рост реальной заработной платы в 1950–1973 гг.

⁹ Особенности гегемонии транснациональных корпораций (ТНК) рассмотрены автором в статье «Взаимообусловленность экономической и политической властей: принуждение к либеральному экономическому порядку». (Экономическое возрождение России. 2016. №1).

Снижение курса доллара из-за быстрого роста денежной массы, находящейся в руках ФРС, способствует экспансии американского экспорта и ухудшает условия торговли для других стран. Систематический рост издержек производства в мировом масштабе и массовый «уход» избыточного капитала в оффшоры таковы последствия послевоенной фазы экспансии американского корпоративного капитализма. Стремление к мировой гегемонии рождает серьезные противоречия в отношениях с другими государствами, а также между правительствами и деловыми организациями. Современные ТНК превращаются в самостоятельные центры власти и ограничивают господство правительства. Например, крупнейшие частные транснациональные банки США переложили на правительство страны огромный ущерб, возникший в результате кризиса 2008 г.

ТНК были самыми крупными получателями на нью-йоркском валютном рынке, поэтому крупнейшие американские банки, чтобы избежать крупных потерь во вкладах, были вынуждены подключиться к менее затратным оффшорным операциям в евро-долларах. Огромные ликвидные средства переместились из США в Европу, вышли из юрисдикции США и стали неподконтрольными для любого правительства. В таких условиях ФРС не могла регулировать увеличение предложения мировых денег системой фиксированных обменных курсов на основе золотодолларового валютного стандарта, установленной в Бреттон-Вудсе (1944 г.). Переход к системе гибких валютных курсов (1971 г.) означал капитуляцию ФРС и других центральных банков перед глобальными силами международной валютной спекуляции [1]. Неопределенность при определении цены валют усиливается, контроль за ликвидными активами ослабевает, возникают предпосылки для «валютных войн» между государствами. США получают возможность не контролировать дефицит платежного баланса и неограниченно печатать доллары для международного обращения, чтобы восстановить конкурентоспособность своих товаров и покупать ресурсы со всего мира. Страны третьего мира не имели валютных резервов, позволяющих защищать свои национальные валюты от колебаний курсов. Экспорт, импорт и национальный доход таких стран зависят от курса доллара.

Международная финансовая интеграция становится для ее участников препятствием в движении к национальной безопасности и внутреннему развитию. Европейские компании при поддержке правительства начинают оказывать сопротивление экспансии американских корпораций. В результате международной конкуренции с 1980 г. объем прямых инвестиций в мире резко падает, а доля прямых иностранных инвестиций США заметно сокращается. Снижается способность США создавать за рубежом эффективный спрос на свои товары для продолжения материальной экспансии.

Следствием сигнального денежно-кредитного кризиса американского режима накопления 1970-х гг. стала мировая инфляция. Источником инфляции, последовавшей за резким ростом цен на нефть, была политика стимулирования американского бизнеса путем печатания денег. Платежный баланс США перестал рассматриваться как механизм ограничения внутренней инфляции. США перешли к использованию долга в качестве инструмента восстановления (или сохранения) прибыли в целях предотвращения спада и продолжения материальной экспансии. В результате такой политики увеличились издержки и неопределенность корпораций, поэтому большая часть ликвидных активов перемещалась в нефте- и евродоллары в центры космополитического финансового сообщества.

Прибыль, возникающая из обособления капитала на фондовых биржах и в частных банках, присваивается незначительным числом финансовых посредников. Наци-

ональное процветание всегда связано с развитием производства, строительства, сельского хозяйства, транспорта и торговли, где люди реализуют свое право на средства к существованию. В конце XX в., следуя финансовой рациональности, американское руководство предпочло не ограничивать свободную валютную политику, а сотрудничать с космополитическими силами финансового капитала. Союз с крупными частными финансами обещал огромные средства для мирового финансового господства. Арриги полагает, что выбор такой стратегии был обусловлен кризисом легитимности американского военного влияния на деколонизацию и провалом военного принуждения Кореи и Вьетнама. Развенчание мифа о непобедимости США заставило членов ОПЕК поднять цены на нефть, чтобы защититься от обесценения американской валюты. Рост цен на нефть означал усиление мировой конкуренции за рабочую силу, энергоресурсы и покупательную способность. Перечисленные изменения вынуждали правительство США отказаться от противостояния интересам крупных частных компаний.

После прихода к власти в 1980 г. администрации Рейгана расширилась политика заимствований правительства. В результате у США образовался впечатляющий национальный долг (около 17 трлн долларов на 2013 г.). Принцип надежных денег, на которых основано глобальное могущество центра капиталистического накопления, был разрушен. Попытки установить контроль за глобальным мобильным капиталом, в котором сосредоточены долги американского правительства, выглядят малоэффективными. Американские ТНК проникают в чужие юрисдикции и придают мировой экономике новый космополитический характер, с которым власти США вынуждены соглашаться. Непреднамеренные последствия дерегулирования и децентрализации мобильного капитала, доминирования стоимостных критериев практически во всех видах деятельности проявляются в форме растущей поляризации между богатыми и бедными, размывания среднего класса и разрушения традиционных гуманистических ценностей. Американские власть и богатство еще больше зависят от кредитной системы и международной сети накопления капитала: крах финансовых кредитных институтов в результате очередного кризиса может обрушить всю структуру американского цикла накопления капитала.

Выводы

Исторические закономерности капиталистического накопления позволяют предположить, что в настоящее время:

1. Мировой центр накопления капитала пребывает в фазе финансовой экспансии. Внешняя экспансия капитала стремится сохранить норму прибыли в центре капитализма и направлена в регионы дешевой рабочей силы, чтобы сохранить конкурентоспособность своих производств по издержкам. Средствами финансовой экспансии выступают захват крупных пакетов акций местных компаний и создание совместных предприятий на привлекательных территориях. Чтобы сбить уровень заработной платы в таких регионах, капиталу из центра мир-системы капитализма выгодно разрушить традиционный режим накопления, существующий в стране-мишени и перераспределить денежные и товарные потоки в интересах центра. Рынок труда современной России малопривлекателен для иностранных инвестиций. Россия не нуждается в том, чтобы США взяли на себя издержки по защите евразийской территории в обмен на удовлетворительное место в капиталистической мир-системе. Стратегия гегемона современной капиталистической мир-системы будет стремиться к созданию нестабильности в этом регионе. Мировая экономика поляризуется, и возможно возникно-

вание военной конфронтации. Падение доллара заставит правительства других стран защищать свои валюты. Протекционизм и национализм способны подорвать централизацию финансовой власти США. Международная конкуренция за мобильный капитал выступает силой, которая будет разрушать существующие структуры накопления.

2. Центр современного капитализма вряд ли позволит России занять достойное место в глобальном разделении труда. США не заинтересованы в усилении регионального могущества России. Межгосударственная конкуренция за капитал в фазе финансовой экспансии цикла капиталистического накопления усиливается, а наша страна не входит в число дружественных для США режимов. Более вероятно, что центр капитализма будет стремиться к превращению территории нашей страны в рынки ресурсов и товаров для ТНК. Подобную стратегию спасения капитализма за счет разрушения и подчинения традиционных экономик в других странах неоднократно использовали исторические центры накопления капитала. В качестве примера отметим изменения, происходящие на Украине с 2013 г. Запад давил на законную власть и «оппозицию», делая все, чтобы Украину разорвало на части. После распада СССР фаза финансовой экспансии американского системного цикла накопления капитала сопровождается уничтожением традиционной государственной власти в странах периферии мир-системы (в Югославии, Ираке, Египете, Сирии, Ливии и др.).

3. Сомнительно, что расширение демократии и либерализма в России существенно повлияет на экономический рост. Излишки капитала, которые могли быть инвестированы в рост, из-за низкой эффективности отечественной экономики будут стремиться трансформироваться в ликвидность и перемещаться в те юрисдикции, где сочетаются доходность и надежность. Элита России в традициях государственно-монополистического капитализма постарается контролировать огромную территорию и население. Либерализм и демократия будут разрушать централизм, свойственный традиционному режиму правления. Исчезни существующий порядок, и страна погрузится в хаос, который обернется жертвами и ущербом, не соизмеримыми с сегодняшними потерями от торможения развития. Поэтому страна будет продолжать имитацию либерализма и демократии, осуществляемую последние сто лет.

4. Роста экономики страны следует добиваться, интегрируясь в политическое и экономическое пространство Восточной Азии – потенциальный регион для возникновения нового центра накопления капитала. Территориалистские логики развития Китая и России легче примирить друг с другом. Целесообразно эксплуатировать разногласия между Китаем и США. Китай во второй половине XX в. добился существенной экономической поддержки от США после того, как перестал быть сателлитом СССР.

В условиях, когда центр может решать, нужны или не нужны для мирового накопления капитала те или иные территории, разумно подготовиться к долговременному процессу капиталистической трансформации методом проб и ошибок по принципу вперед-назад: от логики территориализма к логике капитализма и обратно. Неформальные структуры будут закрепляться в той деятельности, где не эффективны формальные системы (особенно в регионах), выражая интересы групп влияния. Радикальные реформы целесообразно проводить, когда политическая власть сильна или существуют влиятельные внешние силы, способные оказать ей поддержку. Япония и Германия, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг (позднее – Китай) после Второй мировой войны демонстрировали экономическое возрождение при полномасштабной поддержке США. Эти страны получили доступ к богатым рынкам и место в иерархии добавленной стоимости мир-экономики капитализма. Наша страна может развиваться

через реализацию программ и проектов, сохраняя режим государственно-монополистического капитализма.

Следует остерегаться радикальных реформ в те периоды, когда власть в стране ослаблена недружественными силами. Ломать существующий порядок проще, чем построить новый. Процесс изменений будет осуществляться под воздействием не только национального правительства и национального капитала, но и международных сил, контролируемых существующим центром накопления капитала.

Список литературы

1. *Арриги, Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги; пер. с англ. – М.: Издат. дом «Территория будущего», 2006.
2. *Поланьи, К.* Великая трансформация, политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи; пер. с англ. – СПб.: Алетейя, 2002.
3. *Шумпетер, Й.* Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер; пер. с англ. – М.: Экономика, 1995.
4. *Тилли, Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 900–1992 гг. / Ч. Тилли; пер. с англ. – М.: Территория будущего, 2009.
5. *Малган, Дж.* Хищники и творцы в капитализме будущего / Дж. Малган; пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
6. *Аглиетта, М.* Деньги между насилием и доверием / М. Аглиетта, А. Орлеан; пер. с фр. – М.: Издат. дом ГУВШЭ, 2006.

А. А. Никонова¹

СИСТЕМНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ И ФАКТОРЫ ПОДЪЕМА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ²

Системный подход к идентификации способов подъема российской экономики и направлений вложения сил и средств предполагает разработку стратегических программ для любого уровня иерархии в строгом соответствии с имеющимися условиями и факторами при оптимальном использовании всех преимуществ. Для этого необходимо получить как можно более объективные оценки качественных и количественных характеристик состояния экономики и ее звеньев, определить проблемные зоны и перспективные источники развития. Применение принципов системной теории к оценке потенциала ситуации обосновано системным характером проблем национального хозяйства и социума, обострение которых тесно связано с коренными преобразованиями страны при проведении рыночных реформ. Необходимость системного подхода к управлению вызвана также особенностями управляемых объектов – предприятия, производственного комплекса, экономики в целом. Каждый из них рассматривается как сложная социально-экономическая система, включающая несколько элементов различных уровней и являющаяся подсистемой системы более высокого порядка.

Сложность синтеза стратегических решений связана с качественным разнообразием факторов экономического роста, различием эффектов от имеющихся преимуществ, влиянием разнонаправленных тенденций в области каждого из типов превосходства, на основе которых можно строить стратегию выхода из долговременного спада экономики. В связи с этим аналитический этап разработки стратегии подъема страны представляет собой особую задачу исследования: от степени научной обоснованности оценок потенциала роста зависят траектория движения системы и ее звеньев и эффективность расходования средств.

Проблемы и задачи развития российской экономики

Трансформация России началась в 1990-е гг. и не завершилась до сих пор ни в одном из секторов национального хозяйства. Непродуманный выбор экономической модели и несистемное управление вызвали массу противоречий и проблем во всех сферах реформирования. Институциональные дефекты, нестабильность экономической среды, просчеты в управлении в резонансе с внешнеэкономическими и внешнеполитическими угрозами ведут к углублению внутренних проблем, затрагивают базисные элементы национального хозяйства и системообразующих видов деятельности, связанных с добычей и переработкой энергетических ресурсов – одного из ключевых конкурентных преимуществ страны.

Системный характер внутренних проблем имеет глубокие корни:

- нарастающий критический износ фондов, устарелые технологии практически во всех секторах хозяйства;

¹ Алла Александровна Никонова, старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН (ЦЭМИ РАН), канд. экон. наук.

² Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Системный анализ, моделирование и пространственные решения приоритетных задач инновационного развития экономических объектов и систем в нестационарной экономике» № 15-02-00229 (а).

- инвестиционный дисбаланс – перекося в сторону нефтегазового сектора и экспортных проектов в условиях недофинансирования базовых отраслей хозяйства (инвестиционного машиностроения, инфраструктуры, социального сектора);

- высокие издержки, в частности, объективно обусловленный рост капиталоемкости добычи и переработки топливно-энергетических ископаемых (в 1,2...1,6 раза выше, чем в ЕС [1]) и как следствие – рост цен на энергию для конечных потребителей в условиях высокой монополизации сырьевого бизнеса;

- снижение платежеспособного спроса и отсутствие инновационного спроса (в частности, из-за спада промышленного сектора), замедление темпов роста потребительского спроса в результате инфляционного давления, удорожания кредита, снижения реальных доходов;

- задержка темпов человеческого развития; рост дифференциации населения; низкое качество жизни основной части граждан;

- значительная региональная дифференциация – опасные диспропорции в социально-экономическом развитии территорий, в особенности отдаленных от центра страны;

- низкие мотивации: снижение чувствительности работников и бизнеса к стандартным стимулирующим и фискальным механизмам;

- деформация ценностей – когда счастье ассоциируется с деньгами;

- рост социальных обязательств государства (пенсионное страхование).

Недофинансирование перевооружения промышленности, инфраструктуры, научно-технического развития на фоне чрезвычайно низких инвестиций в целом (73,5 % к уровню 1990 г.) не позволяет своевременно обновлять материально-техническую базу производства и воспроизводит технологическую отсталость предприятий (рис. 1).

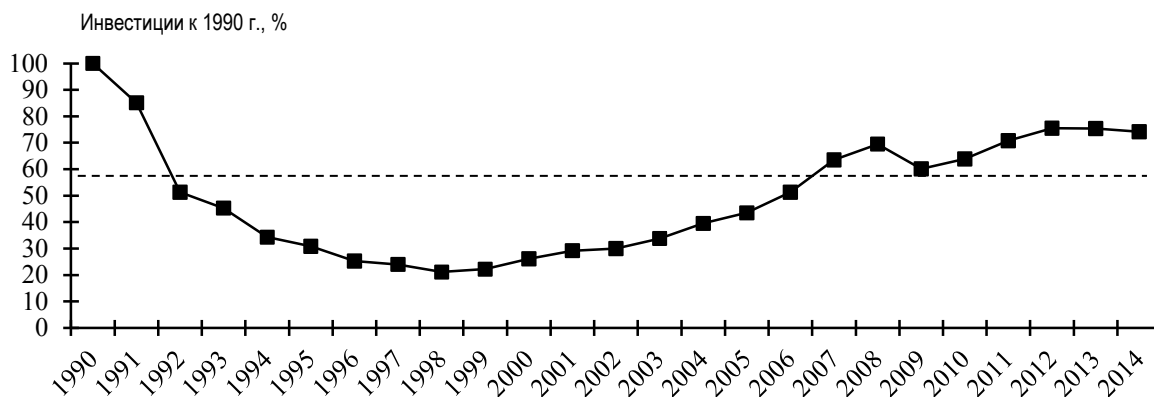

Рис. 1. Инвестиции в основной капитал в России (1990–2014 гг.) в сопоставимых ценах, % к 1990 г. (построено по данным Росстата [2, табл. 2.2])

Низкое качество управления (102-е место в мире из 141) [3, р. 267] связано, в основном, с недостаточной квалификацией управленцев всех уровней, несовершенством мотивационных механизмов, дефектами в распределении ответственности, нацеленностью узких групп участников, имеющих доступ к национальным богатствам и административным ресурсам, на достижение локальных интересов. В таких условиях

системные проблемы социально-экономического развития закрепляют существенное отставание российских предприятий по большинству показателей конкурентоспособности, снижают устойчивость в долгосрочном периоде:

- низкий уровень и неустойчивые темпы инновационного развития экономики в целом (48-е место в мире из 141 [3]) и отдельных звеньев: число инновационно активных предприятий, в среднем, не превышает 10 %, в развитых странах – 40...60 %, в Германии – 70 % [4];
- низкая конкурентоспособность экономики: 45-е место из 144 стран [5];
- снижение развития человеческого потенциала за годы реформ – с 34-го места в мире из 119 стран (1991 г.) до 50-го места из 188 стран (2014 г.) [6, р. 212];
- снижение темпов роста производительности труда начиная с 2003 г. (рис. 2), которая и без того в 2-3 раза ниже, чем в странах ОЭСР [7].

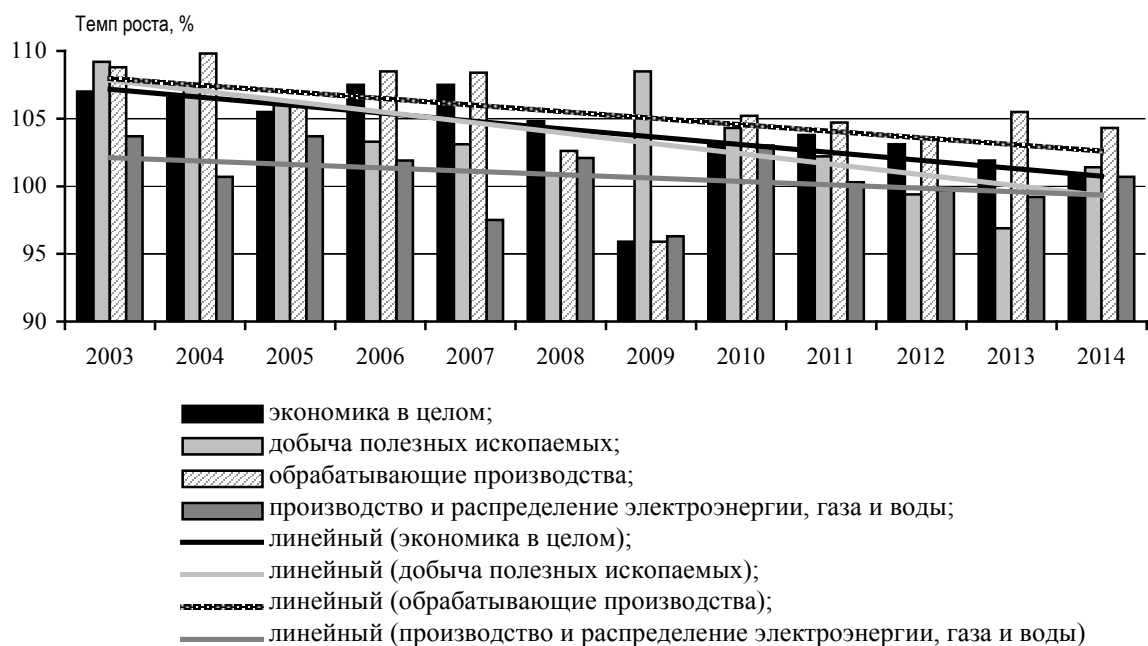

Рис. 2. Индекс производительности труда в России (2003–2014 гг.), % к предыдущему году (построено по данным Росстата [8])

Из-за мирового кризиса заметно снизился уровень конкурентоспособности и инновационного развития практически во всех странах. Однако в России конкурентоспособность и производительность могут быть выше при активизации всех источников экономического роста, улучшении качества управления ресурсами, рациональном распределении активов, эффективном использовании своих преимуществ.

Преимущества России – основа устойчивого развития

Россия превосходит абсолютное большинство стран не только по природным богатствам, но и по уровню образованности населения, масштабу территории, социокультурному разнообразию, выгодности географического расположения, размерам

внутреннего и внешнего рынков (рис. 3). Это представляется необходимым и достаточным для возрождения национальной промышленности и активизации инноваций при грамотном эффективном распоряжении имеющимися преимуществами.

Рис. 3. Ключевые конкурентные преимущества России (построено по данным [1, 4, 5, 6, 9])

Эффективное использование каждого преимущества в той или иной мере ограничено в силу разных причин. Природные ресурсы – это невосполняемый источник роста, с растущими издержками эксплуатации. Несовременная инфраструктура, старые фонды и технологии во многом объясняют низкую энергетическую эффективность. Высокая концентрация капитала в сырьевом секторе в отсутствие правильных перераспределительных и мотивационных механизмов, направленных на достижение общесистемной сбалансированности, способствует монополизации доходов от эксплуатации природных богатств и снижает заинтересованность крупного бизнеса в кардинальных преобразованиях топливно-энергетического комплекса (ТЭК), включая инновационные изменения. Угрозы снижения интеллектуального потенциала обусловлены ухудшением качества образования, сокращением исследовательского сектора, утратой ряда научных школ в связи с реформами образовательной системы, прикладной и фундаментальной науки. Размеры рынков (внешних и внутренних) не дают возмож-

ного эффекта для подъема экономики из-за значительных колебаний международной конъюнктуры, катастрофического спада отечественной промышленности в 1990-е гг. и крайне низкого внутреннего спроса, особенно на продукты инвестиционного машиностроения и инновационные продукты. Азиатские производители выигрывают соревнование по издержкам, успешно расширяют экспансию на российский рынок, получают все возможные выгоды от его масштаба. Эффект от выгодного географического расположения страны сдерживается в силу неравномерности развития регионов, отсталости удаленных от центра территорий, неразвитости инфраструктуры, которая призвана связать хозяйственные единицы в целостный народнохозяйственный организм.

Системная парадигма подъема национальной экономики предполагает, во-первых, идентификацию наиболее существенных возможностей и провалов, а также факторов и преимуществ, определяющих стратегический потенциал и вектор развития; во-вторых, разработку таких экономических стратегий и механизмов реализации, которые адекватны внешним и внутренним условиям и факторам.

В экономических исследованиях рассматриваются различные основополагающие факторы и направления возрождения российской экономики: а) модернизация обрабатывающих производств на принципах опережающего создания и освоения высоких технологий шестого уклада [10, 11]; б) научно-техническое развитие и интенсификация инноваций в наукоемком секторе, прежде всего авиакосмическом и военно-промышленном комплексе, где исторически сложился сильный технологический и кадровый потенциал, сохранилась некоторая научная база [12, 13]; в) подъем экономики под воздействием интеллектуальных факторов – человеческого потенциала [14, 15].

Системный подход выступает средством согласования различных позиций исследователей в области стратегических приоритетов и путей развития России. Согласно системным принципам, выбор стратегии и способов регулирования обусловлен объективными условиями и факторами внешней и внутренней среды функционирования экономических объектов; одним из критериев обоснованности программ развития является сбалансированность общественных подсистем. Решение актуальнейших для нас задач неотложной модернизации материально-технической базы промышленности должно быть сбалансировано с концентрацией усилий на повышении уровня человеческого развития как конечной цели экономического роста, на улучшении человеческого потенциала как важнейшего фактора производства и интеллектуального драйвера современных прогрессивных преобразований.

Регулирующие механизмы должны быть нацелены на нивелирование слабостей и компенсацию рисков, а также на поддержку и развитие компетенций и, соответственно, видов экономической деятельности, связанных с тем или иным видом превосходства. Фокусирование на эффективном использовании превосходства в каком-либо одном аспекте не должно противоречить эффективной реализации и наращиванию других преимуществ. В связи с этим требуются научно обоснованные принципы выбора стратегических приоритетов и механизмов на системной основе. Для этого необходимы объективные оценки барьеров и возможностей экономического развития, которые могут быть получены в результате системного анализа экономических объектов и их окружения, силы и слабости, достижений и отставания в тех или иных сферах жизни экономики и общества.

В России проблемы усугубляются тем, что, с одной стороны, нужные экономике производства за годы реформ потеряны. С другой стороны, в силу технических, экономических и институциональных причин большинство предприятий не готово *воспри-*

нять передовые технологии: по уровню абсорбции новаций мы на 55-м месте из 141, по уровню передачи и распространения – на 42-м [3, р. 267]. В такой ситуации нам придется одновременно решать несколько экономических, технических, научно-образовательных и социальных задач: массовое переоснащение промышленных предприятий с заменой физически изношенных фондов, строительство и модернизация производственной, энергетической, транспортной и социальной инфраструктуры; создание научно-технических заделов, формирование инновационного спроса, мотиваций, социальных программ; опережающая подготовка кадров по специальностям, которые потребуются экономике в перспективе; улучшение качества жизни.

Для получения согласованных решений таких разнородных задач следует применить подходы и механизмы, отвечающие системным требованиям сбалансированности и устойчивого развития. Массовая технико-технологическая модернизация промышленности и инфраструктурное строительство представляют собой основополагающие условия долгосрочной устойчивости и конкурентоспособности. Принятие решений о степени новизны вводимых технологий, заменяемых машин и оборудования требует прежде всего комплексного анализа проблемной ситуации, конкретных расчетов и квалифицированных инженерных обоснований научно-технических и инвестиционных проектов с учетом отраслевой специфики. Поэтому к дилемме *индустриализация* [16] или *развитие новых высокотехнологичных производств следующего уклада* [10, 11] следует подходить с системных позиций. Только на системной основе необходимо разрабатывать государственные программы и механизмы поддержки в территориальном разрезе и с привязкой к определенному виду экономической деятельности. Для выбора приоритетов и решения проблем в условиях нестационарности экономики и несовершенной рыночной среды требуются адекватные аналитические методы и модели оценки эффективности долгосрочных вложений средств, в которых учтены особые внутренние и внешние факторы на основе системного анализа [17, 18].

Сложность практической реализации синтетических решений в сфере социального, экономического и научно-технического развития обусловлена системным характером проблем, коренящихся в структуре и модели экономики. В частности, технологическая отсталость оснащения промышленных предприятий и упадок промышленности, особенно машиностроения, делают весьма проблематичным успешное импортозамещение, необходимое с точки зрения устойчивости и безопасности. Однако такие цели должны быть поставлены, выводы ученых и предложение незамедлительной реализации стратегии индустриального роста [16] вполне обоснованы с позиций системного подхода к стратегии развития, поскольку без существенного обновления производственного оборудования и технологий сценарий инновационной трансформации отраслей и звеньев затянется на долгие годы. Согласно системной теории, отклонения, выходящие за точку невозврата (утрата промышленных, особенно высокотехнологичных, производств, станкостроения и других жизненно важных для целостности системы отраслей), раскачивают экономическую систему с выводом ее на непрогнозируемую траекторию движения [19].

В связи с этим проблемы сбалансированного роста требуют системных решений, т. е. органического синтеза интенсивного индустриального развития [16], технологической модернизации на инновационной основе [10] с другими, гуманитарными, направлениями [15] стратегии трансформации целостной системы. Детализировать приоритеты и направления движения, последовательность их реализации, объемы привлекаемых ресурсов, способы управляющих воздействий (рычаги и стимулы)

нужно на основе результатов системного анализа возможностей и препятствий к развитию хозяйственной системы и ее звеньев. Такие возможности в России есть. Вопрос состоит в умении управлять и в желании грамотно распределять ресурсы.

Системный подход

Методология научного подхода к стратегическому управлению исходит из понимания значимости изменений в каждой из подсистем для развития и трансформации целостной социально-экономической системы. С учетом приведенных оценок представляется обоснованным строить национальную стратегию и промышленную политику на основе сочетания двух сил: 1) мощных энергетических ресурсов; 2) образованных кадров и сильного научного потенциала. Вектор стратегии включает: а) возрождение мощной промышленной базы экономики как условие конкурентоспособности, устойчивости и безопасности страны на перспективу; б) всестороннее человеческое развитие как условие роста научно-технической мощи национальной экономики и реализации основной цели общественного развития. Императивы сбалансированности и целостности народнохозяйственной системы предполагают согласованность преобразований во всех подсистемах (менталитет, культура, институты, наука, образование, ресурсно-технологическая база экономики) в соответствии с историческими факторами эволюции и возможностями применения имеющихся моделей и образцов [17]. Технологическая и ментальная готовность к инновациям, быстрое освоение новшеств, восприимчивость промышленного сектора к нововведениям являются условиями равноправного включения российской экономики в контур мирохозяйственных связей и глобальных инновационных цепочек.

Для решения таких задач, выбора и согласования стратегических приоритетов, обоснования стратегических мероприятий и механизмов регулирования нужны адекватные инструменты и методологическая база, которые дает системная теория. Стратегическое и текущее управление должно быть направлено на все без исключения внутренние подсистемы хозяйственного организма, его взаимодействия и связи с окружением. «Именно управление реализует механизм гомеостаза» [20, с. 6], поддерживает устойчивость системы в ситуации бифуркаций.

Системный подход базируется на следующих важнейших постулатах:

- влияние внутренних свойств и взаимодействий экономических объектов и систем на развитие экономики как целостности;
- влияние внешней изменчивой среды на динамику объектов и систем;
- целенаправленность объектов и систем, их внутренняя активность не исключают, а напротив, предполагают различие интересов, что в условиях турбулентной среды требует специальных мер регулирования и поддержки динамического равновесия;
- принцип необходимого разнообразия (повышение сложности системы требует не менее сложной системы управления);
- важность достоверной информации, не искаженной помехами несовершенной рыночной и/или институциональной среды, как это наблюдается в российском варианте принятия решений;
- синергия – возможность получения дополнительного эффекта от преобразований в одной сфере для смежных с ней сфер и видов деятельности (позитивного при грамотных решениях и негативного – в противоположном случае) [19];
- управляющие воздействия, адекватные условиям и факторам развития (включая внутренний потенциал и внешнюю среду), будут способствовать улучшению исполь-

зования всех видов источников роста экономики и в конечном итоге – самоорганизации и поддержанию гомеостаза системы [19].

Организация экономики и общества как сложной открытой социально-экономической системы имманентно подвержена модификации в динамике. Факторы неопределенности, усиленные переходными процессами и геополитической напряженностью, обуславливают нестационарность российской экономики и вызывают ряд негативных последствий: высокую чувствительность к внешним дестабилизирующим факторам; высокие инвестиционные и инновационные риски, кризис доверия и как результат – отток капитала, снижение инвестиционной и инновационной активности; сокращение внутреннего спроса; резкое сужение горизонта планирования бизнеса.

Неопределенность среды повышает значимость системного управления и требует для обоснования решений специальных моделей и инструментов выбора эффективных способов распределения ресурсов [18]. Применение системных принципов выбора решений позволяет снизить неопределенность, в которой находится регулятор, получить более или менее объективную картину ситуации, оценить путем системного анализа потенциал развития. Системное управление может обеспечить гомеостаз системы и как следствие – ее устойчивость.

Таким образом, системный подход является научно обоснованным средством согласования позиций исследователей, выступающих за прогрессивные преобразования в целях повышения устойчивости и независимости России на различной методической основе. Именно системные принципы планирования и управления изменениями ориентируют исследователя и практика на преобразование всех без исключения подсистем. Однако детали стратегии перемен – вектор движения, очередность изменений, содержание мероприятий и регулирующих механизмов – определяются в строгом соответствии с имеющимися условиями и факторами, а также закономерностями общественного прогресса, анализ которых входит в число задач для лиц, ответственных за принятие хозяйственных решений.

В схеме системного управления особо значимы обратные связи двух ключевых участников, предъявляющих основную часть инновационного спроса: 1 – человека в роли поставщика квалифицированного труда и в качестве конечного потребителя продуктов и технологий; 2 – промышленного сектора как потребителя квалифицированного труда и производителя товаров и услуг (включая коммерциализацию новых разработок). Механизмы прямых и обратных связей в рамках системного подхода позволяют получить комплекс необходимой информации для идентификации ситуации выбора решений и правильно соотнести инструменты активизации экономической деятельности с планируемыми направлениями модернизации экономической системы на различных уровнях иерархии (рис. 4).

В состав управляющих воздействий входит комплекс экономических и внеэкономических рычагов и стимулов. В зависимости от ситуации регулятор может влиять на изменения управляемого объекта и формировать желательную среду для его функционирования, к примеру, для приведения нормативно-правовой среды в соответствие с задачами индустриального роста и/или интенсивного освоения высоких технологий. Для выработки правильной реакции на изменение ситуации важно адекватно воспринимать сигналы рыночной, социальной и научно-технологической среды и грамотно идентифицировать проблемную ситуацию, правильно оценивать возможности и потенциал системы; уметь на этой основе объективно представлять перспективы развития, в частности направления модернизации исследуемого объекта.

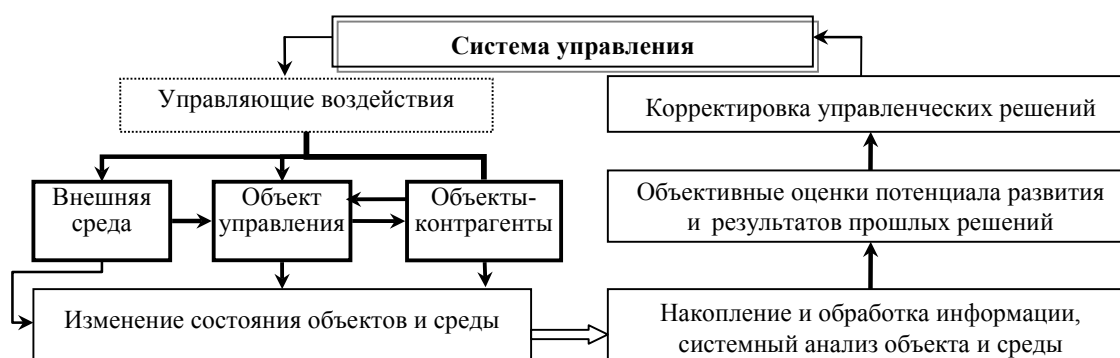

Рис. 4. Механизмы прямых и обратных связей в управлении изменениями

В основе решения лежит системное мышление регулятора и соответствующее понимание общесистемной и локальной устойчивости, согласование их на базе механизмов прямых и обратных связей с применением критериев, при определении которых следует исходить из системного понимания миссии изучаемой системы и ее подсистем. Согласно системной парадигме развития, «общество ... обязано не преобразовывать окружающее пространство под свои цели, а приспособлять свои цели к приемлемому для окружения воздействию» [21, с. 5]. Нарушая это базисное правило, мы в лучшем случае получаем в ответ результат ниже ожидаемого, в худшем – не разрешаем, а усугубляем проблемную ситуацию. Причина этого в том, что «объективные законы эволюции существующей системы уже не подвластны произвольным (*курсив – авт.*) локальным воздействиям, если они вступают в противоречия с тенденциями глобального развития» [21, с. 5]. В исследовании тенденций общественного развития «определяющей является эволюционная спираль, по которой развивается человечество. <...> Вся эволюция осуществляется только благодаря обратным связям, и понять этот общесистемный подход нам необходимо, чтобы адекватно воспринимать все происходящее» (*В. В. Бушнев – цит. по [21]*). Поэтому в задачи управления входят анализ таких тенденций и оценка обуславливающих их факторов, наряду с анализом причин и следствий экономических падений и управленческих ошибок.

С точки зрения сбалансированных изменений на макроуровне вектор стратегии включает четыре направления, составляющие фундамент устойчивого конкурентоспособного развития страны: 1) человеческое развитие как конечная цель любых преобразований общества и источник долгосрочных компетенций, конкурентных преимуществ, экономических результатов; 2) повышение технико-технологического уровня экономики, в частности энергетики, как стержневой подсистемы, обеспечивающей бюджетные доходы; 3) улучшение экологии как важнейшей компоненты равновесной экосистемы; 4) рациональное использование ресурсов, повышение производительности и эффективности.

Системная методология выбора направлений развития и инструментов управления предполагает (в дополнение к сказанному) учет:

- мировых инновационных трендов, качественных изменений НТП;
- национальных особенностей (отраслевой специфики, корпоративных отношений, социокультурной среды, пространственных факторов).

Например, благодаря достижениям российской фундаментальной науки у нас есть предпосылки для развития как энергетических, так и двойных технологий, способствующих улучшению качества жизни. Однако низкий спрос и средовые барьеры препятствуют коммерциализации открытий, трансферу и диффузии новаций. Перенос зарубежных образцов не везде годится, стратегически правильнее взять курс на совершенствование нормативно-правового и экономического регулирования экономической и инновационной деятельности [22]. Как показывает системный анализ, из-за критического износа фондов в ТЭК первоочередными задачами являются коренное перевооружение и реконструкция, массовое обновление сетей, оборудования и технологий, а не новое строительство с введением новых генерирующих мощностей [23].

При этом сбалансированное функционирование народнохозяйственного организма предполагает эффективную реализацию *системных взаимосвязей*, где российские пробелы наиболее очевидны, особенно в части горизонтальных связей. К примеру, по оценке тесноты взаимодействий участников инновационной деятельности, мы на 127-м месте из 141 [3, р. 267]. Это снижает эффективность использования имеющихся преимуществ. Создание и развитие кластерных систем, особенно производственных экосистем, отражает один из современных трендов технологического развития. Это чрезвычайно актуально для РФ, так как может дать мощный синергетический эффект от соединения высокого образовательного уровня работников и энергетического превосходства, в особенности на территориях, где сконцентрированы наибольшие запасы природных богатств, имеется неиспользованный потенциал рабочей силы и можно организовать подготовку квалифицированных кадров на базе существующих образовательных учреждений.

Выводы и рекомендации

Генезис современных внутренних проблем, а также особенности управляемых объектов – экономики и ее структурных звеньев – требуют применения системных принципов в текущем и стратегическом планировании и управлении, ориентирующих на сбалансированное изменение всех общественных подсистем и согласование действий заинтересованных сторон на различных уровнях иерархии. Системный подход предполагает настройку регулирующих воздействий на изменяющийся объект и динамичную среду его функционирования, в которой важны все существенные связи и взаимодействия. Применение системной теории к определению способов активизации имеющихся преимуществ и элиминированию пробелов реализуется в требованиях адекватности управленческих решений свойствам объектов управления и потенциалу их развития в условиях турбулентности. В целеполагании следует руководствоваться результатами системного анализа, системными оценками объекта и среды для создания научно обоснованного образа будущей экономической системы и ее элементов. Долгосрочные и краткосрочные решения должны соответствовать условиям и факторам и учитывать их возможные изменения.

Ресурсные и интеллектуальные источники роста российской экономики обуславливают значительную потенциальную силу этих факторов. Для преодоления барьеров, мешающих их эффективному использованию, необходимы соответствующие действия макрорегулятора. В первую очередь должны быть приняты меры по оснащению добывающих и перерабатывающих предприятий новейшими технологиями и оборудованием; созданию стимулов для роста инновационного спроса в реальном секторе; формированию институциональных и экономических условий для усиления горизон-

тальных связей и взаимодействий. Для активизации внутреннего спроса нужны правительственные меры стимулирования и правильная распределительная система.

Основные направления решения задач: масштабные инвестиции в массовое перевооружение промышленных предприятий на самой передовой основе; создание адекватной задачам развития институциональной среды, предсказуемой для долгосрочных проектов и благоприятной для активизации экономической и инновационной деятельности; умелое распределение активов, повышение качества управления и ответственности за принятие хозяйственных решений на всех иерархических уровнях.

По результатам системного анализа ресурсных и интеллектуальных источников экономического роста и потенциала научно-технического развития можно выделить четыре основные сферы управляющих воздействий и концентрации средств: 1) приведение системы воспитания и образования в соответствие с требованиями современной экономики и задачами гармоничного развития личности; 2) ускорение приращения знаний и практического использования НИОКР, разработка прорывных технологий; 3) масштабное обновление оборудования и технологий в целях восстановления промышленности и роста высокотехнологичного сектора; 4) формирование принципиально новых отношений между наукой и технологиями на базе единого цикла *наука – образование – бизнес*. При этом вложения в человеческое развитие рассматриваются как факторы инновационного роста и способы достижения конечных целей развития, поэтому занимают далеко не последнее место в иерархии национальных приоритетов, выстроенной на системных принципах.

Для преодоления технологического отставания российской промышленности чрезвычайно важны специальные интеллектуальные усилия и высококвалифицированные управленческие компетенции. Результативность вклада человеческого фактора в решение технологических проблем и подъем экономики во многом зависит от качества образовательной системы, исследовательского сектора, инновационной культуры, настроения общества и состояния социума в целом. Без кардинальных мер по улучшению качества жизни населения, выполнению социальных обязательств государства, созданию условий для мотивированного творческого труда, ликвидации вопиющих перекосов в распределении национального дохода и других социально значимых мероприятий никакие затраты не принесут ожидаемой отдачи. В связи с этим мероприятия в образовательном секторе должны быть направлены: на развитие человеческих способностей, талантов, компетенций; построение учебных программ на принципах опережения научно-технических трендов; создание системы непрерывного обучения и повышения квалификации работников согласно меняющимся запросам экономики с целью повышения производительности.

Распространению системного подхода к принятию решений в России будет содействовать законодательное оформление системной методологии промышленной политики, стратегического планирования и управления инновационными процессами и введение в повседневную хозяйственную практику. Для этого важно общественное и индивидуальное осознание необходимости системных перемен, системных правил принятия решений, идеологии системного подхода к преобразованиям окружающего мира. Фундаментальные положения системной теории могут служить научным основанием для консолидации позиций ученых, отстаивающих те или иные приоритеты и направления развития российской экономики; для углубления научного сотрудничества и развития междисциплинарных исследований.

Список литературы

1. Проект Энергетической стратегии России на период до 2035 года (ред. от 30.09.2015) // Министерство энергетики Российской Федерации. URL: <http://minenergo.gov.ru/node/1920>.
2. Инвестиции в России 2015: стат. сб. – М.: Росстат, 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_56/Main.htm.
3. The Global Innovation Index 2015. – WIPO, Geneva, 2015. URL: <https://www.global-innovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2015-v5.pdf>.
4. Россия и страны мира 2014: стат. сб. – М.: Росстат, 2014. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_39/Main.htm.
5. The Global Competitiveness Report, 2015–2016. – Geneva: World Economic Forum, 2015. URL: http://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf.
6. The Human Development Report 2015. Work for Human Development. – UNDP. New York, NY, 2015. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report_1.pdf.
7. Лавровский, Б. Л. Самое важное, самое главное для победы (Россия в системе мировых трендов производительности) / Б. Л. Лавровский, И. В. Позднякова // ЭКО. – 2014. – № 4.
8. Официальная статистика: Росстат. Эффективность. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#.
9. BP Statistical Review of World Energy. – 2015. – June. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-full-report.pdf>.
10. Рязанов, В. Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты / В. Т. Рязанов // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2 (40).
11. Глазьев, С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития (академическая версия доклада) / С. Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2015. – № 5.
12. Иванова, Н. И. Научная и инновационная политика. Россия и мир: 2011–2012 / Н. И. Иванова; под ред. В. В. Иванова. – М.: Наука, 2013.
13. Бендиков, М. А. Высокотехнологичный сектор промышленности России: состояние, тенденции, механизмы инновационного развития / М. А. Бендиков, И. Э. Фролов. – М.: Наука, 2007.
14. Колганов, А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социальные исследования. – 2014. – № 1.
15. Колганов, А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социальные исследования. – 2014. – № 3.
16. Бодрунов, С. Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2 (40).
17. Клейнер, Г. Б. Новая теория экономических систем и её приложения / Г. Б. Клейнер // Вестник РАН. – 2011. – Сентябрь.
18. Лившиц, В. Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013 / В. Н. Лившиц. – М.: ЛЕНАНД, 2013.
19. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен. – М.: Мир, 1980.
20. Гаврилец, Ю. Н. К синтезу теории систем и кибернетики в экономике / Ю. Н. Гаврилец. – М.: МАОН, 2009.

21. *Цибульский, В. Ф.* Энергетический индикатор состояния экономики / В. Ф. Цибульский. – М.: ИНП РАН, 2013.

22. *Бодрунов, С. Д.* Модернизация России – политический лозунг дня / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2012. – № 4(34).

23. *Нигматулин, Б. И.* Тринадцать теорем для России / Б. И. Нигматулин, Р. И. Нигматулин // Московский комсомолец. – 27.08.2009. URL: <http://www.nigmatulin.ru/stati-i-publikatsii/trinadtsat-teorem-dlya-rossii-2.html>.

А. А. Пороховский¹

ЗА И ПРОТИВ «РЫНОЧНОЙ КОЛЕИ» РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Минуло 25 лет с начала в России рыночных преобразований экономики, переориентации общества на ценности индивидуализма, выхода на первое место в мотивации людей частных интересов. За эти годы в мире многое изменилось.

Во-первых, в полной мере развернулась технологическая революция, основанная на информационно-коммуникационных технологиях и открытиях практически во всех отраслях естествознания (химии, биологии, физике) и на стыках наук. Эта революция выдвинула в число передовых экономик 39 стран и территорий (по классификации Международного валютного фонда) [12, р. 147].

Во-вторых, стала меняться структура мирового хозяйства и торговли. Происходит медленная, но настойчивая смена локомотива мировой экономики (с США на КНР). Более того, азиатский континент (КНР, Индия, Япония, Республика Корея, Сингапур и ряд других государств) все смелее берет на себя функции центра экономического роста. Северная Америка и ЕС из-за хронически низких темпов роста ВВП постепенно привыкают к экономическому лидерству Азии. Обзор мировой экономики, представленный МВФ, свидетельствует, что по показателям ВВП и экспорта товаров и услуг, рассчитанным по паритету покупательной способности национальных валют, на первое место в мире вышел Китай (соответственно 17,1 и 11,4 %) [12, р. 147], а на третьем – Индия. И хотя по ряду обстоятельств КНР и Индия остаются среди развивающихся стран, фактически все развитые экономики имеют с ними тесные экономические отношения. Одной из главных причин феномена успеха КНР и Индии стало оптимальное (с позиций национальных интересов) сочетание рыночных принципов и государственных приоритетов в страновой экономической модели.

В-третьих, Россия, несмотря на кризисы 2014 и 2015 гг., закрепила на 6-м месте в мире по размеру ВВП (3,3 %), находясь сразу после ФРГ, но опередив Великобританию и Францию. Между тем, четверть века назад доля России в мировом ВВП была больше долей КНР и Индии. В то время как структура китайской и индийской экономик изменились, сырьевая направленность и импортозависимость российской экономики по многим параметрам фактически остались прежними. Однако, согласно «лукавым цифрам» статистики, в структуре экономики России доля производства товаров и услуг в валовой добавленной стоимости составляет 34,2 и 51 % соответственно. При этом на налоги и субсидии приходится 14,8 % [6, с. 283]. Если верить указанным данным, доли производства товаров и услуг в России примерно такие же, как в экономиках развитых стран. На самом деле в каждой сфере у России накопилось отставание по качественным индикаторам: технологии, производительность, износ основных фондов, инфраструктура, конкурентоспособность.

Что же мешает «рыночным принципам» в России получить такие же результаты, как в развитых экономиках, Китае, Индии и других странах [4]? Если теоретически рыночные принципы ничем не различаются, то их практическая реализация зависит

¹ *Анатолий Александрович Пороховский*, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

от особенностей национальных экономических моделей. Возможно, «рыночная колея» России – это путь догоняющего развития, что ограничивает использование потенциала страны и обрекает ее на неспособность ответить на вызовы XXI в. Односложного и однозначного решения существующих проблем нет. В отечественной литературе уже есть работы, предлагающие варианты решения практических задач [2].

Справедливости ради заметим, что и развитые экономики озабочены происходящими в мировом хозяйстве изменениями, особенно это беспокоит США. Не случайно аналитики совета экономических консультантов при президенте США в экономическом обзоре американской и мировой экономики отметили, что модель мировой экономики, при которой их страна прежде не только имела наибольший в мире ВВП, но и «генерировала существенные доли мирового спроса» [9, р. 152], уходит в прошлое. Конкуренция усиливает неравномерность развития стран и регионов, меняются лидеры и драйверы экономического роста. Все это влияет на Россию, вызывая турбулентность внешних факторов ее развития.

Однако главные причины нынешнего состояния российской экономики следует искать внутри страны. По историческому совпадению (или по иронии судьбы) начало рыночных реформ совпало с реформированием стран Латинской Америки на основе так называемого Вашингтонского консенсуса [1, 5, 11]. Принципы этого «консенсуса» стали активно внедряться в России, превращая ее экономику в полностью открытую для транснациональных компаний, мировых рынков капиталов и финансов. Под воздействием международной конкуренции уникальность России, в том числе ее промышленность, почти исчезла. Мировым конкурентам было выгодно видеть Россию рынком сбыта своих товаров и услуг и поставщиком минеральных энергетических ресурсов. Для страны этот опыт оказался бесперспективным. Уже через 10 лет реформ, в начале третьего тысячелетия, встал вопрос о возрождении промышленности и восстановлении национального экономического пространства [5]. Однако только экономический кризис 2014 г. вынудил власти по-настоящему заняться решением проблем национального хозяйства.

Первый общий и главный вопрос – может ли существующая модель российской экономики адекватно ответить на вызовы времени? Охарактеризуем российскую модель не столько с теоретической, сколько с практической стороны. Очевидно, что это – модель так называемой смешанной экономики [10], присущей всем современным развитым экономикам; в различных модификациях она представлена и у лидеров развивающихся стран (КНР, Индии, Бразилии). Смешанная экономика предполагает:

- обеспечение функционирования рыночного механизма (конкуренции, ценообразования, различных форм частной собственности и предпринимательства), постоянство «правил игры» (включая налоговый и инвестиционный климат);
- оптимальное соотношение рыночного и нерыночного регулирования – государственного и корпоративного, международного;
- органическое включение частной инициативы и частных интересов в обеспечение национальных, общественных интересов и национальной экономической безопасности в условиях глобализации мирового хозяйства;
- четкое разграничение полномочий и ответственности граждан, бизнеса, государства и общества при реализации экономических и общественных функций.

Даже перечисленные признаки смешанной экономики в российских условиях выглядят своеобразно. Внешне все представляется как «засилье государства», а фактически господствует преклонение перед «невидимой рукой» рынка [7], граничащее

с рыночным фундаментализмом. По уровню приватизации экономики Россия опережает многие страны мира. В 2014 г. доля приватизированных предприятий и организаций в стране достигла 86,2 % [6, с. 317]. Настроить экономику на решение современных задач можно, отказавшись от демонизации государства и фетишизации рынка и используя прагматичный подход, как это сделали передовые страны в трудные периоды своего развития. Если в период мануфактурного капитализма, когда А. Смит описал чудотворную роль «невидимой руки», частные интересы автоматически служили общественным, то в информационной экономике стихийного согласования интересов не происходит. Теперь государство призвано не только защитить право собственности, свободу конкуренции и выбора, но и права потребителей, а также использовать свои полномочия по защите национальных интересов. Подобный механизм оптимизации интересов, задач и целей не может опираться только на рыночные принципы. Догматизм в теории сдерживает ее развитие, нередко превращая ее в реакционную. Догматизм в экономике оправдывается порой опытом и осторожностью, но в конечном итоге он тормозит развитие и экономический рост, убивает инициативу и нацеленность на будущее.

Другой общий вопрос, касающийся системы воспроизводства в российской экономике, имеет много аспектов, поэтому остановимся лишь на наиболее значимых.

Независимо от геополитической обстановки в России возник барьер между финансовой системой и остальной экономикой. Гипертрофированное отношение Банка России и правительственных структур к банкам привело к ситуации, когда банковские кредиты либо недоступны, либо банки не видят перспектив для инвестиций в отечественную экономику. Ход воспроизводства и движения капиталов стал импульсивным, а нередко и судорожным. У банков есть деньги, но бизнес кредиты взять не может. Если у банков сохраняется возможность маневра, то экономика попросту задыхается, и рынок здесь ни при чем.

Воспроизводство экономически объединяет всех производителей товаров и услуг. И здесь во весь рост встает проблема ресурсов – минеральных, производственных, трудовых, технологических, финансовых. Поскольку наиболее мощными ресурсами в России обладает государство, вполне закономерен вопрос – насколько эффективно за прошедшие 25 лет такие ресурсы использовались. Значительную часть государственных финансов поглощает бюджетная сфера, роль которой остается расплывчатой из-за непонятной отдачи от ее деятельности для общества в целом. Государство как гарант рыночной системы берет на себя ответственность не только за поддержание «правил игры», но и за развитие внутреннего рынка и освоение национального экономического пространства.

Национальное воспроизводство – это не только гармония и пропорциональность между производством товаров и услуг, между рынками, отраслями и фазами экономического роста. Это функционирование национального экономического пространства России, которое уникально по своим размерам, геополитическому положению и вызовам, неведомым другим странам. Исторический опыт нашей и других стран показал, что сами по себе рыночные принципы не имеют достаточного потенциала, чтобы сделать национальное экономическое пространство единым и эффективным. Здесь без организующей и стимулирующей роли государства не обойтись. Такой подход практически в равной мере относится ко всем составляющим экономического пространства.

Единое национальное экономическое рыночное пространство страны функционирует при наличии:

- транспортной инфраструктуры, обеспечивающей доступность любой точки территории страны для каждого гражданина и любого бизнеса;
- мобильного рынка труда и доступности жилья, способствующих свободному перемещению рабочей силы различной квалификации;
- энергетической инфраструктуры, оптимизирующей производство и использование различных видов энергоресурсов всеми потребителями;
- финансовой системы, нацеленной на банковское и иное обслуживание;
- информационно-коммуникационной инфраструктуры, минимизирующей транспортные издержки индивида, бизнеса и государства на получение, распространение и использование информации;
- развитого коммунального хозяйства в сельской местности и городах.

Известно, что в развитых странах благодаря усилиям государственных институтов единое пространство давно служит поддержанию высокой конкурентоспособности национальной экономики и уровня жизни населения. В СССР также был единый народнохозяйственный комплекс. Россия имеет самую большую в мире территорию, много часовых поясов и климатических зон. Однако территориальная уникальность России не стала ее преимуществом в конкуренции с другими странами в мировом хозяйстве, ибо единое национальное экономическое пространство не стало реальностью. У государства, как говорится, до этого руки не дошли, а у рынка другие приоритеты – частная выгода в краткосрочном периоде. Единое рыночное пространство необходимо прежде всего для людей, инициатива и предприимчивость которых не заставят себя долго ждать. Не развивая внутренний рынок и внутренний спрос, трудно надеяться на внешние факторы. Обратимся еще раз к опыту КНР, где за последние десятилетия единое пространство стало притягательной и заманчивой базой для иностранных инвестиций. Западный капитал не пугает то, что в Китае рыночный прагматизм сочетается с коммунистической идеологией, ибо государство защищает и интересы бизнеса, и национальные интересы. Очевидно, что развитие единого национального экономического пространства – это есть реализация системного подхода к формированию и совершенствованию национальной экономической модели. У каждой страны свой путь. В рамках современной рыночной и информационной глобализации мировой экономики своего добиваются те страны, которые никого не копируют, мобилизуют внутренние ресурсы и стимулируют внешнее участие. Такой образ вполне подходит и России, у которой «особенная статья».

Третий общий вопрос – как вписывается «рыночная колея» в порождаемые информационной революцией условия экономического и социального развития? Сколько понадобится времени на преодоление отставания, если идти «след в след» за развитыми экономиками? В 2014 г. в России в традиционных отраслях обрабатывающей промышленности не было ни одной, где производственные мощности были загружены полностью [6, с. 362–363], хотя по ряду позиций производство электронного оборудования начало расти. Повышенное внимание к резервам производственных мощностей связано с актуализацией проблемы импортозамещения в 2014–2015 гг. [3]. Поскольку износ основных фондов в обрабатывающих производствах достиг в среднем почти 47 % [6, с. 304], рассчитывать на повышение производительности труда и обновление номенклатуры выпуска не приходится. Правда, информационно-коммуникационные технологии открывают новые возможности, стимулируя инновации и производительность, но по-разному влияя на рынок труда [8].

Информационная революция, способствуя внедрению нового технологического уклада, по-новому ставит проблему роли промышленного производства и материального производства в целом в современном социально-экономическом развитии. России необходимо не просто обновить основной капитал и основные фонды, а стремиться к внедрению новых технологий производства и управления – другими словами, сразу «перепрыгнуть» в новый уклад. Такой «прыжок» требует гигантских усилий от всех участников, он способен создать новое производство для новой экономики. Подобный рывок в индустриальный мир наша страна сделала в первой половине XX в. В XXI в. судьба напоминает о том, что в конкурентном мире побеждает сильнейший, а слабых не замечают и не жалеют. Такая участь не для России. Российская экономика нуждается не только в модернизации, но и в создании новых конкурентоспособных товаров и услуг, способных обеспечить ее экономическую безопасность.

Вместе с тем обеспечение нового индустриального развития происходит не только за счет инвестиций и других ресурсов. Решающим фактором становится *организация* данного комплекса. Вектор такого развития задает государство, которое формирует соответствующий подъем образования, науки, здравоохранения и других сфер, поддерживающих человеческий потенциал России на должном уровне. Если бизнес косвенно, то государство непосредственно несет ответственность за качество жизни граждан и конкурентоспособность российской экономики. Точки роста, фонды, государственные программы и другие институты развития станут эффективными, когда заработают на общую цель при системном решении поставленных временем задач.

XXI век – это время больших перемен. Старые стереотипы и догмы как в теории, так и на практике отступают под натиском реалий, требующих новых концепций и подходов при сохранении фундаментальных человеческих ценностей. Вот почему «рыночная колея» – это путь догоняющего, а не опережающего развития, которое необходимо России.

Список литературы

1. *Ананьин, О.* «Вашингтонский консенсус»: пейзаж после битвы / О. Ананьин, Р. Хаиткулов, Д. Шестаков // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2010. – № 12. – С. 15–27.
2. *Бодрунов, С. Д.* Ресурсные преимущества России как основа высокотехнологичного экономического роста / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России.* – 2014. – № 4 (42). – С. 24–31.
3. *Замараев, Б. А.* Производственные мощности российской промышленности: потенциал импортозамещения и экономического роста / Б. А. Замараев, Т. Н. Маршова // *Вопросы экономики.* – 2015. – № 6. – С. 5–24.
4. *Пороховский, А. А.* Злоупотребление частными интересами / А. А. Пороховский // *Мир перемен.* – 2015. – Специальный выпуск. – С. 86–90.
5. *Потель, К.* Прощай, «Вашингтонский консенсус»: новые перспективы российской промышленности / К. Потель // *США – Канада: экономика, политика, культура.* – 2001. – № 2. – С. 80–93.
6. *Российский статистический ежегодник: 2015.* – М., 2015. – 728 с.
7. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; пер. с англ.; предисл. В. С. Афанасьева. – М.: Эксмо, 2007.

8. *Фомина, В. С.* Информационно-коммуникационные технологии: инновации, производительность, занятость / В. С. Фомина // Проблемы современной экономики. – 2015. – №4.
9. Economic Report of the President. – Washington, D.C. – 2016. – February. – 430 p.
10. *Samuelson, P. A.* Economics / P. A. Samuelson. – 11th ed. – N.Y.: McGraw-Hill, 1980.
11. *Williamson, J.* From Reform Agenda (A short history of the Washington Consensus and suggestions for what to do next) / J. Williamson // Finance & Development. – 2003. – September. – P. 10–13.
12. World Economic Outlook (april 2016). – Washington, D.C., IMF, 2016. – 211 p.

С. Г. Арбузов¹, М. Ю. Головнин²

СТАБИЛИЗАЦИЯ ВАЛЮТНОГО РЫНКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В 2013 г. российская экономика столкнулась с рядом проблем, как носящих внутренний характер, так и связанных с внешними шоками. Следствием этих проблем и дальнейшим их катализатором стала нестабильность на валютном рынке страны, выразившаяся в значительных колебаниях валютного курса и валютных интервенциях Центрального банка для их сдерживания. С января 2013 г. по июль 2015 г. Банк России на чистой основе продал в ходе валютных интервенций 92,6 млрд долларов и 7,5 млрд евро. Несмотря на массивные валютные интервенции, курс рубля к доллару снизился с 1 января 2013 г. по 1 января 2016 г. на 58,3 %, а к евро – на 50 %. При этом произошли важные качественные изменения, связанные с резким усилением неопределенности на валютном рынке, которая негативно отражается на основных макроэкономических показателях.

Давление на валютном рынке усилилось после заявления руководства Федеральной резервной системы (ФРС) США о планируемом сворачивании политики количественного смягчения³ и последующего постепенного сокращения ежемесячных покупок государственных ценных бумаг с октября 2013 г. Россия не была в числе наиболее пострадавших (среди стран с формирующимися рынками) от этого шока, пик воздействия которого на валютный рынок страны пришелся на конец 2013 – начало 2014 г. С мая 2013 г. по январь 2014 г. среднемесячный номинальный эффективный валютный курс рубля снизился на 8,7 %, индийской рупии – на 11,6 %, бразильского реала – на 11,9 %, южноафриканского ранда – на 14,6 %⁴.

Однако с начала 2014 г. давление на валютный рынок России устойчиво возросло, что было связано с серией внешних шоков, усиливающих действие друг друга. В марте 2014 г. падение курса рубля было вызвано политическими событиями на Украине, присоединением Крыма к России и военными действиями на юго-востоке Украины. Воздействие этих факторов было усилено введением с марта 2014 г. в отношении России международных санкций (со стороны США, ЕС и ряда других стран), которые с июля 2014 г. стали носить секторальный характер. Фактически ряду крупнейших российских банков и компаний, находящихся в государственной собственности, был перекрыт доступ на мировые финансовые рынки для получения средне- и долгосрочного

¹ *Сергей Геннадьевич Арбузов*, председатель Ассоциации «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы», и. о. премьер-министра Украины (28.01 – 27.02.2014 г.), председатель Национального банка Украины (декабрь 2010 – декабрь 2012 г.), канд. экон. наук.

² *Михаил Юрьевич Головнин*, первый заместитель директора Института экономики РАН, д-р экон. наук.

³ Первое подобное заявление Б. Бернанке, отразившееся на валютных рынках многих стран, особенно стран с формирующимися рынками, прозвучало 22 мая 2013 г.

⁴ Рассчитано на основе данных Банка международных расчетов (<http://www.bis.org/statistics/eer/index.htm?m=6%7C187>).

финансирования, а цена привлечения финансовых ресурсов для остальных российских экономических агентов, включая государство, существенно выросла [1, с. 10–11].

Дополнительное негативное воздействие на международные потоки капитала, связанные с Россией, оказало резкое снижение цен на нефть в мировой экономике (с конца июня 2014 г. по конец января 2016 г. цена на нефть марки Brent упала на 70,2 %⁵).

В результате действия указанных факторов начался значительный отток капитала из России: вывоз прямых иностранных инвестиций (связанные с ними чистые внешние активы увеличились с последнего квартала 2013 г. по третий квартал 2015 г. на 85,9 млрд долларов); уход с российского рынка портфельных иностранных инвестиций (обязательства по ним сократились за указанный период на 39,5 млрд долларов); покупка наличной иностранной валюты и открытие счетов за рубежом (соответствующие активы только в 2014 г. выросли на 24,5 млрд долларов).

Одной из важных составляющих оттока средств стали выплаты по внешнему долгу, который с начала 2010 г. по середину 2014 г. вырос в 1,6 раза за счет увеличения корпоративного долга (банков и прочих секторов), достигшего почти 660 млрд долларов (около 90 % совокупного внешнего долга). При этом основные выплаты по внешнему долгу приходились на декабрь 2014 г. (30,3 млрд долларов основного долга исходя из оценки на июль 2014 г.).

Кульминацией давления на валютный рынок стало резкое падение курса рубля 17 декабря 2014 г. и дальнейшее его снижение до конца января 2015 г. В результате средний курс рубля к доллару за январь 2015 г. снизился по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. на 45,8 %, а к евро – на 37,0 %⁶. При этом политика ЦБ отличалась непоследовательностью. В периоды наибольшего напряжения на валютном рынке (главным образом в марте и октябре 2014 г.) он выходил на рынок со значительными интервенциями, однако, в целом проводил линию на переход к свободному плаванию курса рубля, который планировалось осуществить с начала 2015 г. На практике ЦБ объявил о переходе к плавающему валютному курсу с 10 ноября 2014 г. Кроме того, на протяжении 2014 г. ЦБ постепенно ужесточал политику, повышая процентные ставки. С февраля по декабрь 2014 г. значение ключевой ставки Банка России повысилось с 5,50 до 17 %.

Результатом подобной динамики валютного курса и политики ЦБ стал рост темпа инфляции, несмотря на сокращение темпов прироста денежной массы и денежной базы в конце 2014 – начале 2015 г. (рис. 1). Одновременно снизилась кредитная активность коммерческих банков: темпы прироста кредитов нефинансовым организациям снижались на протяжении 2015 г. с 36,6 % годовых в январе до 12,7 % в декабре 2015 г.; темпы прироста кредитов физическим лицам стали устойчиво отрицательными с июля 2015 г. [2].

Некоторое восстановление положительной динамики цен на нефть в феврале – апреле 2015 г. и относительная стабилизация ситуации на юго-востоке Украины привели к краткосрочному укреплению курса рубля и создали пространство для смягчения денежно-кредитной политики (к началу августа 2015 г. ключевая ставка была снижена до 11 %). Однако затем последовала серия новых внешних шоков (летом 2015 г. и в начале 2016 г.), ставших реакцией на падение цен на нефть и резкое падение фондо-

⁵ <http://tonto.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=PET&s=RB RTE&f=D>.

⁶ Данные Банка России. (http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/ex_rate_ind_15.htm&pid=svs&sid=analit)

вого рынка Китая. Нестабильность на валютном рынке России не только сохраняется, но и усиливается, из-за того что Центральный банк фактически устраняется от его прямого регулирования (отсутствуют формальные ограничения на трансграничное движение капиталов, с августа 2015 г. не проводятся интервенции на валютном рынке в условиях режима плавающего валютного курса).

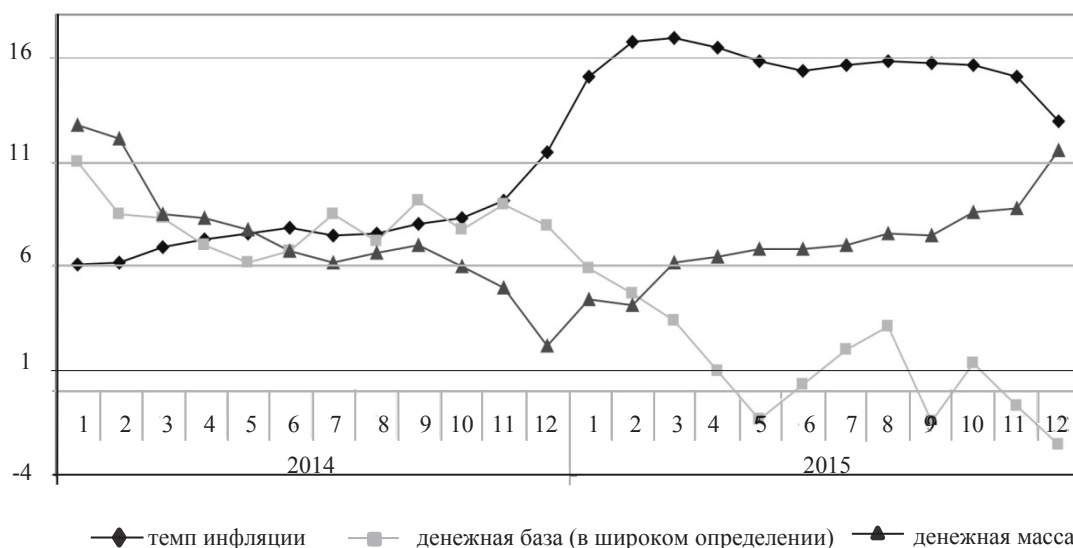

Рис. 1. Темпы инфляции и прирост денежных индикаторов в России в 2014–2015 гг., % к соответствующему месяцу предыдущего года (данные Банка России)

Для более эффективного управления спросом на иностранную валюту и ее предложением внутри страны и недопущения раскачивания спекулятивных ожиданий (как это было, например, на Украине в 2010–2014 гг. или в России в ноябре–декабре 2014 г.) важно отсечь спекулятивный спрос на иностранную валюту прежде всего со стороны населения и бизнеса, не ориентированного на экспортно-импортные операции. Для этого необходимо предложить рынку внутри страны дополнительные способы хеджирования вложений в российских рублях.

К числу таких инструментов относятся:

- 1) выпуск ЦБ РФ и полноценное обращение (с обязательными ежедневными котировками ЦБ РФ) золотых инвестиционных монет;
- 2) выпуск государственных облигаций РФ, индексированных на изменение курса иностранной валюты при погашении;
- 3) выпуск в обращение государственных облигаций РФ, номинированных в иностранной валюте;
- 4) введение отдельных валютных ограничений.

1. **Золотые инвестиционные монеты.** В России существует рынок инвестиционных монет, выпускаемых как ЦБ, так и коммерческими банками, но в условиях значительной нестабильности на валютном рынке требуется его дальнейшее развитие. Для этого необходимо обеспечение котировок таких монет большинством банков наряду с обязательным котированием со стороны ЦБ РФ с установлением регулируемой маржи (в размере 3...5 % от цены Лондонской биржи).

Целью выпуска таких монет является улучшение инвестиционного климата в стране, развитие рынка драгоценных металлов, а также предоставление дополнительных инструментов для сохранения средств инвесторов. Этот банковский продукт является хорошей альтернативой сохранению средств в иностранной валюте и надежным способом сбережения, поскольку драгоценные металлы имеют реальную стоимость. Инвестиционные монеты могут привлечь сбережения той части населения, которая не инвестирует активно средства, а стремится лишь к сохранению их стоимости. Ярким примером такого рода вложений выступают чистые покупки иностранной валюты. Показательно, что с 2011 г. чистые покупки наличной иностранной валюты населением в России держатся на устойчиво высоком уровне. В 2014 г. они составили около 40,2 млрд долларов (рис. 2), достигнув пика за последние 6 лет.

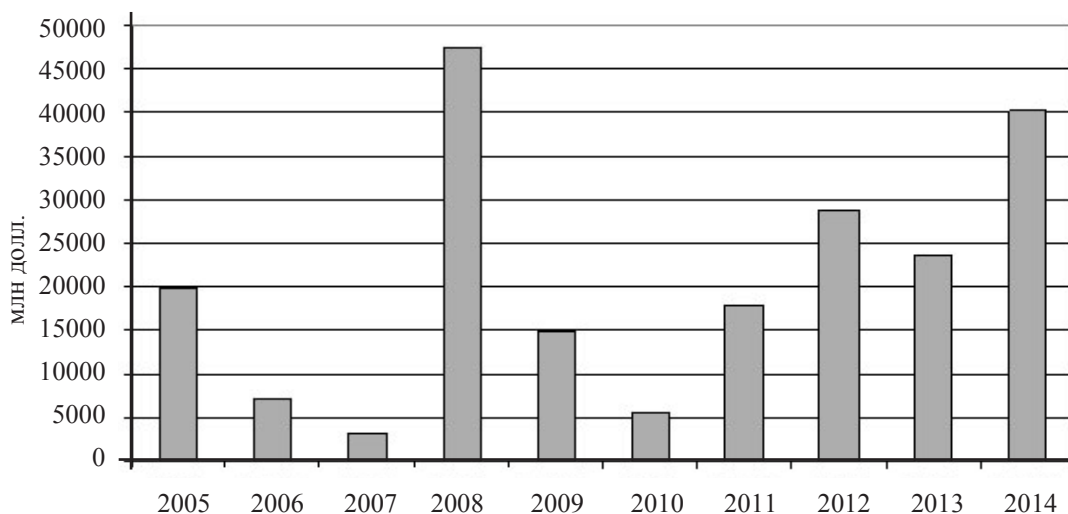

Рис. 2. Чистая покупка наличной иностранной валюты населением в 2005–2014 гг. (расчеты выполнены на основе данных Банка России)

На Украине была создана нормативная база для организации обращения золотых инвестиционных монет, чтобы они в полной мере выполняли функцию средства сбережения: Закон от 9.02.2012 № 4395-VI (предоставил Национальному банку Украины право «осуществлять деятельность, связанную с разведкой, добычей, производством и использованием драгоценных металлов с целью пополнения золотовалютных резервов, изготовления банковских металлов»); постановления Правления НБУ: от 15.11.2011 № 405 «О начале выпуска инвестиционных монет Украины», от 26.12.2011 № 473 и от 08.08.2012 № 328 «О введении в обращение инвестиционных монет Украины».

2. Индексируемые по динамике валютного курса государственные облигации.

Предлагается выпуск в обращение государственных облигаций с индексацией стоимости на дату их погашения в соответствии с изменением средневзвешенного курса рубля к доллару США на межбанковском рынке за календарный месяц, предшествующий месяцу, в котором осуществляется первичное размещение и погашение облигации.

Этот инструмент предоставит институциональным инвесторам и населению возможность инвестировать средства в национальной валюте с защитой от падения ее курса. Использование данного инструмента приведет к снижению спроса на иностранную валюту (как средства инвестирования с целью защиты стоимости капитала), что будет способствовать стабилизации обменного курса рубля и снизит нагрузку на бюджет при погашении таких облигаций. Применение подобных облигаций сопряжено с рисками их обслуживания в странах с устойчивым дефицитом внешней торговли [3, с. 61], в России же внешнеторговое сальдо устойчиво положительное, что снижает возможные риски.

На наш взгляд, данный инструмент крайне актуален для РФ в настоящий момент. Реализация антикризисного плана Правительства и структурная перестройка экономики требуют привлечения дополнительных средств для финансирования бюджетного дефицита. По оценкам, дефицит только федерального бюджета по итогам 2015 г. достиг 2,6 % ВВП.

На Украине данный инструмент был реализован на основании дополнительно принятого законодательного акта – Постановления кабинета министров Украины от 28.09.2011 № 1011. Заметим, что даже МВФ признал полезным «ограниченный выпуск» привязанных к валютному курсу облигаций [4, р. 17].

3. Государственные облигации / казначейские обязательства РФ, номинированные в иностранной валюте. Выпуск этих инструментов позволит предоставить государственную гарантию по процентным инструментам в долларах (что особенно актуально при инвестировании суммы большей, чем покрывается при гарантировании вкладов), а также получить высокую доходность (на уровне стоимости внешних займов) для населения и экономических агентов РФ. Если предыдущие инструменты направлены прежде всего на привлечение рублевых сбережений, то этот инструмент – на привлечение государством средств от экономических агентов, уже вложенных в иностранную валюту. Частично эту функцию выполняют еврооблигации РФ, вложения в которые могут осуществлять резиденты. Однако для выхода на рынок еврооблигаций существует достаточно высокий порог, преодолеть который подавляющее большинство частных инвесторов не может. Кроме того, в условиях санкций выход государства с ценными бумагами, ориентированными на внешние рынки, оказывается затрудненным. Между тем, как показывает опыт кризисов 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг., внутри страны существует значительный спрос на надежные инструменты в иностранной валюте. Соответственно, особое значение приобретает выпуск государственных валютных облигаций для населения и мелких внутренних инвесторов.

На Украине в основу предложения указанных инвестиционных инструментов были положены постановления кабинета министров Украины от 12.12.2011 г. № 1280 и от 5.09.2012 г. № 836. Высокий спрос на указанные инструменты позволил увеличить поступления валюты в резервы НБУ без увеличения внешнего государственного долга. Валютные облигации пользовались спросом даже в условиях катастрофического положения государственных финансов Украины во второй половине 2014 г.

4. Введение отдельных валютных ограничений. Многие исследователи отмечают, что резкое обесценение национальной валюты в конце 2014 г. могло быть смягчено, а его издержки (с точки зрения повышенных ЦБ процентных ставок) снижены при своевременном введении отдельных валютных ограничений на трансграничные операции с капиталом⁷. Несмотря на нынешнюю ситуацию на национальном валют-

⁷ См., например, [5], [6].

ном рынке и периодически возникающие внешние факторы, оказывающие давление на валютный курс (как это было летом 2015 г. или в начале 2016 г.), введение отдельных валютных ограничений остается, на наш взгляд, актуальным.

К числу ограничений, которые могут быть применены в России, относятся:

- требования об обязательной репатриации и частичной обязательной продаже экспортной валютной выручки (норматив обязательной продажи должен зависеть от ситуации на рынке);

- резервные требования на приток иностранного капитала (они действуют, но активной регулирующей функции не несут⁸), а также на отток капитала (регулирование ставок по различным направлениям резервирования должно осуществляться в зависимости от экономической ситуации);

- введение разрешительного порядка вывоза капитала по отдельным видам операций (в кризисной ситуации);

- введение налога на трансграничные финансовые сделки по образцу налога Тобина.

Заметим, что отношение к применению валютных ограничений в мире существенно поменялось после мирового экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг. Появился ряд работ, демонстрирующих возможные позитивные последствия от применения ограничений на трансграничное движение капитала (среди авторов есть исследователи, связанные с Международным валютным фондом). В них выделяются макроэкономические основания для введения валютных ограничений (например, для снижения макроэкономических рисков от резкого обесценения национальной валюты) и макропруденциальные основания (для сдерживания роста заимствований в иностранной валюте)⁹. Так, в работе [9] на основании проведенного исследования для 37 стран с формирующимися рынками сделан вывод, что использование мер по контролю за притоком капитала позволило снизить издержки глобального экономического и финансового кризиса.

Для стабилизации динамики валютного курса могут использоваться и другие меры (нормативы обязательного резервирования по внутренним пассивам в иностранной валюте, регулирование открытой валютной позиции, введение дополнительных норм, ограничивающих рост кредитования в иностранной валюте и др.), относящиеся в большей степени к мерам денежно-кредитной и макропруденциальной политики. Украина, в частности, использовала повышенные резервные требования по депозитам в иностранной валюте и ограничения на открытые валютные позиции банков при потрясениях на валютном рынке в 2011 г. [4, р. 7]. В России повышенные резервные требования для резидентов по обязательствам в иностранной валюте применялись в отдельные периоды до октября 2008 г. с последующим выравниванием с нормативами по обязательствам в национальной валюте.

Валютные ограничения, наряду с рядом мер макропруденциальной политики, направленных на ограничение спекулятивного движения капитала, могут использоваться как инструмент дедолларизации российской экономики.

⁸ Резервные требования для банков по обязательствам перед юридическими лицами-нерезидентами (в национальной и иностранной валюте) на 1 процентный пункт превышали резервные требования по обязательствам перед резидентами с февраля 2011 по февраль 2013 г. После выравнивания они составляют 4,25 %.

⁹ См., например, [7, р. 6–7; 8, р. 10].

Совокупность перечисленных инструментов призвана повысить экономическую безопасность России на современном этапе путем сокращения сбережений населения в иностранной валюте, их перевода из неорганизованной (наличная иностранная валюта) в организованную (государственные ценные бумаги) форму; привлечения бюджетом дополнительного финансирования в условиях необходимости осуществления расходов по активизации экономики, улучшения показателей внешней ликвидности России (за счет наращивания товарных резервов), активизации новых механизмов денежно-кредитной политики, направленных на поддержку экономики.

Смена режима денежно-кредитной политики в России, связанная с переходом с ноября 2014 г. к плавающему валютному курсу, а с 2015 г. – к режиму инфляционного таргетирования, произошла, когда экономика страны была к этому не готова. Кризис на валютном рынке в конце 2014 г. и последующее раскручивание инфляционной спирали в очередной раз подтвердили важную роль валютного курса при принятии решений и формировании ожиданий экономических агентов. Дальнейшее совершенствование денежно-кредитной политики возможно, если Центральный банк вернется к регулированию валютного курса и обеспечению его плавной динамики (о явном таргетировании валютного курса в современных условиях говорить вряд ли возможно). Предложенные выше меры позволят экономическим агентам постепенно приспособиться к большим колебаниям валютного курса, а введение отдельных ограничений на трансграничное движение капитала расширит пространство для маневра денежно-кредитной политики.

Список литературы

1. Доклад о денежно-кредитной политике. – 2014. – Декабрь. – М.: Банк России, 2014.
2. Обзор банковского сектора Российской Федерации (интернет-версия). – 2016. – Февраль (http://cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1602.pdf).
3. Ульянецкий, М. М. Проблема выбора метода индексирования государственных облигаций / М. М. Ульянецкий // Проблемы прогнозирования. – 2008. – №6.
4. Ukraine 2012 Article IV Consultation. IMF Country Report № 12/315. – 2012. – November.
5. Некипелов, А. Д. О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития / А. Д. Некипелов // Журнал новой экономической ассоциации. – 2015. – №2 (26).
6. Гринберг, Р. С. Из кризиса не выйти без смены модели экономической политики (интервью) / Р. С. Гринберг // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – №1.
7. Chowdhury, I. Managing Large-Scale Capital Inflows: The Case of Czech Republic, Poland and Romania / I. Chowdhury, L. Keller // IMF Working Paper. – 2012. – № 138.
8. Blundell-Wignall, A. Macro-prudential policy, bank systemic risk and capital controls / A. Blundell-Wignall, C. Roulet // OECD Journal: Financial Market Trends. – 2013. – Vol. 2.
9. Capital Inflows: The Role of Controls / J. D. Ostry, A. R. Ghosh, K. Habermeier, M. Chamon, M. S. Qureshi, D. B. S. Reinhardt // IMF Staff Position Note. – 2010. – № 04. – February 19 (www.imf.org/external/pubs/ft/spn/2010/spn1004.pdf).

А. А. Горшков¹

**НЕРАВЕНСТВО В РАСПОЛАГАЕМЫХ ДОХОДАХ
И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАН ОЭСР**

Усиление неравенства как в развитых, так и в развивающихся странах на современном этапе экономического развития становится предметом широкой общественной дискуссии. Не прекращаются академические споры об основных причинах разворота в динамике неравенства (основное внимание уделяется влиянию глобализации, финансовой глобализации, технологическим и институциональным трансформациям эпохи) и возможных последствиях сложившейся ситуации для долгосрочного развития.

И хотя проблема стала общемировой, уровень неравенства в распределении доходов сильно различается как между развитыми и развивающимися странами, так и внутри этих групп. Среди развитых стран есть свои «полюсы» государств с низким и высоким неравенством, которые оставались относительно устойчивыми даже в условиях радикальных экономических перемен. При рассмотрении ситуации в более широком контексте, включающем развивающиеся страны, различия между развитыми странами в ряде случаев оказываются не столь значительными. В обоих случаях возникает вопрос о факторах, определяющих различия.

В последние полтора десятилетия появились определенные достижения в области международной статистики распределения доходов [1]. Новые возможности для исследования неравенства и бедности открыло появление многочисленных источников сопоставимых (гармонизированных) данных по распределению доходов и богатства. Благодаря расширениям таких баз данных, как LIS (Luxembourg income study) и OECD Database, исследователям доступны данные для анализа распределения доходов и богатства по отдельным странам за 40 лет. Исследовательская группа ОЭСР [3] выполнила серию исследований [4, 5], которые могут служить примером пионерных работ в области анализа современных трендов неравенства в распределении доходов по сопоставимым данным за период.

В рамках данного исследования анализируется современная картина неравенства в доходах домохозяйств (как располагаемых, так и первичных) по выборке стран ОЭСР по доступным сопоставимым данным. И хотя, с точки зрения как населения стран, так и политэкономов, главную роль играет неравенство в располагаемых доходах домохозяйств, анализ неравенства на более ранних ступенях формирования дохода представляется теоретически важным. Сопоставление значений показателей неравенства в располагаемых и первичных доходах может пролить свет на важные теоретические и практические вопросы. Различия в уровнях неравенства в располагаемых доходах являются следствием ряда факторов, отражающих различия в действии рыночных сил и государственной политики. Особый интерес представляет анализ зависимости

¹ *Андрей Андреевич Горшков*, младший научный сотрудник лаборатории по изучению рыночной экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

различий в уровнях неравенства в располагаемых доходах между странами от различий в перераспределении доходов. Сравнительный анализ показателей неравенства в первичных и располагаемых доходах поможет лучше понять роль факторов перераспределения и факторов, определяющих первичные доходы, в формировании современной картины неравенства.

Современный уровень неравенства в доходах домохозяйств в странах ОЭСР

Распределение располагаемых доходов домохозяйств представляет собой результат сложного многоступенчатого процесса формирования дохода – от рыночных индивидуальных доходов и создания домохозяйств до перераспределения посредством системы налогов и трансфертов. В открытых статистических источниках (таких, как база данных ОЭСР или Люксембургского исследования доходов) доступен целый набор показателей неравенства в располагаемых доходах, обобщающих данные обо всем распределении (коэффициент Джини) и об отдельных сегментах распределения (децильный и фондовый коэффициенты).

Используем данные ОЭСР по 35 странам, среди которых 33 по классификации Мирового банка относятся к категории стран с высоким доходом (high-income economies). Это страны, ВНД которых на 2016-й фискальный год составляет не менее 12736 долларов. Данная группа достаточно разнородна, в нее входят 32 страны, являющиеся членами ОЭСР, с высоким уровнем дохода. Турция и Мексика – члены ОЭСР – не принадлежат к экономикам с высоким уровнем дохода, а Россия является страной с высоким уровнем дохода, но она не член ОЭСР, тем не менее в базе данных доступны некоторые современные данные по России. Проранжируем страны по коэффициенту Джини по располагаемым доходам (рис. 1).

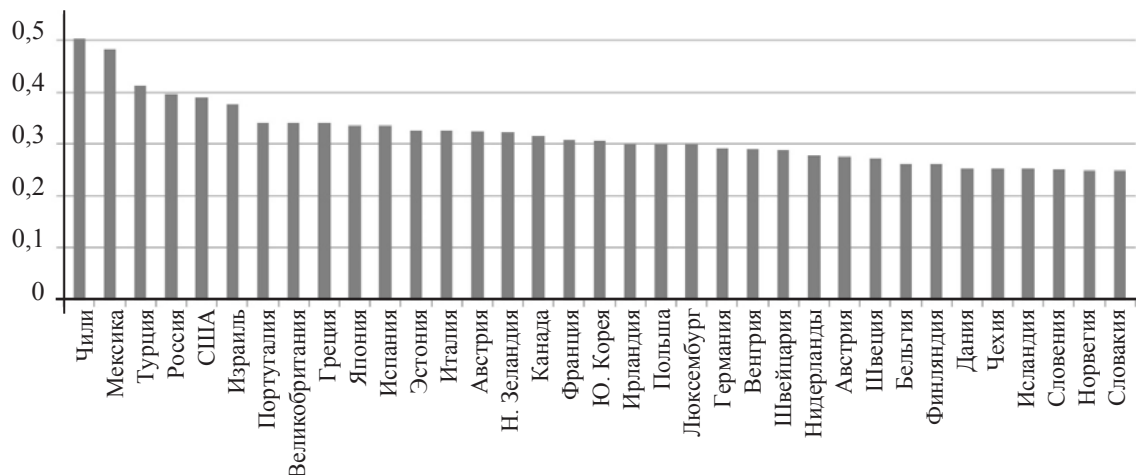

Рис. 1. Коэффициент Джини (располагаемые доходы)²
(для большей части стран – данные 2012 г.; Венгрия, Дания, Исландия, Канада, Новая Зеландия, Португалия, Россия, Турция, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция – 2011 г.; Великобритания – 2010 г.; Южная Корея и Япония – 2009 г.)

² Рис. 1–3 построены автором на основе OECD.stat (23.07.2015).

Среди развитых экономик в лидерах списка – США, Израиль и Великобритания, страны юга Европы (Португалия, Греция, Испания, Италия) и Япония. Скандинавские страны, Австрия, Швейцария и страны Бенилюкса (Бельгия, Люксембург и Нидерланды) представляют группу с наиболее равномерным распределением доходов. Остальные англоговорящие страны (Австралия, Новая Зеландия, Канада, Ирландия), страны континентальной Европы (Франция, Германия) и Южная Корея располагаются в середине списка, а страны Восточной Европы оказываются распределенными по всему списку. Среди стран с наиболее равномерным распределением дохода – Чехия, Словения и Словакия, в середине списка – Польша, вверху – Эстония. Россия оказывается выше даже США и Израиля, уступая лишь Чили, Мексике и Турции, где две первые имеют большой отрыв от основной выборки.

Использование других агрегированных показателей неравенства приводит к сходным результатам (ранговый коэффициент корреляции Спирмена для всех трех показателей превышает 0,95). Ранжирование стран из базы данных ОЭСР по децильному (рис. 2, а) и фондовому (рис. 2, б) коэффициентам показывает, что в целом относительное расположение групп стран сохраняется. Наименьшие значения показателей – у некоторых стран Восточной Европы, отличающихся низким уровнем неравенства в доходах (Словения, Словакия, Чехия, Венгрия) и Скандинавских стран (Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия). Ниже средних значений показатель в странах Бенилюкса, Австрии, Германии, Франции и Швейцарии. Выше средних значений располагаются некоторые англоговорящие страны (Канада, Великобритания, США), южно-европейские (Греция, Испания, Италия, Португалия) и азиатские (Япония, Южная Корея). Наибольшие значения показателя среди развитых стран имеют США и Израиль. Отдельные страны сильно перемещаются в списках. Например, Великобритания и Португалия и по децильному, и по фондовому коэффициенту перемещаются из верхней части списка ближе к его середине, а Южная Корея, напротив, – из середины в верхнюю часть.

Сходство в ранжировании стран по этим показателям не означает единого относительного разнообразия в уровнях неравенства, измеряемых разными показателями. Используя коэффициент вариации как способ измерения относительного разнообразия уровней среди стран, можно сказать, что наименьший относительный разброс показывает коэффициент Джини: в среднем страны отличаются на 19 % от среднего значения по выборке. По децильному коэффициенту разница – 35 %, а по фондовому – 56 %.

Россия уступает США по фондовому и децильному коэффициентам, имея при этом показатели, сильно превышающие средние значения для стран ОЭСР, больше всего по коэффициенту Джини – на 1,3 стандартных отклонения (т. е. 8 п. п.). Однако наиболее ярко выражены отличия от основной массы стран ОЭСР у Мексики и Чили. Если средние значения по выборке децильного коэффициента и коэффициента фондов составляют 4,4 и 9,7 соответственно, для России – 6 и 12,9, то для Мексики – 10 и 30,5.

Распределение доходов является продуктом взаимодействия рыночных механизмов и перераспределительных систем (государственных и частных), при этом последние влияют на неравенство как в располагаемых доходах, так и в первичных (доходах до налогов и трансфертов). Взаимосвязь между этими видами неравенства носит сложный немеханический характер. Перераспределительные механизмы, как правило, уменьшают уровень неравенства, но страны сильно различаются как по уровню неравенства в первичных доходах, так и по эффективности перераспределения.

Уровень неравенства в первичных доходах во всех странах выше уровня неравенства в располагаемых доходах. Средние коэффициенты Джини по выборке равны 0,313

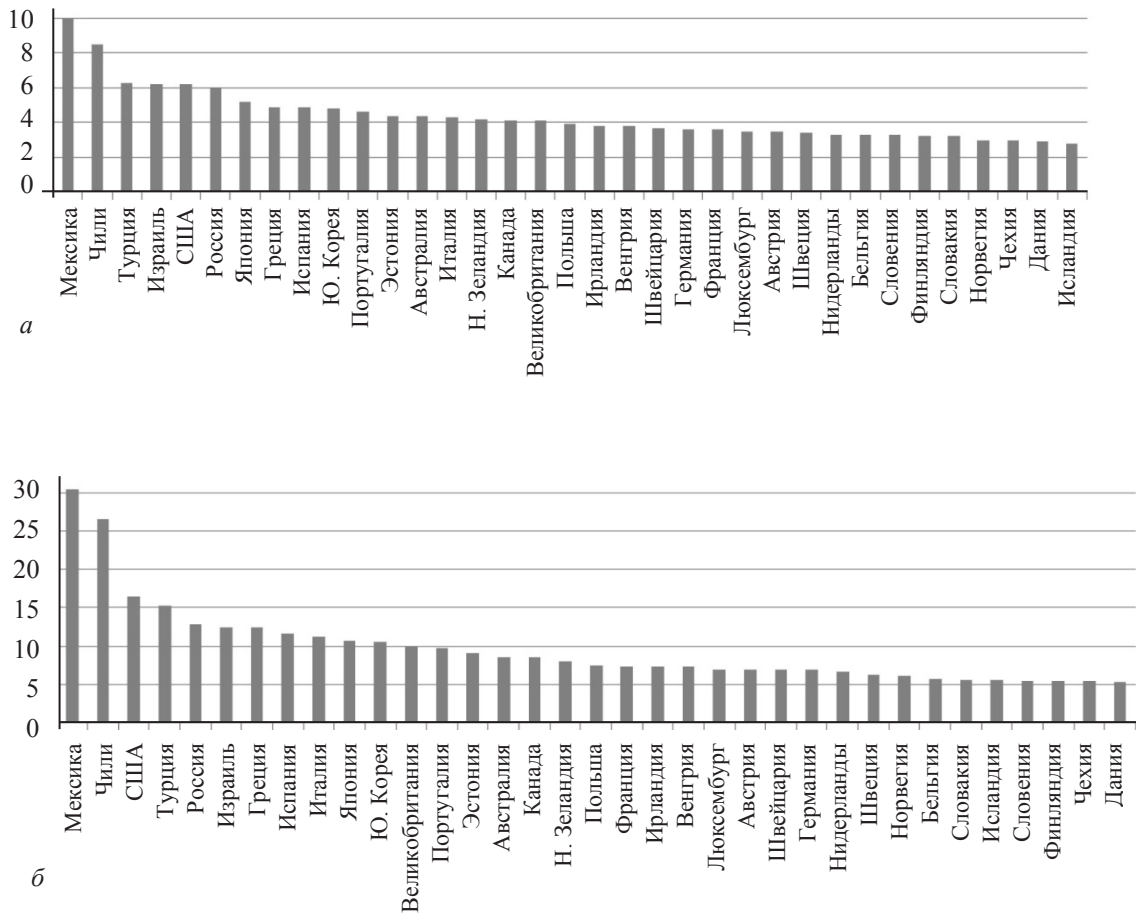

Рис. 2. Ранжирование стран по децильному коэффициенту (располагаемые доходы) (а) и коэффициенту фондов (располагаемые доходы) (б) (данные по Великобритании, Германии, Дании, Израилю, Исландии, Н. Зеландии, Норвегии, Португалии, Турции, Франции, Чехии, Чили, Швейцарии, Швеции – 2011 г.; Канаде и России – 2010 г.; Ю. Корее и Японии – 2009 г.; по остальным странам – 2012 г.)

и 0,475 соответственно. Отметим, что страны заметно более однородны по уровню неравенства в первичных доходах, чем в располагаемых. Коэффициент вариации показателя для неравенства в располагаемых доходах составляет 0,176, а в первичных – 0,107. Это может свидетельствовать о том, что различия в распределении доходов между странами в значительной степени являются продуктом перераспределительной деятельности национальных государств, в то время как влияние прочих факторов в разных странах похоже.

Картина ранжирования стран по уровню неравенства в доходах до налогов и трансфертов сильно отличается от картины ранжирования по неравенству в распола-

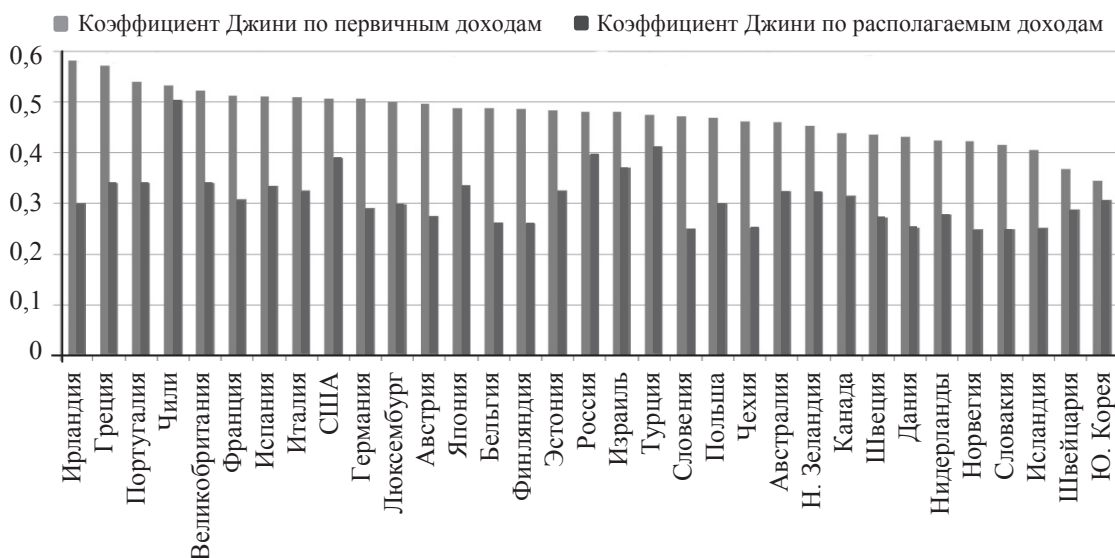

Рис. 3. Данные по коэффициентам Джини (данные по первичным доходам для Германии, Дании, Израиля, Исландии, Канады, Новой Зеландии, Норвегии, Португалии, Турции, Франции, Чехии, Чили – 2011 г.; Великобритании и России – 2010 г.; Ю. Кореи и Японии – 2009 г.; для остальных стран – 2012 г.)

гаемых доходах (см. рис. 3). США уступает по уровню неравенства в рыночных доходах некоторым англоязычным странам (Ирландии и Великобритании), странам Южной Европы (Греции, Испании, Португалии) и даже Франции. Израиль, Россия и Турция оказываются в середине списка: неравенство в первичных доходах в этих странах ниже, чем, например, в Финляндии. Скандинавские страны и страны Бенилюкса также теряют однозначное лидерство в списке стран с наименьшим уровнем неравенства. Наименьшее неравенство в первичных доходах показывает Ю. Корея, а наиболее высокий показатель неравенства наблюдается в Ирландии, Греции и Португалии. Столь сильные различия говорят об огромной роли факторов перераспределения в формировании узнаваемых различий между странами по уровню неравенства.

Разницу между уровнями неравенства в располагаемых и первичных (рыночных) доходах можно использовать как показатель эффективности перераспределения доходов, указывающий, насколько сильно государственная перераспределительная политика изменяет картину неравенства в стране. Данный показатель имеет, однако, свои ограничения и является косвенным «инструментом» измерения. Прежде всего, различия в показателях неравенства в первичных и располагаемых доходах могут отражать лишь прямое влияние перераспределения, без учета косвенного воздействия, выражающегося во влиянии государственной политики перераспределения на систему экономических стимулов, отраженных в первичных доходах. Далее, государственная политика влияет на неравенство не только с помощью налогов и трансфертов, поэтому показатель может отражать лишь деятельность по непосредственному перераспределению (без учета косвенного перераспределительного воздействия государственной поли-

тики на неравенство, являющегося «побочным» эффектом прямого перераспределения и пр.). Само по себе косвенное воздействие при этом неопределенно как по знаку, так и по силе влияния на неравенство в первичных доходах.

Во-первых, многие инструменты политики, сильно снижающие неравенство, могут отражаться на неравенстве в первичных доходах. Яркий пример – государственная образовательная политика. Повышение доступности образования само по себе не носит форму прямого перераспределения и не отражается на снижении уровня неравенства после распределения, однако может сильно снижать неравенство в первичных доходах. Налогообложение (кроме подоходных налогов) в его косвенных формах также оказывает влияние на неравенство в первичных доходах. Даже многие инструменты политики государства на рынке труда, имеющие особое значение для изучения современного неравенства (политика в области коллективных переговоров, регулирование минимальных заработных плат, миграционная политика), сказываются именно на неравенстве в первичных доходах.

Во-вторых (что на первый взгляд менее очевидно), некоторые государственные усилия, направленные, в том числе, на снижение неравенства в располагаемых доходах, вполне могут производить косвенный эффект, заключающийся в повышении неравенства в первичных доходах. Целую группу подобных механизмов можно наблюдать в связи с работой пенсионной системы. Данные эффекты могут быть отчасти учтены, если изучить разницу коэффициентов Джини по доходам не всего населения, а лишь людей трудоспособного возраста. Подобная корректировка, однако, не приводит к сильным изменениям результатов [2]. Если, например, системы социальной защиты побуждают индивидов выходить на пенсию раньше, то это может привести к нетривиальному повышательному эффекту роста неравенства в первичных доходах за счет увеличения количества людей с нулевым или близким к нему первичным доходом. В результате роста пенсий потенциально меньшее число пенсионеров может делить домохозяйство со своими детьми, создавая отдельные домохозяйства с более низким уровнем дохода.

Данный эффект может зависеть от статистической методологии, предполагающей учет эффектов масштаба домохозяйств (выравнивающая шкала). Совокупный доход домохозяйства делится не на количество его членов, а на величину, растущую на меньшее значение с каждым дополнительным членом домохозяйств (по методологии ОЭСР доход домохозяйства делится на квадратный корень из количества членов домохозяйств). Выделение индивида с низким уровнем дохода из домохозяйства, во-первых, снижает эффект от выравнивания доходов между членами домохозяйства; во-вторых, снижает сам доход выделившегося члена за счет эффектов масштаба. Государственная политика на рынке труда формально также может приводить к повышению неравенства в первичных доходах. Если, например, система трансфертов замещает частные трудовые доходы у определенных категорий рабочих (пособия по безработице, при утрате трудоспособности, по уходу за ребенком), то это искусственно создает группы населения с низкими (или нулевыми) первичными доходами, завышая тем самым первичное неравенство. Если в связи с государственной политикой преобладают эффекты первого рода, то различие между коэффициентами Джини занижает влияние государства на неравенство; если второго, – завышает. Чтобы выяснить, какой случай имеет место, необходимо отдельное исследование.

Из представленных данных видно, что страны различаются по непосредственному (прямому) влиянию государственных перераспределительных механизмов

на уровень неравенства в располагаемых доходах. В качестве косвенного показателя этого непосредственного перераспределения (далее – коэффициент перераспределения) можно использовать процентное сокращение коэффициента Джини после распределения. В представленных 33 странах из базы данных ОЭСР коэффициент Джини после распределения сокращается в среднем на 33,7 %. Страны Бенилюкса, Скандинавские и некоторые страны Восточной Европы (Словакия, Словения, Чехия) достигают низких показателей неравенства в располагаемых доходах за счет коэффициента перераспределения выше среднего (в среднем 42 %). США и Израиль имеют коэффициент перераспределения ниже среднего (около 23 %) для развитых стран и показывают высокий уровень неравенства в располагаемых доходах. В общем случае статистически верно следующее: чем выше коэффициент перераспределения, тем ниже уровень неравенства в располагаемых доходах (коэффициент корреляции Пирсона – 0,77).

Отметим, что низкий коэффициент перераспределения не означает автоматически высокий уровень неравенства в располагаемых доходах. Яркими примерами стран, в которых коэффициенты Джини по располагаемым и первичным доходам различаются относительно слабо и при этом являются низкими относительно других стран, являются Швейцария и Ю. Корея. Верно также, что высокий коэффициент перераспределения не обязательно обеспечивает попадание в число стран с наименьшим уровнем неравенства в располагаемых доходах. Ирландия принадлежит к числу стран со средним уровнем неравенства в располагаемых доходах, являясь в то же время «лидером» по уровню неравенства в первичных доходах. В целом, наблюдается слабая статистическая связь между неравенством в первичных доходах и коэффициентом перераспределения (коэффициент корреляции равен примерно 0,25).

Таким образом, основываясь на простом пространственном сравнении, можно сказать: чем выше коэффициент перераспределения, тем ниже конечное неравенство, но высокое первичное неравенство слабо влияет на величину коэффициента перераспределения. Эта закономерность – обратная сторона различий в уровне разброса стран по двум видам неравенства.

Россия в данном контексте отличается низким влиянием перераспределения; коэффициент – 17,7 %, что почти вдвое ниже среднего уровня для стран ОЭСР, но выше, чем в Чили (5,5 %) или Турции (13,1 %). Значение коэффициента перераспределения для России чуть ближе к значению для Чили, чем к среднему значению.

Если бы значение коэффициента перераспределения для России равнялось среднему по выборке стран ОЭСР, то коэффициент Джини по располагаемым доходам был бы едва выше среднего – 0,319. Это верно и для Турции (0,314). Финляндия, например, напротив, при среднем коэффициенте перераспределения имела бы коэффициент Джини выше среднего (0,322). Данное рассуждение иллюстрирует важность вклада перераспределительных различий в высокий уровень неравенства в располагаемых доходах, но не является умозаключением относительно возможных эффектов от изменения перераспределительной политики.

Выводы

1. Несмотря на имеющиеся различия все три показателя неравенства в располагаемых доходах домохозяйств показывают сходную картину различий между странами. Среди групп развитых стран в «полусе» наибольшего неравенства находятся США и Израиль, далее в верхней части располагаются прочие англоговорящие страны, страны Южной Европы, Япония и Ю. Корея. В нижней части списка следуют страны

севера и запада Европы: Франция, Германия, Австрия, Швейцария, страны Бенилюкса. Скандинавские страны образуют традиционный «полюс» низкого неравенства. Страны Восточной Европы оказываются распределенными по всему списку, отчасти разделяя нижний «полюс» со Скандинавскими странами. Мексика и Чили являются безусловными «лидерами» в общем списке с сильным отрывом от остальной его части. Россия и Турция делят следующие за ними места вместе с Израилем и США.

2. Данные по неравенству в первичных доходах домохозяйств показывают радикально отличающуюся картину. Уровень неравенства во всех странах после распределения оказывается ниже. Неравенство в располагаемых доходах, измеряемое коэффициентом Джини, в среднем на треть ниже уровня неравенства в первичных доходах. Распределение стран по неравенству в первичных доходах значительно более однородно, чем по неравенству в располагаемых доходах. Ранжирование стран по уровню неравенства в первичных доходах не имеет почти ничего общего с ранжированием по располагаемым доходам.

3. Страны ОЭСР сильно различаются по коэффициенту перераспределения (процентному снижению коэффициента Джини после перераспределения). В странах с более высоким коэффициентом перераспределения неравенство в располагаемых доходах ниже. Исключение составляют Швейцария и Ю. Корея, имеющие маленький разрыв между показателями. Однако нельзя сказать, что страны с высоким первичным неравенством компенсируют его заметно большим коэффициентом перераспределения. Это особенно важно в случае стран «лидеров» по уровню неравенства домохозяйств в располагаемых доходах. Такие страны, как Россия и Финляндия, имеют уровень неравенства в первичных доходах, слабо отличающийся от средних значений по ОЭСР (у России он даже ниже), однако оказываются в разных концах списка по уровню неравенства в располагаемых доходах. Перераспределение дохода играет определяющую роль в формировании различий между странами в уровнях неравенства в располагаемых доходах домохозяйств.

Список литературы

1. *Atkinson, A. B.* Introduction: Income Distribution Today / A. B. Atkinson, F. Bourguignon (eds) *Handbook of Income Distribution*. – Vol. 2. – Elsevier, 2015.
2. *Morelli, S.* Post-1970 Trends in Within-Country Inequality and Poverty: Rich and Middle-Income Countries / S. Morelli, T. Smeeding, J. Thompson // A. B. Atkinson and F. Bourguignon (eds) *Handbook of Income Distribution*. – Vol. 2. – Elsevier, 2015.
3. OECD. *Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD Countries*. – Paris: OECD Publishing, 2008.
4. OECD. *Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising*. – Paris: OECD Publishing, 2011.
5. OECD. *Crisis Squeezes Income Puts Pressure on Inequality and Poverty*. – Paris: OECD Publishing, 2013.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

А. Я. Линьков¹

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО КЛИМАТА В РОССИИ

Важнейшей предпосылкой выхода России из кризиса является осуществление изменений, направленных на развертывание инициативы бизнеса в поисках новых источников инвестиций и потребительских ниш. В решении этих вопросов огромное значение имеет улучшение качества предпринимательского климата как совокупности многообразных предпосылок (микро- и макроэкономических, институциональных, правовых и др.), складывающихся на рынках и создаваемых государством для эффективного ведения предпринимательской деятельности и формирования у предпринимателей стимулов к развитию бизнеса.

Широкий спектр показателей, оценивающих качество предпринимательского климата, был задан указом Президента РФ от 10 сентября 2012 г. № 1276 [1], утвердившим Перечень направлений для оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности, и Указом Президента РФ от 7 апреля 2014 г. № 21 [2], дополнившим этот перечень.

Мониторинг качества предпринимательского климата в нашей стране проводится многими российскими организациями, представляющими бизнес (РСПП, ТПП, «Деловая Россия», объединение «Опора России» и др.). Они оценивают текущие условия ведения предпринимательской деятельности, возможности создания нового бизнеса, качество нормативно-правовой базы и административного климата, обеспечение защиты собственности, качество противодействия коррупции и пр.

Так, в [3] опубликованы результаты опроса 1200 владельцев и топ-менеджеров крупных, средних и малых компаний трех макроотраслей российской экономики (промышленность и строительство, транспорт и связь, сфера обслуживания и торговля) в 40 субъектах РФ по поводу качества предпринимательского климата. В [4] приведены оценки качества предпринимательского климата по результатам опроса руководителей более 1000 промышленных предприятий добывающей, обрабатывающей промышленности, а также предприятий, производящих и распределяющих электро-

¹ *Алексей Яковлевич Линьков*, заместитель директора Института экономики и управления Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, канд. экон. наук, профессор.

энергию, газ и воду. Расширенный доклад «О состоянии делового климата в России в 2014 г.» представлен Российским союзом промышленников и предпринимателей [5]. Качество регуляторной среды, инфраструктуры и ресурсов, уровень поддержки малого предпринимательства оценивается Агентством стратегических инициатив [6]. Индекс условий для развития малого и среднего бизнеса в секторе обрабатывающих производств (Индекс Опоры RSBI) разработан Общественной организацией «Опора России» совместно с Промсвязьбанком [7].

Оценки качества предпринимательского климата, осуществляемые российскими предпринимателями и их организациями, в значительной степени базируются на изменениях таких показателей, как объемы продаж, величина прибыли и рентабельности бизнеса, цены реализации продукции, ее себестоимость, качество персонала, состояние клиентской базы, доступность финансирования, баланс запасов, инвестиции. Однако, чтобы обеспечить полноту и комплексность оценок качества предпринимательского климата в России и возможности для проведения межстрановых сопоставлений, важно анализировать и показатели, публикуемые международными организациями и представляющие широкий набор оценок предпринимательского климата, включая его институциональные, правовые и другие характеристики. Отметим, что процедуры, используемые этими организациями при составлении рейтинговых оценок предпринимательского климата стран, стандартны и не всегда адекватно и в полной мере отражают национальные особенности ведения бизнеса и его регулирования. Тем не менее, при отсутствии общепризнанных национальных методик измерения показателей многие показатели предпринимательского климата, формируемые за рубежом, признаются в нашей стране достаточно авторитетными.

Издаваемый группой Всемирного банка ежегодник «Doing Business», как и многие российские источники, оценивает предпринимательский климат стран преимущественно на основе показателей микроуровня, в значительной степени абстрагируясь от показателей макроэкономической стабильности, емкости национальных рынков, состояния финансовых систем стран, правовых условий ведения бизнеса и пр. В то же время в приводимых ежегодником индикаторах предпринимательского климата сделан акцент на оценку качества институциональной среды и регулятивных процедур. В ежегоднике ДБ-2016 [8] Россия поднялась на 51-е место против 62-го места в 2015 г. [9] и 120-го места в 2009 г. Анализируя динамику показателей, приводимых ежегодником, можно сделать вывод, что успехи по целому ряду направлений достигнуты благодаря проводимым в России институциональным и структурным реформам.

Так, Россия значительно улучшила свои позиции по качеству регулятивных процедур, заняв следующие места (из 189 стран): получение разрешения на строительство – 119-е (156-е в 2015 г.), доступ к источнику электроэнергии – 29-е (143-е в 2015 г.), регистрация собственности – 8-е (12-е в 2015 г.). Улучшились оценки показателей качества институциональной среды, обеспечивающей сопровождение бизнеса: доступ к кредитным ресурсам – 42-е место (61-е в 2015 г.), защита миноритарных инвесторов – 66-е место (100-е в 2015 г.) [8, p. 213; 9, p. 229] и др.

Вместе с тем по ряду показателей, приводимых в [8, 9], ситуация в России ухудшилась. Так, по показателю «легкость открытия бизнеса» у России 41-е место (34-е место в 2015 г.). В большой степени негативные оценки качества предпринимательского климата относятся к участию во внешнеторговой деятельности – 170-е место (155-е в 2015 г.). Действительно, значительно выросли время оформления грузов (43 часа против 5 часов в странах ОЭСР) и стоимость этой процедуры на таможне

(500 долларов против 36 долларов в ОЭСР), а также стоимость оформления таможенного контроля (1125 долларов). Расхождения российских и международных данных об экспорте и импорте России составляют 20 %, в то время как в мире в целом, по данным МВФ, – 2 %. Так, расхождения данных при экспорте из России и импорте странами-покупателями руды составляют 19 %, удобрений – 15 %, каучука – 10 %, металлов – 125 %, газа – 439 % по объему и 530 % по стоимости. Расхождения данных при импорте из России и экспорте из стран-поставщиков сахара – составляют 90 %, одежды – 70 %, обуви – 25 %, текстиля – 100 %, кожи и драгоценных металлов – от 30 до 50 % [10]. С учетом того, что таможенные сборы обеспечили в первом полугодии 2015 г. 35 % доходов федерального бюджета (2,3 трлн рублей), потери от недобросовестного декларирования чрезвычайно велики.

Из-за падения внутреннего спроса возможность сбыта товаров за границей приобретает для российских предпринимателей первостепенное значение. В то же время в условиях санкций важен поиск зарубежных партнеров для поставки оборудования и сырья, поэтому качество институциональной среды при участии страны в международной торговле требует более подробного рассмотрения.

В ежегоднике [11] на материалах 132 стран исследованы уровень администрирования в таможенной сфере и обеспечения безопасности сделок, качество транспортной инфраструктуры и инфраструктуры связи во внешнеэкономической деятельности. В целом, по индексу возможностей международной торговли в 2012 г. Россия занимала 112-е место (в 2010 г. – 114-е) при лидерстве Сингапура, Гонконга, Дании и Швеции; по субиндексу «доступ к иностранным рынкам» – 129-е место (в том числе по уровню ставок пошлин – 100-е, нетарифных инструментов – 59-е, сложности системы сбора таможенных пошлин – 102-е); по субиндексу «эффективность таможенного администрирования» у России 111-е место, в том числе по бремени таможенных процедур – 127-е, по эффективности экспортно-импортных процедур – 114-е (по количеству дней для оформления импорта – 114-е, количеству документации для импорта – 121-е, количеству дней для оформления экспорта – 117-е, количеству документации для экспорта – 95-е).

По субиндексу «качество институциональной среды» у России 113-е место, в том числе по защищенности прав собственности – 121-е, уровню коррупции и соблюдению этики – 100-е, уровню внутренней конкуренции – 113-е, эффективности финансового рынка – 103-е, легкости найма иностранных работников – 117-е, наличию возможности финансировать внешнюю торговлю – 111-е, по показателю физической безопасности для бизнеса в этой области – 107-е место. Наиболее проблемными факторами в экспорте респонденты называют низкое качество используемой технологии и рабочей силы, трудности соблюдения зарубежных технических требований и стандартов; в импорте – уровень тарифных и нетарифных барьеров, время импортных процедур и коррупцию на границе [11, р. 3].

Весьма полное представление о качестве институционального окружения бизнеса и регулятивных процедур дает Доклад о глобальной конкурентоспособности стран Всемирного экономического форума [12]. Оценка стран по различным составляющим предпринимательского климата осуществляется здесь на основе данных международных агентств и национальных правительств, а также результатов социологических опросов. В отчете за 2015–2016 гг. [12, р. 306–307) Россия переместилась на общее 45-е место из 140 стран, существенно улучшив свои позиции за последние три года (67-е место в отчете за 2012–2013 гг.). Тем не менее, она находится на 100-м

месте по качеству институтов (особенно низкими являются показатели защиты прав собственности, интеллектуальной собственности, интересов миноритарных акционеров; значительно бремя государственного регулирования). По показателю качества инфраструктуры Россия занимает 35-е место (при 18-м месте в мире по обеспеченности населения мобильной связью), однако, по качеству дорог – только 123-е место. Макроэкономическое окружение бизнеса достаточно эффективно (40-е место при 15-м месте по доле государственного долга в ВВП), однако по уровню инфляции Россия находится на 123-м месте.

По целому ряду показателей, формирующих предпосылки для обеспечения высокого качества предпринимательского климата, Россия, по данным доклада, занимает в мире весомые позиции. Прежде всего, это 18-е место по охвату населения обучением в высшей школе, 36-е по доступу в образовательных учреждениях к сети Интернет, 37-е по количеству процедур для начала ведения бизнеса, 50-е место по комплексу показателей, оценивающих эффективность рынка труда. Вместе с тем у России низкие места по качеству налогообложения, эффективности антимонопольной политики, жесткости нетарифных барьеров. Невысокими являются показатели уровня развития финансового рынка (95-е место), прежде всего банковского сектора, рынка технологий (особенно доступности новейших технологий – 100-е место) и качества их абсорбции бизнесом (98-е место).

При седьмом месте в мире по величине внутреннего рынка и пятом по размеру внешнего у России лишь 80-е место по развитости бизнеса (в том числе 93-е по сложности производственных процессов) и 68-е по развитости инновационной среды (в том числе 75-е место по расходам компаний на НИОКР, 67-е по уровню сотрудничества промышленности с академической наукой и т. д.).

В [13], подготовленном на материалах 230 стран, качество институционального окружения бизнеса и регулятивных процедур, в значительной степени формирующих качество предпринимательского климата, обстоятельно оценивается по показателям «голосование и подотчетность», «верховенство закона», «эффективность работы правительства», «качество регулирования», «политическая стабильность и отсутствие насилия / терроризма», «контроль коррупции». Значения этих показателей рассчитаны с 1996 по 2014 г. и могут изменяться в интервале от 1 («плохо») до 100 («отлично»).

Так, показатель «верховенство закона» отражает восприятие степени доверия агентов к правилам в обществе и готовности их соблюдать. Здесь, в частности, оцениваются качество исполнения договорных обязательств, охраны имущественных прав, работа полиции и судов, а также вероятность преступных посягательств и насилия. Показатель «верховенство закона» в России после резкого ухудшения в начале 2000-х гг. (с 23,44 до 13,40 п. в 2000 г.) в 2014 г. составил 26,44 п. (для сравнения: в Швейцарии он достигает 98,08 п., Швеции – 97,60 п.).

Показатель «качество регулирования» отражает восприятие способности правительств разрабатывать и осуществлять обоснованную политику и нормативные акты, направленные на стимулирование развития частного сектора. В России этот показатель после ухудшения в начале 2000-х гг. (с 39,22 п. в 1996 г. до 27,94 п. в 2000 г.) и резкого подъема к 2005 г. (до 50,00 п.) в 2014 г. ухудшился до 36,54 п. при 100,0 п. в Сингапуре; 97,2 п. в Великобритании; 96,63 п. в Швейцарии; 96,15 п. в Швеции; 88,46 п. в США.

Показатель «контроль коррупции» отражает восприятие той степени, в которой государственная власть осуществляется в целях личной выгоды (в том числе относительно мелких и крупных форм коррупции), а также в целях «захвата» государства

элитой и обеспечения частных интересов. Для России в 1996 г. этот показатель составил 15,61, несколько вырос в первой половине 2000-х гг., упал до 11,48 в 2009 г. и поднялся до 19,71 в 2014 г.

Комплексная оценка уровня экономической свободы бизнеса дается в [14]. Интегральный индекс экономической свободы рассчитывается по таким компонентам, как «верховенство закона», «степень либеральности правительства», «эффективность регуляторных процедур», «открытость рынков» [14, р. 7].

Так, степень либеральности правительства определяется уровнем ставок налогообложения физических и юридических лиц и общим уровнем налогообложения, а также уровнем государственных расходов. Эффективность регуляторных процедур оценивается уровнем свободы ведения бизнеса, свободы рынка труда, качеством кредитно-денежной политики. В свою очередь, уровень свободы ведения бизнеса определяется продолжительностью и размерами издержек запуска (закрытия) бизнеса и размером минимального капитала при его открытии. Уровень свободы рынка труда определяется качеством соответствующей нормативно-правовой базы (в том числе регулирования количества отработанных часов, определения минимальных размеров оплаты труда, правил увольнения, размеров выходных пособий и др.). Качество кредитно-денежной политики оценивается средневзвешенным уровнем инфляции за последние три года и степенью контроля над ценами. Открытость рынков определяется уровнем свободы внешней торговли, который оценивается уровнем тарифных и нетарифных барьеров, влияющих на импорт и экспорт товаров и услуг; уровнем ограничений на перемещение инвестиционных ресурсов между различными видами деятельности в стране и за рубежом; уровнем государственного регулирования финансовых услуг (в том числе в банковском секторе) и степенью открытости финансовых рынков для иностранной конкуренции. В 2015 г. Россия по интегральному показателю экономической свободы, рассчитанному на базе значений указанных индикаторов, занимала 143-е место при лидерстве Гонконга, Сингапура и Новой Зеландии и аутсайдерах в лице Северной Кореи, Кубы и Венесуэлы [14, р. 7]. Для сравнения: в 2013 г. наша страна по этому показателю находилась на 139-м месте [15].

В Отчете о глобальном предпринимательстве [16] также рассмотрена совокупность страновых параметров, определяющих предпринимательский климат. К ним здесь отнесены доступ к финансированию, качество общей экономической политики государства и политики в области регулирования бизнеса, наличие государственных программ содействия бизнесу, качество образования и трансфера в производство результатов исследовательской деятельности (РИД), качество коммерческой инфраструктуры, динамика развития и открытость внутреннего рынка, состояние инфраструктуры, культурные и социальные нормы бизнес-окружения. При негативной оценке качества финансирования, государственной поддержки бизнеса и трансфера РИД источником позитивно оценены развитость коммерческой инфраструктуры, емкость и динамика внутреннего рынка [16, р. 39].

Представление о таких показателях предпринимательского климата, как качество образования, наличие квалифицированных специалистов и рабочих, возможности использования талантов работников в создании и внедрении инновационных продуктов, дают источники [17, 18]. При общем 53-м месте из 109 [17] и 26-м месте из 124 [18] Россия занимает 16-е место по охвату молодежи высшим образованием, 25-е в показателе QS Universities, 32-е по объему расходов на исследования и разработки, 46-е по уровню производительности труда в расчете на одного работника

[17, p. 215], 17-е по доле занятых в возрасте 25...54 лет, имеющих высшую квалификацию [18, p. 251].

Однако у России лишь средние позиции по развитию кластеров и уровню сотрудничества университетов и бизнеса в области исследований и разработок (соответственно, значения 3,13 и 3,63 при интервале 1 («плохо») – 7 («отлично»)) [18, p. 251]. Страна занимает только 59-е место по показателю «talent impact» [17, p. 215], т. е. по степени реализации талантов и квалификации персонала в конкретных результатах в области инноваций и предпринимательства.

По индексу экономики знаний Всемирного банка Россия переместилась с 64-го места в мире в 2000 г. на 55-е место в 2012 г. [17], а по глобальному индексу инноваций – с 62-го места в 2013 г. на 49-е (из 142) [20, p. 247]. Исследователи вновь обращают внимание на высокое качество образования в нашей стране (28-е место), значительные расходы на исследования и разработки (30-е место), относительно высокоразвитую среду ИКТ (28-е место), высокие места по количеству полученных патентов (7-е место), созданных полезных моделей (8-е место). Однако по показателям возможности использовать инновационные разработки качество предпринимательского климата России остается очень низким. Вновь подчеркиваются слабость институтов (88-е место), низкое качество рыночной (111-е место) и бизнес-среды (60-е место). По количеству созданных нематериальных активов Россия оказывается на 114-м месте, произведенных креативных товаров и услуг – на 70-м, по доле экспорта инновационных товаров – на 76-м месте в мире [20, p. 247].

Специального внимания заслуживает анализ качества противодействия коррупции, которая, по оценкам, приведенным в докладе о глобальной конкурентоспособности, в России является «наиболее проблемным фактором ведения бизнеса» [12, p. 306]. Значения индикаторов, оценивающих другие проблемные факторы предпринимательского климата (налоговые ставки, доступ к финансированию, сложность налогового регулирования, неэффективность государственной бюрократии и пр.), радикально отстают от значения индикатора уровня коррупции [12, p. 306].

По мнению М. Левина и Г. Сатарова, коррупция – «...это главная и динамично растущая отрасль российской экономики», которая... <...> ...пронизывает политические, административные, экономические, социальные отношения, преследуя любой бизнес от его регистрации до захвата чиновниками или разорения» [21, с. 493]. Объем рынка деловой коррупции в России, по оценкам авторов, в 2005 г. составил 318 млрд долларов, или 53,5 % ВВП. «Высокие затраты на соблюдение правовых норм рассматриваются предпринимателями как препятствие более существенное, чем затраты на взятки» [21, с. 514].

Авторы отмечают и такой вид коррупции, как захват государства крупным бизнесом, стремящимся влиять на все ветви власти – исполнительную, законодательную, судебную, т. е. «стратегии поведения бизнеса, направленные на установление теневого контроля над принятием властных решений» [21, с. 496].

Весьма авторитетным источником для измерения уровня коррупции в общественном секторе стран мира является [22]. Измерение индекса уровня коррупции в 2015 г. охватывало 168 стран и территорий и осуществлялось по 100-балльной шкале (100 – полное отсутствие коррупции и 0 – полностью коррумпированная среда). Средний глобальный индекс уровня коррупции составил 43, в Восточной Европе и Центральной Азии – 33. В 2015 г. Россия с индексом 29 находилась на 119-м месте, рядом с Гайаной и Сьерра-Леоне; наименьшая в мире коррупция – в Дании, Финляндии, Швеции, Новой

Зеландии и Голландии, а наибольшая – в Северной Корее, Афганистане и Судане. При этом в течение последних трех лет индекс коррупции в России оставался практически неизменным (27...29).

По данным [23], Россия занимала 132-е место в мире по индексу свободы от коррупции с показателем 28 [23, р. 78]. «Коррупция процветает. Малые элиты контролируют большую часть активов страны, и государственные учреждения охвачены коррупцией. Антикоррупционные кампании используются для обеспечения лояльности элиты и подрыва политических противников. Принцип верховенства закона не применяется равномерно по всей стране, и судебная система уязвима для политического давления и непоследовательна в применении закона. Защита права частной собственности слаба» [23, р. 370].

Опасность коррупции для предпринимательского климата в полной мере осознается Президентом России, подписавшим 1 апреля 2016 г. Указ о национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 гг. [24].

Обратимся к такому крайне важному показателю качества предпринимательского климата, как уровень правовой поддержки ведения бизнеса. В этом плане весьма репрезентативны данные [25]. По совокупному индексу обеспечения права закона Россия занимает в 2015 г. 75-е место из 102 при лидерстве Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии и Нидерландов и аутсайдерах в лице Венесуэлы, Афганистана и Зимбабве [25, р. 20]. По отдельным индикаторам, характеризующим уровень обеспечения права закона и правоприменения в стране, Россия занимает следующие места: наличие в стране ограничений на исполнение властями своих полномочий – 90-е, отсутствие коррупции – 60-е, реализация принципа «открытое правительство» – 67-е, уровень соблюдения фундаментальных прав граждан – 80-е, обеспечение порядка и безопасности – 74-е, эффективность правоприменения – 64-е, качество гражданского правосудия – 60-е, качество уголовного правосудия – 74-е место [25, р. 134].

Значимость проблемы признается властью. В России создана рабочая группа по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства. Ее задача – выдвигать предложения, способствующие формированию более благоприятной бизнес-среды путем совершенствования действующего законодательства. К наиболее актуальным вопросам относятся: пересмотр критериев определения вины предпринимателя; оценка пороговых размеров возмещения ущерба по налоговым статьям; возможность освобождения от наказания предпринимателей, впервые совершивших экономическое правонарушение и добровольно возместивших ущерб всем пострадавшим; определение меры наказания за преднамеренное неисполнение имущественных договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности и др. Для формирования благоприятных условий для инвестиций, увеличения инвестиционной активности, снижения уголовного преследования предпринимателей, сокращения случаев банкротства юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в связи с уменьшением количества осужденных к лишению свободы в плане действий Правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 г. [26], предусмотрены подготовка федерального закона, обеспечивающего расширение оснований для применения наказаний, не связанных с лишением свободы за преступления в сфере предпринимательства при совершении правонарушения впервые, а также комплекс экономико-правовых мероприятий, стимулирующих развитие среднего и малого предпринимательства.

Улучшение показателей качества предпринимательского климата, в том числе его институциональных, правовых и других характеристик, создание благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности является важным направлением экономической политики государства, обеспечивающим переход к устойчивому экономическому росту.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10.09.2012 № 1276 (ред. от 04.11.2014) «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности». Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=170584;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.046407790621742606> (дата обращения 10.04.2016 г.)
2. Указ Президента РФ от 4 ноября 2014 г. № 705 «О внесении изменения в перечень направлений для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 10 сентября 2012 г. № 1276». Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70781912/paragraph/1:2> (дата обращения 10.04.2016 г.)
3. Состояние делового климата в России: аналит. отчет / Всероссийский центр изучения общественного мнения. – М., 2007. Режим доступа: http://wciom.ru/database/open_projects/sostoyanie_delovogo_klimata_v_gossii/ (дата обращения 10.04.2016 г.)
4. Акиндинова, Н. В. Оценка предпринимательским сообществом состояния инвестиционного и предпринимательского климата в России, а также перспектив его изменения в среднесрочной и долгосрочной перспективе / Н. В. Акиндинова [и др.]. – М., 2011. Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKEwjMoJKo4IPMAhXsB5oKHSExApQQFgghMAE&url=http%3A%2F%2Fstrategy2020.rian.ru%2Fload%2F366234550&usq=AFQjCN> (дата обращения 10.04.2016 г.)
5. «О состоянии делового климата в России в 2014 г.»: расширенный докл. / РСПП. – М., 2015. Режим доступа: <http://media.rspp.ru/document/1/7/e/7eb03a04fd5b6ed2acdc8aa44305a7ca.pdf> (дата обращения 10.04.2016 г.)
6. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. Режим доступа: <http://investinregions.ru/rating/> (дата обращения 10.04.2016 г.)
7. Предпринимательский климат в России: индекс ОПОРЫ-2012. Режим доступа: <http://oropamo.ru/doc/ind.pdf> (дата обращения 10.04.2016 г.)
8. Doing Business 2016. Measuring Regulatory Quality and Efficiency A World Bank Group Flagship Report. 2016. Режим доступа: <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2016> (дата обращения 10.04.2016 г.)
9. Doing Business 2015. Going Beyond Efficiency. A World Bank Group Flagship Report. 2015. Режим доступа <http://www.doingbusiness.org/~media/GIAWB/Doing%20Business/Documents/Annual-Reports/English/DB15-Full-Report.pdf> (дата обращения 10.04.2016 г.)
10. Аргументы недели. – 6.11.2015. – № 42(483).
11. Global Enabling Trade Report 2012 Reducing Supply Chain Barriers / R. Z. Lawrence, M. Drzeniek Hanouz, S. Doherty (eds.). – Geneva, 2012. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/GETR/2012/GlobalEnablingTrade_Report.pdf (дата обращения 10.04.2016 г.)

12. The Global Competitiveness Report 2015–2016. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/gcr/20152016/Global_Competitiveness_Report_2015–2016.pdf (дата обращения 10.04.2016 г.)

13. Kaufmann, D. The Worldwide Governance Indicators: A Summary of Methodology, Data and Analytical Issues / D. Kaufmann, A. Kraay, M. Mastruzzi // World Bank Policy Research Working Paper №. 5430 Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1682130 (дата обращения 10.04.2016 г.)

14. The 2015 Index of Economic Freedom. Promoting of Economic Opportunity and Prosperity / T. Miller, A. B. Kim (eds.). – Washington DC. 2015. Режим доступа: <http://www.heritage.org/index/book/> (дата обращения 10.04.2016 г.)

15. The 2013 Index of Economic Freedom. Promoting of Economic Opportunity and Prosperity. T. Miller, K. R. Holmes, E. J. Feulner (eds.). – Washington DC. 2013. Режим доступа: http://www.heritage.org/index/pdf/2013/book/index_2013.pdf (дата обращения 10.04.2016 г.)

16. Global Entrepreneurship Monitor 2012 Global Report / R. Xavier, D. Kelly [a. o.] (eds.). Режим доступа: http://www.GEM_2012_Global_Report.pdf (дата обращения 10.04.2016 г.)

17. The Global Talent Competitiveness Index 2015–16 / B. Lanvin, P. Evans (eds). INSEAD (2015): Fontainebleau, France, 2015. Режим доступа: <http://www.adecco.com/en-US/Industry-Insights/Documents/gtci-report-2015-2016.pdf> (дата обращения 10.04.2016 г.)

18. The Human Capital Report 2015. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Human_Capital_Report_2015.pdf (дата обращения 10.04.2016 г.)

19. The World Bank's Knowledge Assessment Methodology. Режим доступа: <http://sitereources.worldbank.org/INTUNIKAM/Resources/2012.pdf> (дата обращения 10.04.2016 г.)

20. The Global Innovation Index 2014: The Human Factor In Innovation / S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent (eds.). Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization. Fontainebleau, Ithaca, and Geneva, 2014. Режим доступа: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2014-v5.pdf> (дата обращения 10.04.2016 г.)

21. Левин, М. Российская коррупция / М. Левин, Г. Сатаров // Экономика России: Оксфордский сборник / под ред. М. Алексеева, Ш. Вебера. – Т.1. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

22. 2015 Corruption Perceptions Index / R. Beddow (ed.). Transparency International. 2016. Режим доступа: [http://www.eu.com/Publication/vwLUAssets/eu-transparency-international-corruption-perceptions-index-2015/\\$FILE/eu-transparency-international-corruption-perceptions-index-2015.PDF](http://www.eu.com/Publication/vwLUAssets/eu-transparency-international-corruption-perceptions-index-2015/$FILE/eu-transparency-international-corruption-perceptions-index-2015.PDF) (дата обращения 10.04.2016 г.)

23. Corruption Perceptions Index 2014 / Beddow R. (Ed.). Transparency International. 2015. Режим доступа: <https://www.transparency.org/cpi2014> (дата обращения 10.04.2016 г.)

24. Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы». Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/706953/#ixzz45QBSBT6d> (дата обращения 10.04.2016 г.)

25. The World Justice Project .Rule of Law Index 2015 report / S. A. Al-Misnad, E. Constantinescu [a. o.]. – Washington, 2015. Режим доступа: http://worldjusticeproject.org/sites/default/files/roli_2015_0.pdf (дата обращения 10.04.2016 г.)

26. План действий Правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/X6NrRVuOjjj1ALG5ZoCbVm5G3IQ0lCkh.pdf> (дата обращения 11.04.2016 г.)

С. В. Кочетков¹, Е. Г. Семенова², А. С. Будагов³, О. В. Кочеткова⁴

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ЭКОНОМИКИ ИННОВАЦИЙ

Состояние народного хозяйства нашей страны следует рассматривать как результат функционирования промышленного производства. Основой качественных сдвигов в экономике, условием формирования нового хозяйственного механизма являются инновации. Формирующаяся экономика инноваций требует построения инновационной теории для решения проблем приближения базового состояния инновационного потенциала к планируемому, обеспечивающему эффективность, структуру, темпы и пропорции экономического развития, а также создание соответствующих институтов для реализации этого процесса. Экономический рост за счет использования инновационного потенциала промышленных предприятий достигается исключительно благодаря действию качественных факторов, обуславливающих повышение производительности труда (рис. 1).

Согласимся с академиком Д. С. Львовым в том, что «... институционализм есть система взглядов на методологию социальной науки. В соответствии с этим человеческое общество есть определенным образом упорядоченная совместная деятельность людей... <...> ...совместная деятельность может быть упорядочена технологически, т. е. нормирована и урегулирована в соответствии с требованиями технологических процессов достижения того или иного полезного результата ...» [3, с. 35]. Это – исходное положение для разработки институционального механизма становления экономики инноваций. Перевод экономики на инновационный путь развития в существенной мере зависит от эффективности использования инновационного потенциала нашей страны. Наблюдаемые в последние годы тенденции предметного расширения научно-исследовательской деятельности и сложившиеся принципы формирования инновационного потенциала отраслей народного хозяйства и промышленности во многом препятствуют процессу создания инновационного производства.

В этих условиях требуют решения следующие вопросы:

- низкая обеспеченность ресурсами сферы научных исследований и разработок;
- несоответствие объема затрат на проведение научных исследований в вузах контингенту научных и научно-педагогических работников;
- увеличение возраста научных работников;

¹ Сергей Вячеславович Кочетков, профессор кафедры инноватики и интегрированных систем качества Института инноватики и базовой магистерской подготовки Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук.

² Елена Георгиевна Семенова, директор Института инноватики и базовой магистерской подготовки Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р техн. наук, профессор.

³ Артур Суменович Будагов, директор Института технологий предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, доцент.

⁴ Олеся Вячеславовна Кочеткова, канд. экон. наук.

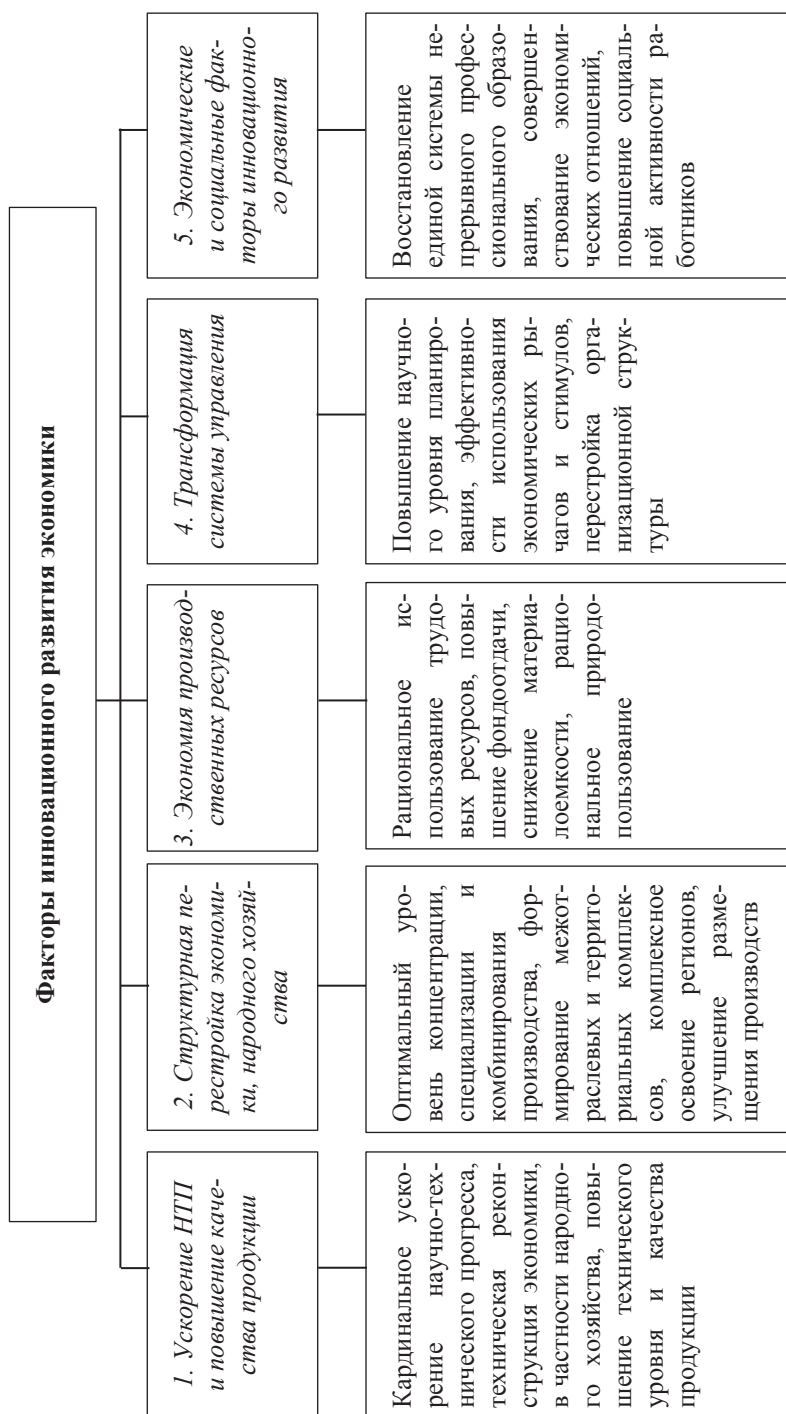

Рис. 1. Факторы инновационного развития экономики

- несовершенство системы планирования и отбора направлений научных исследований, проектов и программ; ведомственные барьеры, удлиняющие цикл «исследование и разработки – производство и внедрение – практическая реализация»;

- неоправданный разрыв между инновационным потенциалом отдельных отраслей народного хозяйства и промышленности, который усиливает различия в уровнях инновационного развития, что обуславливает техническое и технологическое отставание потребителей продукции.

Отметим, что усиливающаяся дифференциация уровней инновационного развития отраслей народного хозяйства и промышленности негативно влияет на скорость распространения новой техники и технологий. Как показывают расчеты, из-за низкой скорости распространения достижений научных исследований и разработок разрыв между Россией и зарубежными странами по некоторым показателям продолжает увеличиваться.

Для повышения инновационного потенциала отраслей народного хозяйства и промышленности нужен переход к инновационному развитию экономики, что потребует не только разработки системы приоритетов, но и соответствующего изменения хозяйственного механизма.

В современной российской экономике резко усиливается влияние экономических, природных и социальных ограничений на пропорциональность пространственной структуры инновационного развития, динамику распространения и эффективность использования инновационного потенциала, что, в конечном итоге, приводит к замедлению процессов его наращивания. Особенно сильно негативное воздействие этих ограничений сказывается на инновационном развитии отстающих в техническом и технологическом отношении отраслей (пищевая, лесная, деревообрабатывающая и др.).

В этих условиях первостепенное значение приобретает измерение инновационного развития, которое, по мнению авторов, возможно:

- за счет развития промышленности посредством инноваций;
- путем развития инноваций на промышленных предприятиях.

Измерить инновационный потенциал IC промышленного предприятия можно по формуле [4, с. 35]

$$IC = IP + IR,$$

где IP – инновационная возможность; IR – инновационный резерв.

Этот показатель важен при оценке потребностей промышленных предприятий в инновационном развитии: при определении структуры, системы взаимодействия компонентов инновационного потенциала, а также взаимовлияния между IC и совокупным потенциалом предприятия для обеспечения уровня IC . Очевидно, что уровень IC промышленных предприятий определяется величиной инновационного резерва, которая зависит от целей инновационного развития и определяется индивидуально.

Подчеркнем, что для решения указанного вопроса необходим учет существующих и перспективных условий использования инноваций, обеспеченности производства и потребителя требуемыми кадровыми, производственными и инвестиционными ресурсами. При этом сфера научных исследований и разработок должна быть ориентирована на разработку и проектирование новых технологических процессов и продукции, оптимальных для условий их производства и использования в нашей стране.

Кроме того, задачей этой сферы должно стать создание конкурентоспособных технологий и продукции, предназначенных, в основном, для экспорта и ограниченного потребления внутри страны (в отдельных отраслях, на ряде территорий, предприятий и т. д.) в качестве базы для становления и развития отраслевой науки и техники.

Заметим, что инновационный резерв повышается при увеличении числа источников и объемов финансирования, а также при использовании дополнительного кадрового потенциала для выявления новых направлений инновационного развития [1].

Классифицируем эти уровни в зависимости от соотношения инновационных возможностей (т. е. использования инновационного потенциала) и наличия инновационного резерва. Выделим следующие уровни *ИС* промышленного предприятия [2]:

- максимальный – достижение предельной величины наращивания инновационного потенциала в составе совокупного;
- минимальный – равенство инновационных возможностей и инновационного резерва;
- оптимальный – становление предела использования инновационного потенциала, т. е. предела инновационных возможностей;
- критический – доведение до предела инновационного резерва, т. е. качества инновационных ресурсов;
- катастрофический – равенство инновационного потенциала инновационным возможностям или инновационному резерву.

Тот факт, что хозяйственный механизм не всегда своевременно адаптируется к нуждам современной экономики, а некоторые его недостатки устраняются непропорционально медленно, не в последнюю очередь является следствием ошибочного установления границ экономического пространства для влияния инноваций. Эти границы при формировании инновационного состояния промышленных предприятий определяются качеством инновационных ресурсов, которое обеспечивается инновациями нужного объема и сбалансированности. Среди них выделяют инновации:

- по степени завершенности – готовые инновации; требующие доработки в том или ином виде; инновации для производства конечной инновации;
- по сроку реализации – результаты в течение года, в период от 3 до 5 лет, 7...10 лет и более 10 лет.

Разрыв временного лага означает переходный (компенсационный – на восстановление инновационного потенциала до нужного уровня) период. Влияние качества инновационных ресурсов на эффективность инновационного развития можно представить следующим образом (см. таблицу).

В этих условиях *повышение качества инновационных ресурсов* обеспечивает увеличение предельного значения *ИС* промышленного предприятия без их количественного роста. Единства взглядов на эти проблемы ожидать сложно, но можно считать общепризнанной необходимость достижения определенного качества инновационных ресурсов и предела использования инновационного потенциала промышленных предприятий для оценки влияния инноваций на экономическое развитие. На рис. 2 можно наблюдать инновационное равновесие, определяющее предел использования *ИС* промышленного предприятия и обеспечивающее выбор направления экономического развития. На наш взгляд, вопросы построения структурных и объемных показателей инновационного развития промышленности, их прогноз на перспективу должны стать важнейшей частью долгосрочной программы экономического развития нашей страны. Следовательно, для повышения конечного эффекта для потребителя, снижения цен

Инструментарий инновационного развития экономики

Классификационный признак	Инновации	Уровень инновационного потенциала
Степень завершенности	Готовые	Уменьшают инновационный резерв (при их реализации), увеличивают предельное значение инновационного потенциала (при их реализации), увеличивают инновационный резерв (отсутствие реализации)
	Требующие доработки	Уменьшают инновационный резерв (при реализации), увеличивают резерв (отсутствие реализации)
	Для производства конечной инновации	Уменьшают инновационный резерв (при реализации), увеличивают резерв (отсутствие реализации)
Срок реализации	Результаты в течение года	Не влияют на инновационный резерв (являются его частью)
	Результаты в период от 3 до 5 лет	Увеличивают инновационный резерв
	Результаты за 7...10 лет	Увеличивают инновационный резерв
	Результаты через 10 лет	Не влияют на инновационный резерв (не являются частью ни инновационных возможностей, ни инновационного резерва)

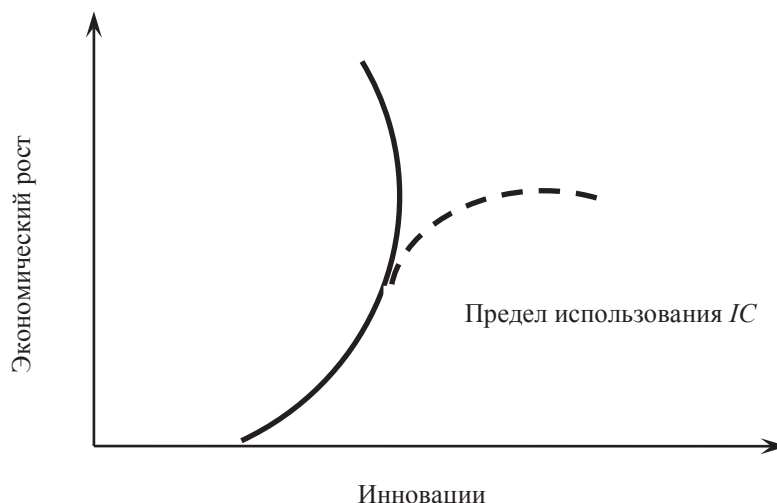

Рис. 2. Влияние инноваций на экономический рост

на новую технику и технологии в расчете на единицу эффекта и совершенствования системы стимулирования выпуска инновационной продукции необходимо пересмотреть сложившиеся практики оценки эффективности инновационного развития. С учетом сказанного механизм формирования экономики инноваций можно представить следующим образом (рис. 3).

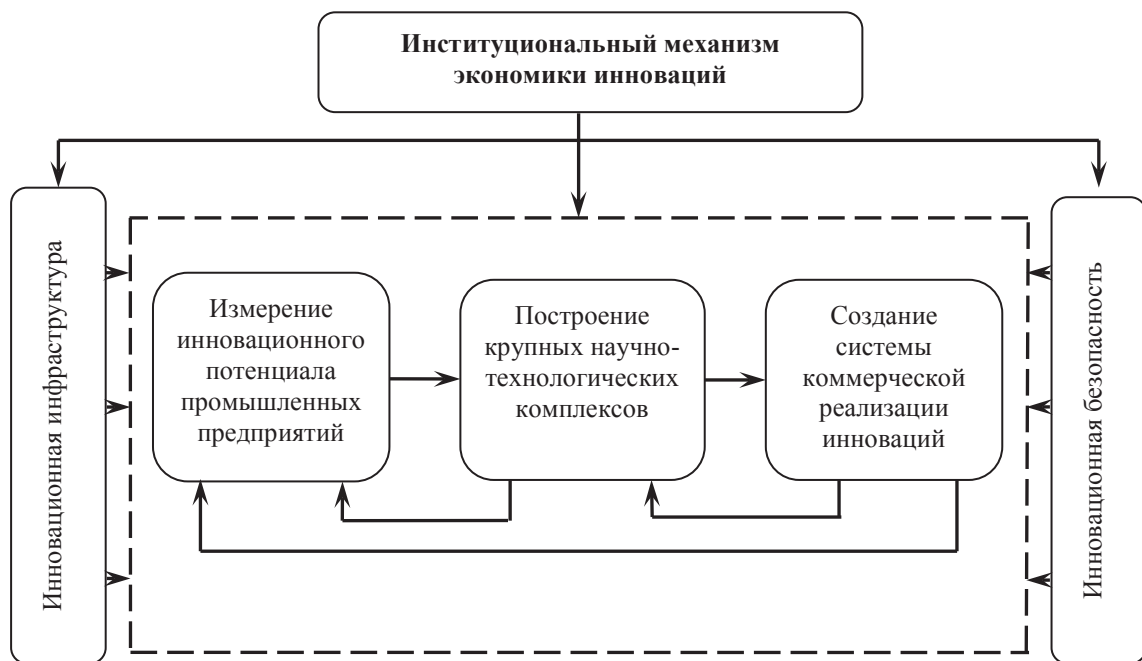

Рис. 3. Структура институционального механизма экономики инноваций

В конечном итоге для ускорения наращивания и распространения инноваций в отраслях промышленности необходимо:

- сформировать систему приоритетов, в которой предпочтение будет отдаваться инновационным ресурсосберегающим технологиям;
- устранить экономические и социальные ограничения развития науки и техники.

Выводы

1. В качестве экономики инноваций рассматривается экономика, связанная с формированием, реализацией и наращиванием инновационного потенциала промышленных предприятий, что позволит определить предел влияния инноваций на экономическое развитие.

2. В структуру институционального механизма экономики инноваций с соответствующей инновационной инфраструктурой и обеспечением инновационной безопасности включаются:

- инновационный потенциал промышленных предприятий;
- инновационное производство;
- система коммерческой реализации инноваций.

3. Увеличение масштабов использования инновационного потенциала занимает значительное время, поэтому данный процесс должен быть запущен как можно скорее. Это позволит сделать очередной шаг к построению структуры новой экономики.

Список литературы

1. *Кочетков, С. В.* Методы стимулирования использования инновационного потенциала предприятия / С. В. Кочетков // *Инновации*. – 2005. – № 7. – С. 112–114.
2. *Кочетков, С. В.* Управление развитием инновационного потенциала промышленных предприятий: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / С. В. Кочетков; СПбГУЭФ. – СПб., 2011. – 46 с.
3. *Институциональная экономика: учеб. пособие / под рук. академика Д. С. Львова*. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 318 с.
4. *Кочетков, С. В.* Оценка инновационного потенциала промышленных предприятий / С. В. Кочетков // *Экономист*. – 2006. – № 5.

С. В. Гришунин¹, Н. В. Муханова²

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТРОЛЛИНГА ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ПОЛУЧЕНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ КРЕДИТНЫХ РЕЙТИНГОВ КОМПАНИИ

В последнее десятилетие ключевым требованием кредиторов российских компаний стало наличие у последних кредитных рейтингов (КР). *Кредитные рейтинги* – это мнения об относительной кредитоспособности компании и надежности ее кредитных обязательств на протяжении 12...24 месяцев, выражаемые с помощью системы символов [4, 5, 8]. Присвоением КР занимаются независимые финансовые организации – рейтинговые агентства (РА), которые стали неотъемлемой составляющей нового индустриального общества [3]. Среди РА наибольшим авторитетом пользуется «большая тройка»: международные агентства Fitch Ratings, Moody's и Standard&Poor's [5]. В России создается национальное РА для развития инфраструктуры внутреннего финансового рынка и как часть стратегии импортозамещения [2]. Наличие КР у компании позволяет: 1) снизить стоимость и удлинить сроки заимствований; 2) размещать долговые бумаги на рынках капитала; 3) расширять инвесторскую базу.

Несмотря на то что описание процесса рейтингования представлено в открытых методологиях РА (см, например, [7, 8, 13]), на практике у российских компаний возникают проблемы, связанные с отсутствием должной организации бизнес-процессов получения и поддержания КР; инструментов оценки уровня КР; системы контроля, позволяющей «отслеживать» кредитоспособность рейтингуемой компании (РК) и своевременно информировать менеджеров об угрозах понижения или возможностях повышения КР. Эти проблемы приводят к завышенным ожиданиям по уровню КР; отсутствию повышения КР при наличии объективных предпосылок или к понижению КР, когда этого можно избежать [4, 5].

Вопросы разработки и внедрения инструментов прогнозирования и мониторинга КР пока не нашли должного отражения в научной литературе. Например, исследования А. Карминского и А. Пересецкого [5, 7, 8] посвящены прогнозированию КР эконометрическими методами множественного выбора logit и probit. Однако точность их прогноза не превышает 70...80 % для класса рейтинга. Зарубежные исследования также предлагают применять эконометрические модели [10] либо модели, основанные на методах искусственного интеллекта [13]. Последние отличаются более высокой предсказательной способностью, чем эконометрические методы, но требуют применения дорогостоящего программного обеспечения.

Целями данного исследования являются:

1. Представление концепции инновационной системы управления рейтингованием – контроллинга кредитных рейтингов (ККР) с указанием его целей и основных функций.

¹ Сергей Вадимович Гришунин, докторант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, канд. экон. наук.

² Наталья Викторовна Муханова, доцент кафедры экономики и менеджмента в машиностроении Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, канд. экон. наук.

2. Разработка инструмента прогнозирования КР компании – модели КР, которая по соотношению «предсказательная способность/стоимость внедрения и использования» превосходит существующие инструменты. Создание (в качестве примера) модели КР для компании химической отрасли с представлением ее составляющих (показателей) и указанием порядка их расчета.

3. Разработка системы подконтрольных показателей для мониторинга достижения целей рейтингования как на уровне направлений деятельности компании, так и на уровне ее бизнес-процессов и их частей. Формирование примерного перечня подконтрольных показателей для ККР в компании химической отрасли.

Контроллинг внешних кредитных рейтингов, его цели и функции

Контроллинг – это концепция управления, ориентированная на рынок и конкуренцию, на формирование, развитие и поддержание конкурентного преимущества организации за счет координации и интеграции всех функций менеджмента в реальном масштабе времени [9]. *Контроллинг внешних кредитных рейтингов* (ККР) – это приложение методов контроллинга к рейтингованию, система управления процессами получения и поддержания КР [4]. Его *основные цели*: 1 – оценка целевого уровня КР; 2 – обеспечение получения и поддержания КР на уровнях, близких к целевому; 3 – выявление негативных тенденций в кредитоспособности компании до момента изменения КР агентствами для своевременного принятия мер по контруправлению; 4 – помощь в разработке и внедрении мер по повышению кредитоспособности компании.

Под *целевым уровнем КР* (ЦКР) мы понимаем максимально достижимую оценку кредитоспособности РК рейтинговыми агентствами в конкретный момент времени с учетом ограничений, присущих процессу рейтингования [4]. К таким ограничениям относятся: информационная асимметрия между РК и РА; несовершенство моделей и методологий РА; доказанная неэффективность финансовых рынков [9]; субъективность оценки РА качественных аспектов деятельности РК. Набор функций ККР представлен в [4].

Разработка модели кредитного рейтинга

Модель кредитного рейтинга (МКР) предназначена для первоначальной оценки ЦКР компании и (или) выпускаемого ею финансового инструмента, а также оценки потенциальных изменений в ЦКР компании под воздействием факторов внешней и внутренней среды. Предложенная модель построена по принципу конструктора рейтингов [5, 6]. Интегральная оценка кредитного риска РК «складывается» из кредитных рисков, возникающих на уровне направлений деятельности (проекций) компании (финансов, маркетинга, производства и т. д.). Такие риски вызываются различными факторами внешней и внутренней среды, которые могут быть описаны объясняющими показателями (объясняющими переменными). Их перечень представлен в методологиях РА. Для каждого из объясняющих показателей РА устанавливает интервалы допустимых значений, которые соответствуют определенному уровню кредитного риска. МКР можно представить следующим образом:

$$\text{ИКР} = \sum_{i=1}^N w_i F_i \pm \sum_{j=1}^M A_j, \quad (1)$$

где ИКП – индикатор кредитоспособности компании, прогноз ее кредитного рейтинга на следующие 12...18 месяцев; F_i – референтное числовое значение, соответствующее уровню кредитного риска для i -го объясняющего показателя ($i=1 \dots N$); N – количество объясняющих показателей в МКР; w_i – весовые коэффициенты значимости каждого объясняющего показателя; A_j – аналитические поправки, учитывающие индивидуальные особенности бизнеса компании ($j=1 \dots M$); M – количество аналитических поправок, используемых РА.

Прогнозирование уровня ЦКР с помощью МКР осуществляется в три этапа:

1. Производится анализ отраслевой и общих рейтинговых методологий РА для определения объясняющих переменных, соответствующих им весовых коэффициентов и перечня аналитических поправок. Задаются правила расчета значений объясняющих показателей и аналитических поправок.

2. Рассчитываются значения объясняющих переменных и аналитических поправок; по справочным таблицам (в методологиях РА или разработанным самостоятельно) определяется относительный уровень кредитного риска, соответствующий значению переменной (например, 1-Ааа, 3-Аа, 6-...20-Са). Аналитические поправки учитываются путем вычитания или добавления одной или нескольких рейтинговых ступеней

3. Рассчитывается референтное значение ИКП по формуле (1). По справочным таблицам из методологии РА определяют уровень кредитного рейтинга, соответствующий этому значению.

К преимуществам конструктора рейтингов относятся:

1. *Высокая предсказательная способность.* В конструкторе рейтингов показатели определяются на основании методологий РА, что повышает точность прогноза. Предсказательная способность МКР лучше, чем у большинства альтернатив [5], и составляет больше 80 %.

2. *Простота, понятность и невысокая стоимость использования.* Показатели, применяемые в модели, понятны менеджерам, так как уже используются ими при решении других управленческих задач, а их расчеты не требуют дорогостоящего программного обеспечения.

3. *Возможность использования для мониторинга кредитоспособности компании и раннего предупреждения об угрозах понижения КР.*

Нами разработан пример МКР для химической компании по методологиям Moody's [8, 13] с учетом особенностей отрасли (цикличности, высокой материалоемкости и капиталоемкости продукции, возрастающей конкуренции). Разработанный перечень объясняющих показателей, весовых коэффициентов к ним, аналитических поправок, а также правил определения уровня кредитного риска для каждого показателя приведены в табл. 1.

Разработка системы подконтрольных показателей в ККР

Система подконтрольных показателей ККР трансформирует цели получения и поддержания КР в конкретные задачи [4]. Эти задачи ставятся на уровне как предприятия в целом, так и отдельных бизнес-единиц, бизнес-процессов и их частей. По каждой задаче определяются один или несколько показателей, измеряющих эффективность выполнения задач.

Основой для построения системы показателей ККР является рассмотренная ранее МКР. Показателем, отражающим конечную цель (поддержание КР на целевом уровне), будет ИКП. Объясняющие показатели, составляющие ядро МКР, являются

Таблица 1

Основные параметры МКР для компаний химической промышленности

Группа показателей	Объясняющий показатель F_i	Вес w_i	Порядок расчета и правила присвоения референтного числового значения (РЧЗ), отражающего уровень кредитного рейтинга
Размер компании	Средняя выручка I/A , млрд долл.	10 %	$VA = \sum_{t=-3}^1 \frac{V_t}{5}$, где V_t – выручка компании за год t ($t=0$ – текущий год, в котором осуществляется рейтингование). РЧЗ определяется в соответствии с методологией Moody's (прил. А [13, с. 17] и табл. 4 [13, с. 7])
	Средняя величина активов AA , млрд долл.	10 %	$AA = \sum_{t=-3}^1 \frac{A_t}{5}$, где A_t – величина активов компании на конец года t ($t=0$ – текущий год, в котором осуществляется рейтингование). РЧЗ определяется по прил. А [13, с. 17]
Бизнес-профиль	Качество бизнес-профиля	20 %	Определяется экспертным путем, согласно правилам, изложенным в прил. А [13, с. 17]
Прибыльность	Маржа по $EBITDA$, %	5 %	$\overline{EM} = \frac{\sum_{t=-3}^1 EBITDA_t}{\sum_{t=-3}^1 V_t}$, где \overline{EM} – средняя маржа по $EBITDA$ за три предшествующих рейтингованию и два перспективных года; $EBITDA_t$ – величина $EBITDA$ за плановый год t . РЧЗ определяется по прил. А [13, с. 17] и табл. 4 [13, с. 7]
	Рентабельность активов ROA , %	5 %	$ROA = \frac{\sum_{t=-3}^1 EBIT_t}{\sum_{t=-3}^1 A_t}$, где $EBIT_t$ – прибыль (убыток) от операционной деятельности до налогообложения + проценты к уплате + амортизация нематериальных активов за плановый год t . РЧЗ определяется по прил. А [13, с. 17] и табл. 4 [13, с. 7]
Долговая нагрузка	Коэффициент задолженности L	10 %	$L = \frac{\sum_{t=-3}^1 D_t}{\sum_{t=-3}^1 EBITDA_t}$, где D_t – финансовый долг компании на конец года t ; РЧЗ определяется по прил. А [13, с. 17] и табл. 4 [13, с. 7]
	Коэффициент покрытия процентов к уплате IC	10 %	$IC = \frac{\sum_{t=-3}^1 EBITDA_t}{\sum_{t=-3}^1 I_t}$, где I_t – проценты по финансовому долгу и его эквивалентам за год t ; РЧЗ определяется по прил. А [13, с. 17] и табл. 4 [13, с. 7]

	Коэффициент покрытия долга операционным денежным потоком CFC , %	10 %	$CFC = \frac{\sum_{t=-2}^1 RCF_t}{\sum_{t=-2}^1 D_t}$, где RCF_t – операционный денежный поток за год t до изменений в рабочем капитале за вычетом выплаченных дивидендов; $RЧЗ$ определяется по прил. А [13, с. 17] и табл. 4 [13, с. 7]
Финансовая политика	Общая характеристика	20 %	Качественный показатель, РЧЗ определяется в соответствии с набором критериев, приведенных в методологии Moody's (прил. А [13, с. 17 и табл. 4 [13, с. 7]).
Предварительный ИКП_р	уровень	100 %	$ИКП_p = \sum_{i=1}^N w_i F_i$
<i>Аналитические поправки к ИКП_{рр}, связанные с индивидуальными особенностями бизнеса компании</i>			
Ликвидность	Покрытие денежных выплат денежными поступлениями в следующие 12 месяцев	A ₁	$LG = \frac{Cash_0 + CFO \pm OL + OI}{I + RD + OP}$, где $Cash_0$ – остаток денежных средств на начало периода; CFO – операционный денежный поток в течение следующих 12 месяцев; OL – прочие выплаты и поступления денежных средств в течение следующих 12 месяцев; OI – доступные подтвержденные кредитные линии от банков с периодом действия более 12 месяцев; I – капитальные вложения в течение следующих 12 месяцев; RD – выплаты финансового долга в течение 12 месяцев. Правило принятия решения: 0, если $LG > 1,1$; -0,5, если $1 \leq LG \leq 1,1$; -1, если $LG < 1$
Бизнес-среда в стране базирования	Качество бизнес-среды в стране базирования	A ₂	«Институциональная среда, структура институтов и их эффективность» (фактор 2) – ключевая составляющая оценки суверенного рейтинга страны базирования, присваиваемого Moody's [13]. Правило принятия решения: -3, если оценка фактора L или ниже; -2 при оценке $L+$; -1 при оценке $M-$; 0 при оценке M или лучше
Корпоративное управление	Качество оперативного управления	A ₃	0, если корпоративное управление в компании соответствует требованиям лучших общемировых практик, таких как кодексы корпоративного управления Великобритании или ОЭСР; -1, если корпоративное управление не соответствует лучшим общемировым практикам
Окончательная оценка ИКП			$ИКП = \sum_{i=1}^N w_i F_i - \sum_{j=1}^M A_j$ Уровень кредитного рейтинга, соответствующий значению ИКП, определяется по табл. 5 [13, с. 7].

показателями первого уровня. Их используют для измерения достижения целей рейтингования на уровне проекций деятельности компании. Показатели первого уровня, в свою очередь, с помощью математического связывания и логических взаимосвязей раскладываются на подконтрольные показатели уровня бизнес-единиц, бизнес-процессов и их частей. Пример карты логических взаимосвязей различных аспектов деятельности химической компании представлен на рисунке. Построение системы показателей ККР осуществляется в несколько этапов [4]:

1. *Постановка целей поддержания рейтингов.* После присвоения КР и коррекции ЦКР в зависимости от фактического значения присвоенного рейтинга служба ККР разрабатывает целевые (плановые) значения для ИПЦ и подконтрольных показателей первого уровня на следующие 12...18 месяцев и на долгосрочный период (последующие 3...5 лет).

2. *Отбор целей для мониторинга.* Критериями для отбора целей для мониторинга является их подверженность существенным рискам (для оценки рисков автор рекомендует использовать концепцию COSO ERM [11]; материальность этих отклонений.

3. *Разработка подконтрольных показателей второго уровня с помощью карт логических взаимосвязей.* Подконтрольные показатели второго уровня (КП) должны наиболее полно отражать ключевую цель и позволять оценивать ее достижение. Методологии и подходы к разработке КП приведены в [4, 9]. Нами разработан перечень возможных показателей для предприятия химической отрасли (табл. 2).

4. *Внедрение контрольных процедур ККР.* Контрольные процедуры позволяют осуществлять периодическое сравнение фактических значений подконтрольных показателей с их целевыми значениями для определения угроз понижения КР или возможностей для их повышения. Методики разработки контрольных процедур приведены в [9]. В ККР используются следующие виды контроля [4]:

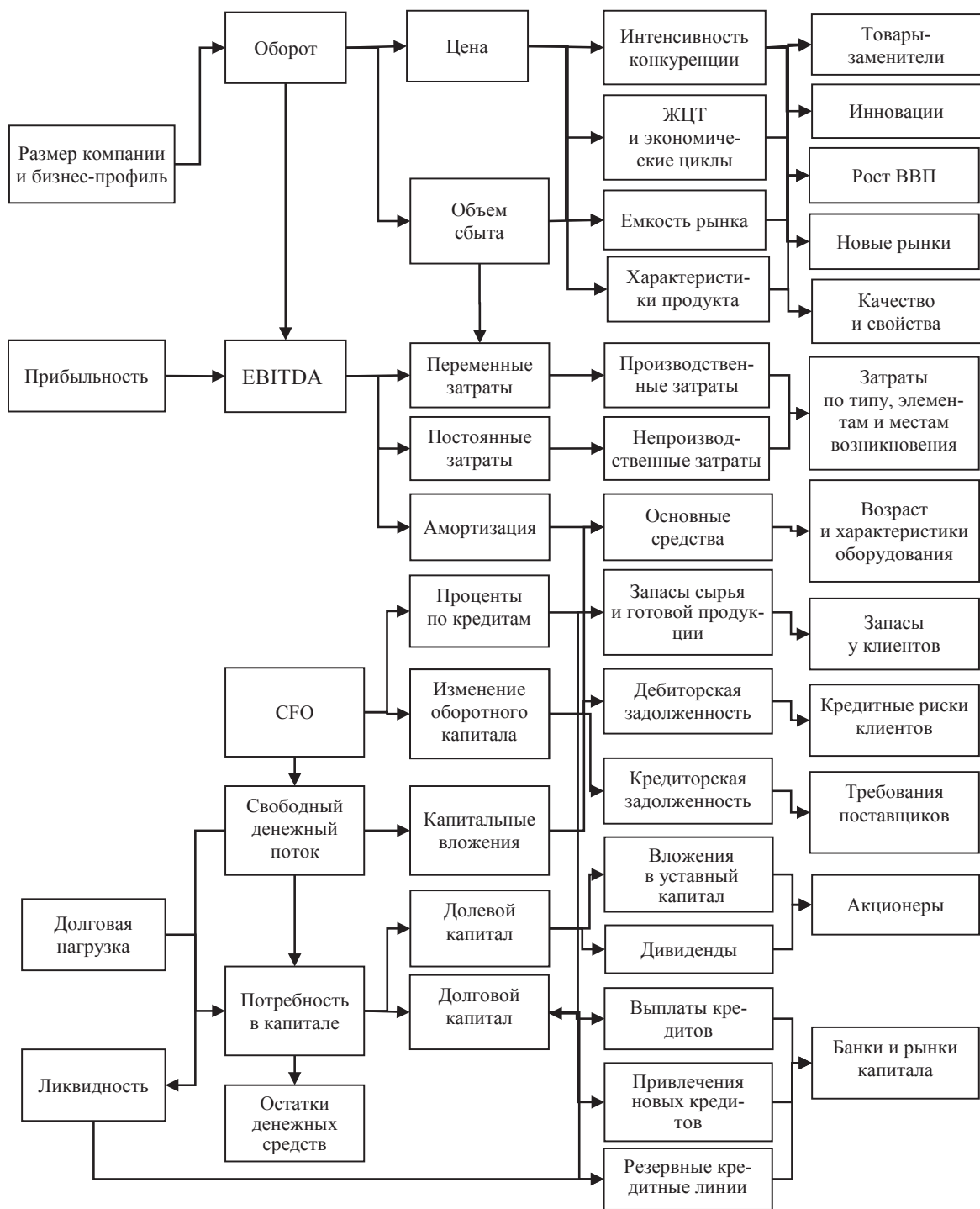
- *предварительный контроль:* предназначен для оценки влияния на ИКП корпоративных событий, решений или изменений в стратегии и операционной деятельности до того, как они произойдут. Перед одобрением таких решений они должны проходить экспертизу службы ККР для оценки вероятностей изменения КР;

- *текущий контроль:* реализуется путем ежеквартального среднесрочного и долгосрочного прогнозирования значений ИПК и составляющих его показателей; путем сравнения прогнозных и целевых значений показателей для выявления отклонений, их причин и виновников. Если ожидаемые отклонения могут привести к понижению КР, то об этом информируются ЛПР для принятия решений по контролю управлению;

- *документальный контроль:* реализуется в проверке рейтинговой презентации и других материалов, передаваемых в РА для анализа. Информация проверяется по следующим критериям: непротиворечивость; полнота; правильность;

- *постфактум-контроль:* заключается в определении фактических отклонений ИПК и составляющих его показателей от целевых после окончания отчетного периода.

5. *Разработка мер по контролю управлению.* Данные об отклонениях значений подконтрольных показателей от плановых с определенной периодичностью консолидируются в отделе контроллинга; с помощью МКР рассчитывается их влияние на показатель ИПЦ; определяется отклонение прогнозного значения ИПЦ от ЦКР и оценивается потенциальное влияние этого отклонения на уровень КР. Результаты анализа формализуются в отчете, который предоставляется ЛПР для принятия управленческих решений. Методики и примеры построения системы для принятия управленческих решений в контроллинге приведены в [3, 9].

Пример карты логических взаимодействий для разработки показателей ККР

Таблица 2
Примерный перечень подконтрольных показателей для системы ККР в компании химической отрасли

Показатели первого уровня	Показатели второго уровня	Порядок расчета
Качество бизнес-профиля	Рост ВВП на основных рынках сбыта, %	Прогноз роста валового внутреннего продукта (ВВП) на рынках сбыта: $\Delta GDP = \frac{GDP_t}{GDP_0}$ где ΔGDP – прирост ВВП в плановом году по сравнению с базовым; GDP_t – ожидаемый объем ВВП в момент времени t ; GDP_0 – объем ВВП в базовый год
	Доли компаний на основных рынках сбыта, %	$m_{kl} = \frac{R_{kl}}{VL_{kl}} \cdot 100 \%$ где m_{kl} – доля компании на l -м рынке по k -му продукту; R_{kl} – выручка компании на l -м рынке по k -му продукту; VL_{kl} – объем l -го рынка по k -му продукту в денежном выражении
	Индекс интенсивности конкуренции	$IC_l = 1 - \left(N_l \cdot \sqrt{\left(\frac{1}{N_l} \sum_{i=1}^{N_l} \left(m_{il} - \left(\frac{1}{N_l} \right) \right)^2 \right)} \right)$ где IC_l – индекс интенсивности конкуренции на l -м рынке; m_{il} – доля рынка i -й компании на l -м рынке; N_l – количество компаний на рынке l
	Масштаб рыночных возможностей, %	$MP_l = \frac{AP_l - CP_l}{AP_l} \cdot 100 \%$ где MP_l – потенциал спроса по рынку l ; AP_l – абсолютный потенциал спроса на рынке l ; CP_l – текущий уровень спроса на рынке l
	Графики стратегического благополучия	Порядок расчета и пример применения приведены в [9, с. 210–214]

Продолжение табл. 2

Показатели пер- вого уровня	Показатели вто- рого уровня	Порядок расчета
Маржа по <i>EBITDA</i>	Суммы покрытия по товарам и (или) рынкам, млн долл.	$SC1_k = R_k - DC_k,$ $SC2_k = SC1_k - SE_k,$ $SC3_k = SC2_k - FE_k,$ $EBITDA = \sum_{k=1}^N SC3_k - OE,$ <p>где $SC1$, $SC2$, $SC3$ – суммы покрытия по k-му товару; DC_k – прямые затраты по товару k; SE_k – затраты на продвижение товара k; FE_k – постоянные управленческие затраты по товару k; OE – управленческие затраты по компании</p>
Волатильность выручки и <i>EBITDA</i>	Прогнозы цен на продукцию и основное сырье	Прогнозы цен на готовую продукцию и сырье (примеры источников готовых прогнозов приведены в [1, с. 389–424]), методы прогнозирования цен – в [1, с. 246–329]
Рентабельность активов и капита- ла	Волатильность спроса	<p>Коэффициенты вариации спроса</p> $VD_p = \frac{\sigma_{dp}}{D_{p,sp}},$ <p>где VD_p – коэффициент вариации спроса за период p; σ_{dp} – среднеквадратическое отклонение спроса за период p; $D_{p,sp}$ – средняя арифметическая величина спроса за пе- риод p</p>
	Коэффициенты рентабельности и оборачиваемости	Формула и порядок расчета приведены в [9]

Продолжение табл. 2

Показатели первого уровня	Показатели второго уровня	Порядок расчета
Коэффициент за-долженности	Потребность в новом долго-вом финансиро-вании, млн долл.	$DD = \frac{I_p + DP_p + DR_p}{NP_p + DA_p + DW C_p + Cash_0 + E_p},$ <p>где DD – потребность в новом долговом капитале за период p; NP_p – чистая прибыль компании за период p; DA_p – амортизация за период p; DWC_p изменения в рабочем капитале за период p; E_p – планируемое привлечение долевого капитала за период p; I_p – инвестиционная программа за период p; DP_p – дивидендные выплаты за период p; DR_p – погашение существующих обязательств за период p. Если $DD_p > 1$, то компании нужно привлечь новый долг</p>
Коэффициент подверженности валютным рис-кам	Коэффициент подверженности валютным рис-кам	$EX_p = \frac{CF F_p}{DR F_p},$ <p>где EX_p – коэффициент подверженности валютным рискам за период p; $CF F_p$ – объем поступлений в иностранной валюте за период p; $DR F_p$ – объем выплат финансового долга в иностранной валюте за период p</p>
Коэффициент по-крытия процентов к уплате	Средневзвешен-ная процентная ставка по долгу, %	$r_{срT} = \frac{\sum_{j=1}^N r_j D_j}{\sum_{j=1}^N D_j},$ <p>где $r_{срT}$ – средневзвешенная процентная ставка по долгу; r_j – процентная ставка по j-му обязательству на конец периода t; D_j – остаток по j-му обязательству на конец пе-риода t</p>
Коэффициенты по-крытия долга операционным и свободным де-нежным потоком	Чистая текущая стоимость инве-стиций в проекты	$NPV_w = \sum_{t=0}^T \frac{FCF_{wt}}{(1 + WACC_w)^{-t}},$ <p>где NPV_w – чистая текущая стоимость инвестиций в проект w; FCF_w – свободный де-нежный поток по проекту w в момент t; $WACC_w$ – стоимость капитала для проекта w</p>

Окончание табл. 2

Показатели первого уровня	Показатели второго уровня	Порядок расчета
	Коэффициент выплаты кредиторам	$F_p = \frac{FCF_p - D_p}{FCF_p},$ <p>где F_p – коэффициент выплаты кредиторам за период p,%; FCF_p – свободный денежный поток за период p</p>
Ликвидность	Показатель достаточности средств для выполнения базовых обязательств, млн долл.	$L1 = [NP_p + DA_p + DWCF_p] - [D_p + MI_p + DR_p],$ <p>где $L1$ – показатель достаточности средств для выполнения базовых обязательств. Если $L1 > 0$, то у компании достаточно ликвидности для выплат по кредитам, поддержания основных средств и выплаты дивидендов акционерам за период p; MI_p – капитальные вложения на поддержание работоспособности существующих активов за период p</p>
	Показатель достаточности средств для выполнения инвестиционной программы, млн долл.	$L2 = L1 - DI_p,$ <p>где $L2$ – показатель достаточности средств для выполнения инвестиционной программы за период p; DI_p – капитальные вложения на развитие компании за период p</p>
Финансовая политика	Прогнозируемый запас прочности ограниченных кредитов новыми соглашениями (ковенант), %	$HR_{it} = \frac{A_{it}}{L_{it}} \cdot 100 \%,$ <p>где HR_{it} – запас прочности на момент времени t по i-й финансовой ковенанте согласно кредитным соглашениям; A_{it} – прогнозируемое значение t-й финансовой ковенанты на момент времени t; L_{it} – предельное значение t-й финансовой ковенанты, установленной кредитным соглашением, в момент времени t</p>

Выводы

1. Разработана концепция контроллинга кредитных рейтингов в компании (ККР). Это приложение методов контроллинга к рейтингованию, система управления процессами получения и поддержания кредитных рейтингов (КР). Показано, что применение ККР позволяет руководителям компаний обеспечить получение и поддержание КР на должном уровне и своевременно выявлять негативные тенденции в кредитоспособности компании и принимать меры по контруправлению до того, как КР может быть понижен рейтинговым агентством. Предложенная система ККР является инновационной, так как ее внедрение позволит компаниям избежать многих сложностей рейтингования: завышенных ожиданий по уровню КР; неповышения КР при наличии объективных предпосылок; понижения КР, когда этого можно избежать.

2. Разработаны ключевые инструменты ККР: модель кредитного рейтинга (МКР), предназначенная для прогнозирования целевого уровня КР, и система подконтрольных показателей ККР для мониторинга кредитоспособности компании. Модель МКР построена по принципу конструктора рейтингов; ее преимуществом являются предсказательная способность свыше 80 % (благодаря максимальной приближенности к методологиям РА), невысокая стоимость создания и внедрения, а также хорошее понимание метода менеджерами компаний. Разработан детальный пример МКР для компании химической отрасли, включающий перечень составляющих переменных, порядок их расчета и правила принятия решений по ним.

3. В рамках исследования системы подконтрольных показателей ККР для предприятия химической отрасли разработаны примеры: алгоритма построения системы; карты логических взаимосвязей различных аспектов деятельности компании для трансформации задач поддержания КР в подконтрольные показатели; перечня подконтрольных показателей различных уровней с объяснением правил их расчета; контрольных процедур для мониторинга фактических значений подконтрольных показателей.

Список литературы

1. 1971–2025: курсы валют, мировые цены на сырье, курсы акций / под ред. д-ра экон. наук, профессора Я. М. Миркина. – М.: Магистр, 2015. – 592 с.
2. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация экономики и проблема импортозамещения: роль и задачи информационной индустрии / С. Д. Бодрунов // Вестник российского экономического университета им. Плеханова. – 2015. – №4 (82).
3. Бодрунов, С. Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – №4 (46).
4. Гришунин, С. В. Организация процесса сопровождения кредитных рейтингов в компании на основе концепции контроллинга / С. В. Гришунин, С. Б. Сулоева // Контроллинг. – 2016. – №1.
5. Карминский, А. М. Кредитные рейтинги и их моделирование / А. М. Карминский. – М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2015. – 304 с.
6. Карминский, А. М. Методические вопросы построения конструктора динамических рейтингов / А. М. Карминский // Вестник машиностроения. – 2008. – № 3. – С. 80–84.
7. Карминский, А. М. Модели корпоративных рейтингов для развивающихся рынков / А. М. Карминский // Корпоративные финансы. – 2011. – № 3. – С. 19–29.

8. Карминский, А. М. Рейтинги как мера финансовых рисков: Эволюция, назначение, применение / А. М. Карминский, А. А. Пересецкий // Журнал новой экономической ассоциации. – 2009. – № 1-2. – С. 86–103.

9. Сулоева, С. Б. Стратегический контроллинг на промышленном предприятии: теория методология, инструментарий: дис. ... д-ра экон. наук / С. Б. Сулоева. – СПб., 2006.

10. Altman, E. An emerging market credit scoring system for corporate bonds / E. Altman // Emerging markets review. – 2005. – Vol. 6. – P. 311–323.

11. Committee of Sponsoring Organization of The Treadway Commission. Guidance on Enterprise Risk Management. URL: <http://www.coso.org/-ERM.htm> (дата обращения: 22.01.2016)

12. Ghodselahi, A. Amirnadhi. Application of Artificial Intelligence Techniques for Credit Risk Evaluation / A. Amirnadhi Ghodselahi // International Journal of Modeling and Optimization. – 2011. – Vol. 1(3). – P. 243–249.

13. Global Chemical Industry Rating Methodology // Moody's Investors Service. – 2013. URL: https://www.moody.com/researchdocumentcontentpage.aspx?docid=PBC_160489 (дата обращения 22.01.2015)

14. Sovereign Bond Rating // Moody's Investors Service. – 2015. URL: https://www.moody.com/researchdocumentcontentpage.aspx?docid=PBC_186644 (дата обращения: 22.01.2016)

С. А. Грачев¹, О. А. Доничев², Т. Б. Малкова³

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Инновационное развитие экономики страны является основополагающим элементом ее ускоренного функционирования в целях преодоления отставания в социально-экономическом развитии, устранения последствий мирового экономического кризиса и негативного воздействия экономических санкций.

Инновационная модель экономического роста предполагает способность не только производить новые знания, воплощенные в новые технологии, но и эффективно внедрять последние в производство, используя соответствующие виды новой техники, а для этого нужна развитая промышленная база. Не случайно в инновационной экономике лидируют страны с развитым промышленным потенциалом. Поэтому суть инновационной модернизации российской экономики заключается в обновлении промышленности на новой технологической основе, т. е. в ее реиндустриализации [1]. Совершенствование инновационной деятельности социально-экономических систем (как государства в целом, так и отдельных регионов) зависит от целого ряда факторов. По определению д-ра экон. наук, профессора О. С. Сухарева, стратегия ускоренного развития России – это поиск эффективного сочетания стимулирования инноваций и воссоздания классических производств, что само по себе формирует дополнительный спрос на новые технологии [2]. Один из основных приоритетов стратегического развития России – обеспечение высокой интегрированности экономического пространства страны за счет действия рыночных механизмов и целенаправленного государственного регулирования. При этом необходим учет нынешних реалий российской экономики, прежде всего приоритетного курса на инновационную модернизацию [3].

Подчеркнем, что деятельность региональных социально-экономических систем должна быть ориентированной на достижение позитивной динамики экономических показателей и социальных критериев конкретной территории, а также способствовать снижению дифференциации в уровне и качестве жизни в регионах. При этом меры социальной и институциональной политики, направленные на улучшение условий жизнедеятельности населения, могут оказать большее влияние на качество функционирования регионов, чем меры региональной политики [4, 5].

Социально-экономические системы субъектов Федерации представляют собой основу экономики страны. Особенно велика роль региональных и местных ресурсов, их регулирующее воздействие на развитие отраслей социальной сферы. Поэтому акти-

¹ *Сергей Александрович Грачев*, доцент кафедры экономики и управления инвестициями и инновациями Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, канд. экон. наук.

² *Олег Александрович Доничев*, заведующий кафедрой экономики и управления инвестициями и инновациями Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, д-р экон. наук, профессор.

³ *Татьяна Борисовна Малкова*, заведующая кафедрой менеджмента торговли Ивановского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, д-р экон. наук, доцент.

визация социальной, экономической и инвестиционной деятельности на региональном и муниципальном уровнях, нормативно-методическое обеспечение этого процесса и выработка эффективных рычагов привлечения к его реализации бизнеса являются главными задачами управленческой деятельности в регионах [6, 7].

В то же время федеральная региональная политика (государственное регулирование социально-экономического развития регионов) более чем за 20 лет новой российской государственности так и не оформилась в целостную нормативно-правовую концепцию. Это связано с рядом факторов, одним из значимых (как и в настоящее время) среди них является дефицит бюджета и, как следствие, отсутствие средств на стимулирование регионального развития и инвестиций в совершенствование производственной сферы и инфраструктуры [8].

Однако любая социально-экономическая система функционирует в рамках формально и неформально установленных отношений между государством, обществом и бизнесом. Роль и значение каждого участника зависят от принятых норм и правил, существующей институциональной среды. Поэтому в условиях мировых политических и экономических кризисов в России необходима активная государственная позиция в сфере регулирования социально-экономической системы [9].

Д-р экон. наук, профессор А. Швецов подчеркивает, что региональные и местные бюджеты не располагают средствами для модернизации экономики, нового строительства и масштабных инвестиций. Для развития в регионах этих направлений, а также производственно-инженерной инфраструктуры нужны новые механизмы привлечения дополнительных (внебюджетных) инвестиционных ресурсов, повышение эффективности их использования и улучшение управления инфраструктурными объектами. Таким механизмом должно стать партнерство государства и бизнеса [10].

Качество и содержание государственно-частного партнерства (ГЧП) в современных условиях постоянно совершенствуются. Главная задача – масштабное вовлечение в активную инновационную деятельность представителей науки, образования, бизнеса и общества (при лидирующей роли государства), ориентированных на кардинальную технологическую модернизацию российской экономики в посткризисный период. Необходимы государственная поддержка коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, подготовка производства и обеспечение вывода на рынок инновационной продукции, совершенствование механизмов взаимодействия участников инновационной деятельности [11]. Важнейшим организационным и политическим фактором, обеспечивающим успех инновационного развития, является совершенствование национальной инновационной системы. Однако за последние годы, несмотря на рост в экономике страны элементов инновационной инфраструктуры, ситуация в этой сфере ухудшается [12].

По мнению экспертов, задача заключается в видении перспективы развития, формировании элементов национальной инновационной системы, обеспечивающих активизацию инновационно-технологической деятельности и становление инновационной экономики, экономики знаний [13, 14, 15]. Процесс формирования инновационного развития должен быть тесно увязан с планами российской экспансии на конкретных рынках. Именно в рамках отобранных стратегий следует формировать инновационную инфраструктуру, ориентированную не только на выпуск инновационной продукции, но и на вывод продукта на потребителя. Уже на стадии целеполагания следует определить, какие нужны ресурсы и в каком объеме, содействие каких институтов необходимо для развития бизнеса [16].

Одновременно необходимы развитие региональных инновационных систем (РИС), регулирование их деятельности и ее совершенствование через взаимодействие систем нескольких регионов. Важное значение имеет инновационная сфера организаций, входящих в регион. РИС должны обеспечивать проведение экономических реформ на территориальном уровне и соответствующей инновационной политики. Особое значение приобретает формирование связей между процессами инновационного развития национальной экономики и региональной инновационной политикой [17]. Следует учитывать, что региональная инновационная среда – это прежде всего активные участники, новаторы, объединенные в своей деятельности инновационной политикой, механизмами, стратегиями развития отраслей жизнедеятельности общества, организаций и предприятий в целях повышения качества жизни населения на основе организации и осуществления процесса реиндустриализации и материализации достижений науки и техники для потребительского спроса [18].

Реиндустриализация российской экономики требует создания эффективной инновационной инфраструктуры, являющейся базой любой инновационной сферы. Эта инфраструктура должна формироваться на основе методов экономики знаний и инноватики. Последовательное освоение новых технологий и видов продукции, переходы на новые технологические уклады являются неперенными условиями успешного развития социально-экономических систем [19].

Стержнем новой экономической модели должно стать восстановление ведущей роли реального сектора (в первую очередь – промышленности), индустриализация экономики на базе преимущественного развития высоких технологий. В реиндустриализационную парадигму полностью вписывается решение задачи импортозамещения [20, 21].

Значительные изменения, обуславливающие поступательное развитие региона, невозможны без участия каждой составляющей региональной инновационной сферы, поскольку баланс и четко налаженные связи всех элементов инновационного каркаса региона определяют возможности его движения к инновационной экономике, решения проблем реиндустриализации и импортозамещения. Задача осложняется отсутствием порой необходимой инновационной инфраструктуры, низкой заинтересованностью бизнеса во внедрении инноваций и недостаточностью финансирования [22].

В условиях энергодефицита и ограниченного доступа к важнейшим ресурсам резко возрастает роль РИС в обеспеченности экономического развития территорий. Как показывают исследования, экстремально высокие различия в энергоемкости валового регионального продукта регионов объясняются не только их структурными и природно-климатическими особенностями, но и уровнем развития региональных инновационных процессов [23].

Импортозамещение на основе роста отечественного производства изменит структуру российской экономики. На первом этапе предстоит частично вернуть отечественной продукции собственный рынок, а по мере роста конкурентоспособности продукции переходить к экспортно-ориентированному ее производству. Инновации и инвестиции – главный фактор восстановления экономического роста страны, компенсирующий удешевление ресурсов на мировом рынке [24].

Задача импортозамещения – заполнить определенные рыночные ниши отечественными товарами, отвечающими российским потребностям. Это позволит снизить зависимость нашей экономики от сырьевой составляющей. Результатом этой работы должен стать отбор качественных товаров, способных конкурировать с импортными

аналогами [25]. Решение задачи импортозамещения путем простого расширения масштабов производства или копирования зарубежных образцов невозможно. Выпуск на рынок конкурентоспособной продукции требует разработки и внедрения инновационных технологий. Кроме того, импортозамещающая продукция должна быть юридически чистой и иметь надежную правовую охрану [26].

Таким образом, анализ показал, что состояние инновационного развития социально-экономических систем на федеральном, региональном и на уровне федеральных округов существенно различается. Это связано, в частности, с природными, историческими, экологическими и социальными особенностями регионов, что формирует особенности округов и влияет на общероссийские показатели. Как уже отмечалось, у регионов и муниципальных образований в большинстве случаев нет средств на развитие инноваций, новое строительство и реиндустриализацию обрабатывающих отраслей, поэтому в ходе проведения мероприятий по импортозамещению следует развивать сотрудничество государства и бизнеса при ведущей финансовой и организующей роли органов власти, координирующих действия всех участников инновационного процесса региона.

Для определения тенденций и направлений инновационной деятельности социально-экономических систем, способных стимулировать процессы реиндустриализации и импортозамещения, выполним факторный анализ их зависимостей от статистических индикаторов, характеризующих инновационное развитие Российской Федерации (РФ), Центрального федерального округа (ЦФО) и одного из его регионов – Владимирской области как наиболее типичной территории центральной России.⁴ За результирующий показатель, отражающий качество инновационной деятельности, примем объем отгруженных инновационных товаров. Выбор оцениваемых индикаторов, а также их значения за установленный интервал времени представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Исходные данные для факторного анализа

Обозначение	Наименование
X1	Организации, выполняющие научные исследования и разработки
X2	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками
X3	Внутренние затраты на научные исследования и разработки
X4	Организации, ведущие подготовку аспирантов
X5	« « « докторантов
X6	Разработанные передовые производственные технологии
X7	Используемые » » »
X8	Инновационная активность организаций
X9	Затраты на технологические инновации
Y	Объем инновационных товаров, работ, услуг

Факторный анализ является многомерным методом, применяемым для изучения взаимосвязей значений переменных.⁵ Основные задачи, решаемые при помощи фак-

⁴ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.

⁵ Факторный, дискриминантный и кластерный анализ; пер. с англ.: Дж.-О. Ким, Ч. У. Мьюллер, У. Р. Клекка. М.: Финансы и статистика. 1989. 216 с.

торного анализа: отбор факторов, определяющих исследуемые результативные показатели; классификация и систематизация факторов с целью обеспечения комплексного и системного подхода к исследованию их влияния на результаты хозяйственной деятельности; определение формы зависимости между факторами и результативными показателями; моделирование взаимосвязей факторов и результативных показателей.

$$x_i = \sum_{j=1}^m l_{ij} f_j + \varepsilon_i; \quad i = \overline{1, p}; \quad m < p. \quad (1)$$

Основная модель факторного анализа отображается системой равенств: Это означает, что значения каждого признака x_i могут быть выражены взвешенной суммой латентных переменных (простых факторов) f_j , количество которых меньше числа исходных признаков, и остаточным членом ε_i с дисперсией $\sigma^2(\varepsilon_i)$, действующей только на x_i , который называют специфическим фактором. Коэффициенты l_{ij} называются нагрузкой i -й переменной на j -й фактор или нагрузкой j -го фактора на i -ю переменную. В самой простой модели факторного анализа считается, что факторы f_j взаимно-независимы и их дисперсии равны единице, а случайные величины ε_i тоже независимы друг от друга и от какого-либо фактора f_j . Максимально возможное количество факторов m при заданном числе признаков p определяется неравенством

$$(p + m) < (p - m)^2, \quad (2)$$

которое должно выполняться, чтобы задача не вырождалась в тривиальную. Данное неравенство получается на основании подсчета степеней свободы, имеющих в задаче. Сумму квадратов нагрузок в формуле основной модели факторного анализа называют общностью соответствующего признака x_i , и чем больше это значение, тем лучше описывается признак x_i выделенными факторами f_j .

Таблица 2

Значения показателей для факторного анализа

Годы	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	Y
	Российская Федерация									
2005	3566	813207	230785,2	1473	533	637	140983	9,7	143222,6	5
2006	3622	807066	288805,2	1493	535	735	168311	9,9	211392,7	4,7
2007	3957	801135	371080,3	1490	579	780	180324	10	234057,7	4,6
2008	3666	761252	431073,2	1529	593	787	184374	9,4	307186,9	5
2009	3536	742433	485834,3	1547	598	789	201586	9,3	399122	4,5
2010	3492	736540	523377,2	1568	602	864	203330	9,5	400803,8	4,8
2011	3682	735273	610426,7	1570	608	1138	191650	10,4	733816	6,3
2012	3566	726318	699869,8	1575	597	1323	191372	10,3	904560,8	8
2013	3605	727029	749797,6	1557	585	1429	193830	10,1	1112429,2	9,2
2014	3604	732274	847527	1519	478	1409	204546	9,9	1211897,1	8,7

Годы	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	Y
<i>Центральный федеральный округ</i>										
2005	1393	408330	120183,2	649	240	200	46683	10,3	30869,1	5,6
2006	1426	411958	155694,8	648	247	261	58929	10,4	48751,2	3,7
2007	1536	415522	206465,2	645	249	284	64263	10	46123,9	3,9
2008	1445	396272	238761,9	655	252	314	60124	9,4	62633,9	4,7
2009	1383	385392	277118,3	666	261	277	67880	8,8	96973,4	4,4
2010	1358	381795	288960	668	254	361	68945	8,6	103963	4,3
2011	1365	380363	331758,9	654	248	411	63078	10,2	275677,1	5,5
2012	1318	373461	369069,5	657	245	382	62796	10,9	304871,5	10,2
2013	1327	375087	398597,2	649	238	509	60829	10,7	305199,2	11,4
2014	1313	381047	447161,2	616	179	429	65591	10,9	377883,3	9,6
<i>Владимирская область</i>										
2005	35	7913	1463,1	6	2	11	1653	10,7	673,5	4
2006	32	7640	1514,3	6	2	14	1863	16,4	1333,9	7,3
2007	30	7453	2163,3	6	2	16	2554	10,8	1857,1	3,1
2008	30	7075	2965,2	6	2	18	2835	8,2	1962,8	3,1
2009	25	6638	2858	6	3	7	3368	10,2	3204	3,2
2010	25	4871	2478,9	6	4	4	2972	9,5	2613,1	2,3
2011	24	5131	2792,9	6	4	9	3239	10,8	3314,9	7,4
2012	23	4959	3486,7	5	3	7	3211	12,8	3849,9	10,6
2013	22	4919	3647,8	5	3	3	3310	10,7	4720,8	9,4
2014	25	5684	3878,4	5	2	11	3446	12,6	5906,6	8,3

Отметим, что все выбранные статистические данные имеют схожие тенденции изменения на всех анализируемых уровнях. Однако результаты факторного анализа различны. Так, на общестрановом уровне (табл. 3) значимыми для анализа являются переменные X2...X7, X9 (они выделены жирным шрифтом), с их помощью можно описать около 0,77 общей изменчивости оцениваемого явления (инновационная деятельность), что подтверждается совокупной долей дисперсии явления.

Таблица 3

Результаты факторного анализа на уровне РФ

X1	0,302817	0,428810
X2	0,958870	0,259614
X3	-0,963856	-0,477234
X4	-0,834248	0,201336
X5	-0,178068	-0,709138
X6	-0,910300	0,390359

Окончание табл. 3

X7	-0,807069	-0,295888
X8	-0,399567	0,624265
X9	-0,908533	0,377704
Expl. Var.	5,132917	1,794742
Prp. Totl.	0,570,24	0,199416

На уровне ЦФО (табл. 4) набор значимых показателей меняется. Значимыми являются X1...X4, X6, X8, X9, с помощью которых можно оценить около 82 % общей изменчивости явления (инновационная деятельность). Таким образом, уже на уровне округа X5 и X7 не значимы, в то время как X1 и X8 становятся важными.

Таблица 4

Результаты факторного анализа на уровне ЦФО

X1	0,794111	0,166088
X2	0,819254	0,512422
X3	-0,959890	-0,211232
X4	0,459648	-0,809106
X5	0,667199	-0,613261
X6	-0,887442	-0,208821
X7	-0,368104	-0,639158
X8	-0,501679	0,718961
X9	-0,982788	0,033873
Expl. Var.	5,020217	2,335705
Prp. Totl.	0,557802	0,259523

На региональном уровне, представленном Владимирской областью (табл. 5), значимы все показатели, кроме X8. С их помощью можно оценить порядка 81 % общей изменчивости явления. Обобщенные результаты представлены в табл. 6.

Таблица 5

Результаты факторного анализа на уровне Владимирской области

X1	0,975730	0,078797
X2	0,936250	0,188838
X3	-0,889408	0,310700
X4	0,700917	-0,621538
X5	-0,608591	-0,726583
X6	0,717371	0,346475
X7	-0,915321	-0,012612
X8	0,165983	0,567541
X9	-0,895008	0,377860
Expl. Var.	5,662354	1,637721
Prp. Totl.	0,629150	0,181969

Обобщенные результаты факторного анализа

Уровень анализа	Значимые факторы	Незначимые факторы	Регрессионная модель с учетом результатов факторного анализа
РФ	X2...X7, X9	X1, X8	$Y=6,466393+0,003289X6-0,000028X7+0,000003X9$
ЦФО	X1...X4, X6, X8, X9	X5, X7	$Y=16,3780-0,0001X9+5,0656X8-0,0003X2+0,00001X3-0,0696X4$
Владимирская область	X1...X8	X9	$Y=23,7336-12,4223X4+0,4982X8+7,2031X5+0,4618X6+0,0037X2$

На основе полученных моделей был осуществлен расчет результирующего показателя на всех уровнях за 2014 г. (табл. 7).

Таблица 7

Прогнозируемое значение результирующего показателя

Прогнозное значение Y, исчисленное из модели		Фактическое значение Y	Отклонение фактического значения от прогнозного, исчисленного по модели	
РФ	Владимирская область		РФ	Владимирская область
6,4	8,4	8,3	+1,9	-0,1

Результаты исследования говорят о значительных различиях в показателях инновационного развития регионов, что сильно влияет на результаты факторного анализа на различных уровнях учета. Кроме того, если при оценке перспектив инновационного развития на федеральном уровне не учтены особенности регионального внедрения инноваций, то корректное и объективное прогнозирование инновационной составляющей социально-экономического развития невозможно. Если при прогнозировании не учитываются региональные факторы инновационного роста, недостаточно значимые для общегосударственного уровня (количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки, инновационная активность организаций), то полученное значение не отражает существующие тенденции и не может применяться при планировании направлений социально-экономического развития. При оценке применения значимых факторов федерального уровня для определения потенциального значения результирующего индикатора (доли объема инновационной продукции в общем объеме произведенной продукции) абсолютное отклонение составило 1,9 %, относительное – 23 %. В то же время, согласно расчетам, модель, построенная с учетом факторов, значимых для регионального уровня, дает значение результирующей величины, отличное от фактического всего на 0,1 %, а относительное отклонение – около 1 %, т. е. более близкое к фактически существующему.

Это означает, что планирование социально-экономического и инновационного развития в общегосударственном масштабе должно опираться на данные по конкрет-

ным регионам, которые формируются путем выделения значимых факторов на данных территориях. При отсутствии такой информации показатели инновационного развития регионов могут резко отличаться от запланированных индикаторов. Это делает сомнительной целесообразность процедуры планирования.

Список литературы

1. *Бодрунов, С. Д.* Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. – 2013. – №1. – С. 19–49.
2. *Сухарев, О. С.* Управление промышленностью: базовые принципы и текущие состояния / О. С. Сухарев // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – №1. – С. 22–39.
3. *Бахтизин, А. Р.* Выравнивание регионов России: иллюзии программы и реалии экономики / А. Р. Бахтизин, Е. М. Бухвальд, А. В. Кольчугина // Вестник института экономики РАН. – 2016. – №1. – С. 76–91.
4. *Орлов, С. Н.* Социальная инфраструктура региона / С. Н. Орлов, Н. М. Логачева // Экономическое возрождение России. – 2015. – №1. – С. 169–174.
5. *Асаул, А. Н.* Моделирование живых систем / А. Н. Асаул, П. Б. Люлин // Экономическое возрождение России. – 2012. – №2. – С. 36–41.
6. *Ростанец, В.* Проблема консолидации процессов межрегионального и межмуниципального экономического сотрудничества: возможные подходы к исследованию / В. Ростанец, А. Топилин, П. Бурак // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – №7. – С. 22–27.
7. *Асаул, М. А.* Функции и инструментарий саморегулирования в отраслях и отдельных видах экономической деятельности / М. А. Асаул, Е. И. Рыбнов // Экономическое возрождение России. – 2011. – №3. – С. 43–49.
8. *Кузнецова, О. В.* Пирамида факторов социально-экономического развития регионов / О. В. Кузнецова // Вопросы экономики. – 2013. – №2. – С. 121–131.
9. *Мочальников, В. Н.* Модель государственного регулирования социально-экономической системы / В. Н. Мочальников, М. Е. Анохина // Вестник института экономики РАН. – 2014. – №4. – С. 134–151.
10. *Швецов, А.* Государственно-частные партнерства и инфраструктурные проекты регионального развития / А. Швецов // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – №3. – С. 19–29.
11. *Емельянов, Ю.* О развитии партнерских взаимоотношений государства, науки, образования и бизнеса / Ю. О. Емельянов // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – №1. – С. 56–65.
12. *Голиченко, О. Г.* Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России / О. Г. Голиченко; ЦЭМИ РАН. – М.: Наука, 2011. – 634 с.
13. *Рудской, А. И.* Инноватика: вопросы теории и кадрового обеспечения инновационной деятельности / А. И. Рудской, И. Л. Туккель // Инновации. – 2015. – №11. – С. 3–11.
14. *Асаул, А. Н.* Проблемы инвестиционно-строительной деятельности / А. Н. Асаул // Материалы конференции «Глобальная перестройка мирового порядка»: науч. тр. ВЭО России. – 2015. – Т.190. – С. 253–266.
15. *Асаул, А. Н.* Практическая направленность инновационной деятельности в строительстве / А. Н. Асаул // Научные труды ВЭО России. – 2015. – Т.192. – С. 196–211.
16. *Фонотов, А. Г.* Национальная инновационная система России: состояние и перспективы развития / А. Г. Фонотов, Е. А. Кашинова // Инновации. – 2015. – №11. – С. 25–29.

17. *Рубан, Д. А.* Функции региональных инновационных систем: систематизация представлений российских специалистов / Д. А. Рубан // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – №1. – С. 113–119.

18. *Новоселов, С. В.* Основы механизма формирования и развития инновационной сферы в условиях региона / С. В. Новоселов, А. А. Максименко // Инновации. – 2015. – №10. – С. 88–94.

19. *Колбачев, Е. Б.* Инновационная инфраструктура в условиях новой индустриализации: применение методов инноватики / Е. Б. Колбачев, М. В. Передрий, А. В. Ефимов // Инновации. – 2015. – №11. – С. 56–63.

20. *Бодрунов, С. Д.* Модернизация экономики и бюджетная политика / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – №4. – С. 43–47.

21. *Бодрунов, С. Д.* Какая индустриализация нужна России // «Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики»: сб. материалов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2015). – М.: Культурная революция, 2015. – С. 25–44.

22. *Кочиева, А. К.* Трансфер технологий как фактор развития региональной инновационной системы / А. К. Кочиева // Инновации. – 2015. – №11. – С. 50–55.

23. *Ратнер, С. В.* Влияние региональных инновационных систем на успешность реализации программ по энергосбережению и повышению энергоэффективности / С. В. Ратнер // Инновации. – 2015. – №7. – С. 60–69.

24. *Фальцман, В. К.* Импортозамещение в отраслях экономики России / В. К. Фальцман // Проблемы прогнозирования. – 2015. – №5. – С. 52–62.

25. *Звягинцев, П. С.* Государственные программы как фактор инновационного развития и импортозамещения в России / П. С. Звягинцев // Вестник института экономики РАН. – 2015. – №6. – С. 44–55.

26. *Шувалов, С. С.* Возможности контрактной системы в реализации политики импортозамещения / С. С. Шувалов // Вестник института экономики РАН. – 2016. – №1. – С. 104–116.

РЕФЕРАТЫ

УДК 330.354. С. Д. Бодрунов. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты. Из сравнительного анализа экономических теорий и опыта экономического развития разных стран следует, что основой экономики всегда является материальное производство. Ключевым звеном каждого элемента производства являются знания, увеличение относительной доли которых во всех компонентах производства и в продукте приводит к их качественным изменениям. Рост знаниеемкости продукта обуславливает формирование знаниеинтенсивного производства, переход на новую ступень развития индустриального общества (НИО.2). Базовые сферы экономики НИО.2 – знаниеинтенсивное материальное производство, наука, образование и культура, интегрированные в единый комплекс. В условиях генезиса новой индустриальной экономики необходимы изменения в системе экономических отношений и институтов (активная государственная промышленная политика, инвестиционное государственно-частное партнерство, приоритизация институтов, обеспечивающих условия для инновационного развития) на основе комплексного системного плана новой индустриализации.

Ключевые слова: экономическое развитие, материальное производство, новое индустриальное общество, знаниеемкость, знаниеинтенсивность, государственная промышленная политика.

УДК 352.354. А. В. Бузгалин. Социально-экономическое возрождение России: диалектика внутренней и внешней политики. Характеризуются основные направления политики России при переходе к новой социально-экономической модели развития. В области внешней политики ключевым должно быть взаимодействие с участниками мировой арены, которые стремятся снять базовые угрозы и отстаивать альтернативные «правила игры» на мировом экономическом,

ABSTRACTS

S. D. Bodrunov. New industrial society. Production. Economy. Institutions. Comparative analysis of economic theories and economic development of different countries informs the author's assertion that the economy is always based on material production. Knowledge permeates every element of material production. Accelerated increase in the relative share of knowledge in all production components and the product itself results in qualitative changes in the production process and the industrial product. The steadily growing share of knowledge in a product underlies knowledge intensive production and the transition to a new stage of industrial society development (NIS.2). Fundamental areas of the NIS.2 economy include knowledge intensive material production, science, education and culture integrated into a single complex. The genesis of a new industrial economy requires changes in the system of economic relations and institutions, including the formation of a comprehensive conceptual platform of active state industrial policy, promotion of public private investment partnership, prioritization of institutions responsible for innovative development support and adoption of a complex systemic plan of new industrialization.

Keywords: economic development, material production, new industrial society, knowledge capacity, knowledge intensity, state industrial policy.

A. V. Buzgalin. Russian social and economic revival: domestic and foreign policy dialectics. In the article is identified the main directions of internal and foreign policy of Russia for transition to a new socio-economic model. In the field of foreign policy the key principle must be the interaction with the participants of the global arena, seeking to remove the basic threats and defend alternative «rules of the game» in the global economic, social and political fields. In the internal policy the author offers a socially

социальном и политическом полях. Во внутренней политике предлагается социально ориентированная модель экономического развития, опирающаяся на передовое производство и исходящая из экосоциогуманитарных приоритетов. Ключевые ориентиры – развитие умного производства, интеграция производства, науки и образования, развитие культуры – одного из главных драйверов новой экономики. Рассматриваются средства реализации намеченных целей.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, Россия, внутренняя и внешняя политика, реиндустриализация, умное производство, интеграция производства, науки и образования, культура как драйвер новой экономики.

УДК 330.354. Ю. Ю. Болдырев. Институциональное обеспечение реиндустриализации России в условиях недружественного окружения. Рассматривается проблема институционального обеспечения реиндустриализации России в условиях недружественного внешнего окружения на длительную обозримую перспективу. Освещаются вопросы идейного контекста реформ; исключения паразитических звеньев из экономической и социальной систем и государственного управления; изменения функций и механизма управления Центральным банком, банковско-финансовой системой, а также предприятиями-монополистами, которые автор относит к инфраструктуре обеспечения промышленного развития; отношения к ВТО; формирования ответственной системы государственного управления и др.

Ключевые слова: реиндустриализация, идейный контекст, Центральный банк, финансовая система, ВТО, система государственного управления.

УДК 352.354. Е. Б. Ленчук. Технологический вектор новой индустриализации в России. Рассматривается основное содержание новой индустриализации для России. Обосновывается целесообразность актуализации технологического аспекта промышленной политики России в виде разработки стра-

oriented economic development model, based on advanced production and ruled by eco-socio-humanitarian priorities. The key reference points for such a model are the development of smart production and smart factories, integration of production, science and education, as well as the development of culture as one of the main drivers of the new economy. The author also names the means of implementing the objectives.

Keywords: socio-economic development, Russia, internal and foreign policies, re-industrialization, smart factory, smart production, the integration of production, science and education, culture as a driver of the new economy.

Y. Y. Boldyrev. Institutional support of Russia's reindustrialization under hostile conditions. The article is devoted to institutional provision of the reindustrialization in Russia in the condition of the hostile external environment for a long time in the future. The author raises such questions as the ideological context of reform; the exclusion of parasitic elements from the economic and social systems and public administration; the changes in the functions of the Central Bank and control mechanisms over it and the banking and financial system; the changes in the function and mechanism of management of the so-called natural monopolies, which must be considered not as free business, but as infrastructure for industrial development; the relations with the WTO; the creation of the public administration system.

Keywords: reindustrialization, ideological context, Central Bank, financial system, WTO, public administration.

E. B. Lentchuk. Technology vector of new industrialization in Russia. The article discusses the main content of the new industrialization of Russia. The expediency of actualization the technological aspects of Russia's industrial policy is justified in the form of strategy for scientific and technological development, which

тегии научно-технологического развития, определяющей основные приоритеты развития, механизмы и ресурсы для их реализации. Акцентируется внимание на включении стратегии в систему документов стратегического планирования.

Ключевые слова: новая индустриализация, промышленная политика, стратегия научно-технологического развития, научно-технологические приоритеты, стратегическое планирование.

УДК 352.354. Р. С. Гринберг. Размышления об экономике и геополитике. Размышляя о неопределенности будущего в экономике и политике, автор утверждает, что мировая экономика, действительно, единая и требует общего регулятора. Однако, прежде нужно остановить такую геополитику, когда наши победы – это обязательно поражение другого; в мире необходим морально-этический консенсус. Для России безальтернативным вариантом выживания являются мегапроекты, прежде всего – строительство дорог, стягивающих пространство, и без государственных инвестиций (при всех рисках) здесь не обойтись. А для осуществления реальных перемен необходима активная гражданская позиция.

Ключевые слова: экономика, мегапроекты, геополитика, морально-этический консенсус, риски.

УДК 65.01. А. Е. Карлик. Оборонная промышленность как драйвер российской экономики. Рассматривается роль оборонной промышленности в качестве драйвера российской экономики. Развитие оборонно-промышленного комплекса (ОПК) являлось одним из направлений преодоления кризисных явлений в разных странах. Предприятия ОПК способствуют решению проблемы занятости; ОПК обеспечивает безопасность страны, играет важную роль в развитии науки и технологий, инновационного сектора; задает спрос на инженерное образование, стимулирует развитие ряда отраслей; вносит вклад в экспортную составляющую; совокупный вклад отрасли в ВВП – 14...15 % (по 2013 г.).

determines the basic scientific and technological priorities, mechanisms and resources to implement them. The attention is focused on the need to incorporate scientific and technological development strategy in the strategic planning documents.

Keywords: new industrialization, industrial policy, scientific and technological development strategy, research and technological development priorities, strategic planning.

R. S. Grinberg. Ruminations on economy and geopolitics. The author discusses uncertain economic and political future and concludes that world economy is a single organism that requires a common regulator, especially due to the ongoing accelerated technological changes. First and foremost, however, we need to abandon current geopolitics under which our victories translate into someone's defeat. The world needs to come to a moral and ethical consensus. Russia's survival depends solely on megaprojects, especially in road construction (railroads, highways), that would facilitate infrastructure development, which requires state investments in spite of concurrent risks. And real changes cannot be introduced without an active civil stance.

Keywords: economy, megaprojects, geopolitics, moral and ethical consensus, risks.

A. E. Karlik. Defense industry as the Russian economic driver. The author analyzes the role of defense industry as the driver of the Russian economy and shows that in a number of countries the development of defense industrial complex (DIC) was used to overcome the recession. DIC enterprises bring down unemployment, constitute a national security mechanism, play an important part in the development of science, technology and the innovative segment, form the demand for engineers, stimulate the development of several areas of the economy and contribute to national export. As at 2013, DIC accounted for 14...15 % of Russia's GDP.

Keywords: defense industrial complex, economy driver, DIC financing, GDP share, arms export.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, драйвер экономики, финансирование ОПК, вклад в ВВП, экспорт вооружений.

УДК 352.354. Р. М. Нуреев. От старой индустриализации к новой. Распад и крушение колониальной системы, подъем национально-освободительного движения в афро-азиатских странах сделали феномен развития предметом самостоятельного исследования. Однако довольно скоро стало очевидным, что индустриализация в XX в. будет отличаться от классической индустриализации в развитых странах в конце XVIII–XIX вв. Теоретики постиндустриального общества подчеркивали, что новый этап не является индустриализацией как таковой. Однако оказалось, что формирование новой экономики невозможно без создания соответствующей системы производительных сил, которые должны опираться на науку и научные достижения.

Ключевые слова: индустриализация, постиндустриальное общество, догоняющее развитие, неоиндустриализация.

УДК 330.354. В. Т. Рязанов. Социализация финансов и ее роль в неоиндустриальном развороте России. На основе анализа современной экономической ситуации в мире и России сделан вывод о сохранении в посткризисный период доминирования спекулятивно-финансового капитала в экономической модели. Обосновывается необходимость разработки и реализации программы социализации финансов для преодоления существующих диспропорций и спекулятивных искажений в экономике. Важность программы определяется возможностью формирования новой модели смешанной экономики, а для России данная программа выступает ключевым условием диверсификации экономики и проведения политики неоиндустриализации страны.

Ключевые слова: финансовый капитал, спекулятивные операции, реформы в финансовой сфере, социализация финансов, смешанная экономика, неоиндустриализация.

R. M. Nureev. Reinventing industrialization. The disintegration and collapse of the colonial system, the rise of the national liberation movement in the Afro-Asian countries have made the phenomenon of the development as subject of a separate study. However, it quickly became apparent that industrialization in the XX century differs from the classical industrialization in the developed countries at the end of XVIII–XIX centuries. Scientists of post-industrial society were trying to point out that a new stage is not industrialization itself. Later it became apparent that the creation of the new economy is impossible without the creation of an appropriate system of productive forces. Another thing is that these productive forces are based on science and scientific achievements.

Keywords: industrialization, post-industrial society, overtaking development, neo industrialization.

V. T. Ryazanov. Socialization of finance and its role in Russia's neoindustrial shift. On basis of the analysis of contemporary economic situation in the world and Russia is made the conclusion about retention in the post-crisis period of the domination of speculative-financial capital in the economic model. For overcoming of the existing disproportions and speculative distortions in the economy is based the need for development and implementation of the program of the socialization of finances. Its importance is determined by the possibility of the formation of the new model of the mixed economy, and for Russia this program comes out as the key condition of diversifying of economy and conducting of the policy of neoindustrialization of the country.

Keywords: financial capital, speculative operations, reform in the financial sphere, the socialization of finances, the mixed economy, neo-industrialization.

УДК 330.354. В. Т. Третьяков. Почему такая богатая страна, как Россия, имеет такую плохую экономику? Автор считает, что и раньше, и сегодня политика и идеология доминируют над экономикой, что политика и психология людей выше экономической науки. Анализ политической истории страны и современной политики подтверждает возможность экономического рывка. Но для этого необходимо изменить экономическую политику, что невозможно без смены правительства. Нельзя создавать экономику знаний и одновременно – конвейер по отправке обладателей знаний на Запад. Подчеркивается, что главное сражение идет сегодня за формирование человека с новыми потребностями, и ведущая роль в этой борьбе принадлежит общественным наукам.

Ключевые слова: экономика, политика, формирование нового человека, экономический подъем, роль правительства.

УДК 332.354. В. А. Шамахов. Подготовка управленческих кадров для новой экономики. Дается определение новой экономики как экономики знаний. Показано, что экономическое возрождение страны невозможно без перестройки системы восприятия действительности лицами, вырабатывающими государственную политику. На современном этапе система государственного и общественного управления должна удовлетворять трем основным требованиям: открытость, четкость выполнения команд, ориентация на результат. Описан опыт внедрения в Северо-Западном институте управления Президентской академии инновационной модели подготовки кадров для государственного и общественного управления (ее структура и методы обучения).

Ключевые слова: новая экономика, возрождение страны, система государственного и общественного управления, инновационная модель, подготовка управленческих кадров.

УДК 350.354. Дж. Къеза. Ответ России вызовам экономического и политического кризисов мировой системы. Анализируется ситуация в мировой экономике: замедление

V. T. Tretyakov. Why does rich Russia have such poor economy? The author believes that politics and ideology have prevailed over the economy, and politics and human psychology triumph over economics. The analysis of Russia's political history and modern politics confirms that an economic breakthrough is possible, but it necessitates a change in economic policy which cannot happen without the change of government. As long as carriers of knowledge keep moving to the West, it is pointless to work on creating a knowledge-based economy. The article emphasizes that the main contention point is currently the formation of people with new wants, and social sciences play a key part in this battle.

Keywords: economy, politics, formation of a new human type, economic recovery, government role.

V. A. Shamakhov. Training managers for the new economy. The author defines new economy as knowledge-based economy and shows that Russia's economic revival is conditional upon the transformational change in the mentality of state policy makers. In this day and age, the system of state and public administration should meet the following basic criteria: transparency, precise execution of orders and result orientation. The article describes the implementation of the system (its structure and methodology) at the North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Keywords: new economy, national revival, system of state and public administration, innovative model, manager training.

G. Chiesa. Russia's response to global economic and political crises. The author assesses the current situation in the world economy, including the slowdown in global economic

роста, обвал спроса на сырьевые товары, перемещение капитала из развивающихся стран в промышленно развитые. Россия должна учитывать эту ситуацию при разработке стратегии экономического возрождения. Следует отказаться от традиционных финансовых мер, надежды на самоорганизацию рынка и т. д. Необходимо также отказаться от парадигмы рыночной экономики, не повторять опыт 1998–2008 гг. и постепенно выходить из долларовой зависимости. Естественным союзником здесь является Китай.

Ключевые слова: замедление роста мировой экономики, экономическое возрождение России, стратегические изменения, отказ от западной модели доминирования доллара.

УДК 330.354. О. Н. Смолин. Образование и глобальный контекст российской модернизации. В связи с перспективами перехода к информационному обществу в экономическом развитии государств происходят качественные изменения. В условиях постиндустриальной системы ведущую роль играет воспроизводство человеческого потенциала и прежде всего – образование как фундамент общественной жизни. Рассматривается Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (ФЗ № 273 от 29.12.2012 г.) как основа действующей модели образовательного законодательства. Дается подробный анализ статей закона с точки зрения влияния (позитивного или негативного) на деятельность образовательных учреждений всех видов; на социальное положение педагогов, учащихся и родителей (систему оплаты труда, платные услуги, стипендии, льготы и компенсации) и пр. После вступления закона в силу по инициативе депутатов (в том числе и автора) были приняты законопроекты по внесению в него изменений, и отдельные положения закона были скорректированы.

Ключевые слова: образование, человеческий потенциал, постиндустриализм, модель законодательства, ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

growth, sharp decline in demand on raw materials and migration of capital from developing to developed countries. Russia needs to take these factors into account when devising its economic revival strategy and, therefore, should abandon traditional financial measures, hopes for market self-regulation, etc., as well as the market economy paradigm, and instead strive to avoid reliving the 1998–2008 experience and gradually lift its dollar dependency. China is Russia's natural ally under these circumstances.

Keywords: slowdown in global economic growth, economic revival of Russia, strategic changes, rejection of the Western model and dollar domination.

O. N. Smolin. Education and global context of Russian modernization. Prospective transition to the information society results in qualitative changes in state economic development. Reproduction of human potential and, first and foremost, education as the pillar of social life play a key role in the postindustrial system. The Federal Law on Education in the Russian Federation (No. 273-FZ of Dec. 29, 2012), the foundation of the current model of education legislation, is analyzed in detail from the perspective of its influence (positive and negative) on the operations of all types of educational institutions (kindergartens, vocational schools, correctional and advanced training facilities), social status of educators, students and parents (wage system, paid services, stipends, benefits and compensations), etc. The author emphasizes that once the law took effect, State Duma deputies (including him) introduced a number of amendments, and some clauses of the Law were adjusted. Flaws in the legislation could have been eliminated had deputies' amendments been approved in a timely manner.

Keywords: education, human potential, postindustrialism, legislation model, Federal Law on Education in the Russian Federation.

УДК 330.354. А. А. Золотарев, А. И. Колганов. Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики. Выполнен обзор выступлений на Втором Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК-16), проходившем 22 марта 2016 г. Основная тема конгресса – проблемы и пути переориентации экономической политики России на обеспечение приоритетного развития высокотехнологичного производства (интегрированного с современной наукой, инженерно-техническим творчеством, образованием) и достижение социальных целей. Дается краткое изложение основных подходов видных ученых к обсуждавшимся проблемам: С. Д. Бодрунова, С. Ю. Глазьева, Р. С. Гринберга, О. Н. Смолина, Ю. Ю. Болдырева, В. Т. Рязанова, В. А. Шамахова, А. Е. Карлика, В. Т. Третьякова, Дж. Къеза, А. В. Бузгалина.

Ключевые слова: СПЭК-16, переориентация экономической политики, высокотехнологичное производство, интеграция производства, науки и образования, социальная политика.

УДК 330.354. В. Б. Сироткин. Циклы капиталистического накопления: от материальной экспансии к финансовой. Рассмотрены материальная и финансовая фазы в американском цикле капиталистического накопления, стратегии и структуры накопления капитала. Показано, что центр современного капитализма вряд ли позволит России занять достойное место в глобальном разделении труда.

Ключевые слова: капитализм, режимы накопления, стратегии, структуры, фазы экспансии, логика власти.

УДК 330.24.1. А. А. Никонова. Системная реализация национальных преимуществ и факторы подъема российской экономики. Конкурентные преимущества по объему энергетических ресурсов и уровню образованности кадров рассматриваются как основа устойчивого роста в России в контексте современных внутренних проблем. Определены экономические, институциональные технологические и социальные барьеры, пре-

A. A. Zolotarev, A. I. Kolganov. Foresight Russia: New Production for New Economy. Authors review the papers presented at the Second St. Petersburg International Economic Congress (SPEC-16) held on March 22, 2016. The Congress focused on issues pertaining to the reorientation of Russia's economic policy towards the prioritization of high technology production (integrated with modern science, engineering and technical solutions and education) and the achievement of social goals. The article provides a brief account of the main approaches voiced by prominent scholars, such as S. D. Bodrunov, S. Y. Glazev, R. S. Grinberg, O. N. Smolin, Y. Y. Boldyrev, V. T. Ryazanov, V. A. Shamakhov, A. E. Karlik, V. T. Tretyakov, G. Chiesa, A. V. Buzgalin.

Keywords: SPEC-16, economic policy reorientation, high technology production, integration of production, science and education, social policy.

V. B. Sirotkin. Capital accumulation cycles: from material to financial expansion. Material and financial phases in American cycle of capitalist accumulation and strategies and structures of capital accumulation are scrutinized. The centre of modern capitalism will unlikely allow Russia to occupy a worthy place in the global division of labour.

Keywords: capitalism, regime of accumulation, strategies, structures phases of expansion, logic of power.

A. A. Nikonova. System exploitation of the national advantages: factors of the russian economy upgrading. Competitive advantage in energy resources and educated labor force is investigated as a basis for sustainable growth in Russia in the context of current internal problems. The economic, institutional, technological and social barriers to the efficient exploitation of energy superiority and advantage in the educated labor force have been determined as well.

пятствующим эффективному использованию энергетического превосходства и преимуществ в образованности рабочей силы. Показано, что применение постулатов системной теории к выбору управленческих решений позволит определить направления движения экономической системы в изменяющейся среде, найти сферы приложения воздействий, разработать адекватные регулирующие механизмы, повысить сбалансированность социально-экономической системы. Сделан ряд выводов с позиций системной концепции. Один из них – улучшение взаимодействия экономических агентов путем создания кластеров и инновационных экосистем.

Ключевые слова: социально-экономическая система, устойчивость, энергетические ресурсы, энергетика, человеческие преимущества, новые технологии, потенциал развития, системный подход, системные взаимодействия.

УДК 330.342. А. А. Пороховский. За и против «рыночной колеи» России в XXI веке. Кратко рассматриваются результаты 25-летнего развития России по рыночному пути. Показываются позиции передовых стран в мировом хозяйстве и место России. Подчеркивается, что вектор развития мировой экономики переместился в Азию. Главная причина отставания России – это злоупотребления частными интересами. Чтобы выйти из «рыночной колеи» догоняющего развития, Россия должна реализовать модель «смешанной экономики», восстановить общественное воспроизводство, эффективно использовать все национальные ресурсы и создать единое национальное экономическое пространство. Только новое производство, основанное на новых технологиях, поможет России сделать «прыжок» в новый уклад и выйти из «рыночной колеи».

Ключевые слова: рыночное развитие, путь догоняющего развития, частный интерес, национальный интерес, воспроизводство, смешанная экономика, единое экономическое пространство, «прыжок» в новый уклад.

As justified in the article, the application of the system theory fundamentals to the management decision-making will help determine the direction of the economic system growth in a changing environment, find areas of impacts, develop adequate regulatory mechanisms, improve the balance of the socio-economic system. Some conclusions are delivered from the system point of view. One of them is to improve the interaction between economic agents by creating clusters and innovation ecosystems.

Keywords: socio-economic system, sustainability, energy resources, energy, human advantages, new technologies, development capacity, system approach, system interaction.

A. A. Porokhovsky. Pro et contra: Russia's 21st century market track. In brief 25 years Russia's development on market way are opened. Developed countries' position and Russia place in world economy are showed. It is pointed out that vector of world economy development has moved to Asia. The main reason of russian lag is the abuse of private interests. In order to leave «market path dependence» Russia has to realize mixed economy model, renew public reproduction and effective utilize all national resources, to reach entire national economic space. Only new production based on new technologies could help Russia to jump to new way of technology and to leave «market path dependence».

Keywords: market development, path dependence development, private interest, national interest reproduction, mixed economy, entire economic space, «jump» to new way of technology.

УДК 330.354. С. Г. Арбузов, М. Ю. Головнин. Стабилизация валютного рынка России в контексте обеспечения экономической безопасности на современном этапе. Дается оценка ситуации на валютном рынке России в 2014–2015 гг. Делается вывод о решающей роли внешних шоков (отмена политики количественного смягчения ФРС США, введение финансовых санкций со стороны США и ЕС, падение цен на нефть, обвалы на фондовом рынке Китая) в дестабилизации валютного рынка и формировании устойчивой тенденции снижения курса рубля. Важную роль в усилении этой тенденции сыграли процессы долларизации национальной экономики и преждевременный переход к политике свободно плавающего валютного курса. Предлагаются меры по повышению уровня экономической безопасности страны за счет стабилизации валютного рынка и обеспечению сохранности сбережений населения в новых условиях: возврат к регулированию валютного курса; выпуск ЦБ РФ и полноценное обращение золотых инвестиционных монет; выпуск индексированных на изменение валютного курса государственных облигаций; выпуск в обращение государственных облигаций, номинированных в иностранной валюте; введение отдельных ограничений на трансграничное движение капитала.

Ключевые слова: валютный рынок, валютный курс, внешние шоки, экономическая безопасность, долларизация.

УДК 330.354. А. А. Горшков. Неравенство в располагаемых доходах и перераспределение: сравнительный анализ стран ОЭСР. В последние три десятилетия экономическое развитие в мире сопровождалось усилением неравенства в распределении доходов домохозяйств внутри стран. На основе сопоставимых данных анализируется современное распределение стран ОЭСР по показателям уровня неравенства в первичных и располагаемых доходах. Особое внимание уделено анализу перераспределительных отличий между странами по разнице коэффициентов Джини по первичным и располагаемым доходам домохозяйств.

S. G. Arbuzov, M. Y. Golovnin. Stabilization of Russian foreign exchange market and economic security under current conditions. The paper analyzes key trends on Russian foreign exchange market in 2014–2015. It concludes that external shocks (quantitative easing tapering in the USA, introduction of financial sanctions against Russia by EU and USA, collapse of oil prices, falls in Chinese stock market) played key role in destabilizing Russia foreign exchange market and forming of sustainable trend of decreasing ruble exchange rate. Dollarization of Russian economy and premature introduction of freely floating exchange rate added to strengthening of this tendency. The authors suggest the set of measures for increasing economic security in terms of foreign exchange market stabilization and maintaining of population's savings: return to active exchange rate policy, issue by the Central bank of Russia of gold coins and support of their circulation, issue by the Government of exchange rate indexed securities and securities denominated in foreign exchange, introduction of some foreign exchange restrictions on cross-border capital flows.

Keywords: foreign exchange market, exchange rate, external shocks, economic security, dollarization.

A. A. Gorshkov. Disposable income inequality and redistribution: comparative analysis of OECD countries. Economic development of last three decades was accompanied by a remarkable increase in within country household income inequality. Using comparable data the article analyzes a contemporary distribution of countries by different measures of inequality in disposable and market incomes. Special attention is paid to analysis of redistributive differences between countries by differences between disposable and market household income Gini coefficients.

Keywords: inequality, social inequality, income redistribution, population money incomes.

Ключевые слова: неравенство, социальное неравенство, перераспределение доходов, денежные доходы населения.

УДК 338.001.36. А. Я. Линьков. Международные оценки качества предпринимательского климата в России. Анализируются наиболее значимые показатели, формируемые международными организациями для оценки условий ведения предпринимательской деятельности и в комплексе определяющих экономические, институциональные и другие характеристики предпринимательского климата, сложившиеся в России. Показано, что сравнительные преимущества российской экономики по таким показателям ведения бизнеса, как емкость рынка, качество человеческого капитала и др., не реализуются эффективно из-за несовершенства институтов и низкого качества бизнес-среды. Успехи по ряду направлений, отмеченные международными экспертами, достигнуты благодаря институциональным и структурным реформам. Подчеркивается значимость таких преобразований для выхода из кризиса и создания предпосылок для устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: предпринимательство, ведение бизнеса, предпринимательский климат, институты, инновации, противодействие коррупции, человеческий капитал.

УДК 330.341.2 : 330.341.1. С. В. Кочетков, Е. Г. Семенова, А. С. Будагов, О. В. Кочеткова. Институциональный механизм экономики инноваций. Разработан институциональный механизм экономики инноваций, определены его приоритетные направления. Предложенный методический подход к измерению инновационного потенциала промышленных предприятий является базисом разработанного инструментария инновационного развития экономики. Раскрывается влияние процессов использования инновационного потенциала на экономический рост.

Ключевые слова: институциональный механизм, экономика инноваций, инновационное развитие, инновационный потенциал, промышленное предприятие, инструментальный, экономический рост.

A. J. Linkov. International assessments of Russian business climate. The article analyzes the most significant indicators generated by international organizations to assess the conditions of doing business in foreign countries and Russia and determined in the complex economic, institutional, and other characteristics of enterprise-ness climate in Russia in recent years. It is shown that the comparative advantages of Russia's economy on such indicators of doing business, as the market capacity, the quality of human capital and others are not realized effectively due to the imperfections of institutions and the low quality of the business environment. Success in several ways of entrepreneurial activities in Russia, marked by the international experts, achieved exactly thanks to institutional and structural reforms carried out in Russia. The article points out the significance of these transformations for overcoming the crisis and creating the preconditions for sustainable economic growth.

Keywords: entrepreneurship, business practices, business climate, institutions, innovation, counter-action to corruption, human capital.

S. V. Kochetkov, E. G. Semenova, A. S. Budagov, O. V. Kochetkova. Institutional mechanism for the economy of innovations. In the article the institutional mechanism for the economy of innovations is designed. The priority directions of the innovative development of economy are defined. They based on the study of its factors. The methodical approach to the measuring of the innovative capacity of industrial enterprises is designed. It is the basis of the set of instruments of the innovative development of economy. In conclusions the impact of the usage of innovative capacity on the economic growth is reveals.

Keywords: institutional mechanism, economy of innovations, innovative development, innovative capacity, industrial enterprise, set of instruments, economic growth.

УДК 336.647.648. С. В. Гришунин, Н. В. Муханова. Использование контроллинга для организации процессов получения и поддержания кредитных рейтингов компании. Разработана инновационная концепция контроллинга кредитных рейтингов (ККР), определены его задачи и функции. Разработаны ключевые инструменты ККР: модель кредитного рейтинга компании для прогнозирования его уровня, система показателей ККР, позволяющая отслеживать кредитоспособность компании и своевременно выявлять угрозы снижения КР.

Ключевые слова: контроллинг, кредитные рейтинги, процессы их получения и поддержания, конструктор рейтингов, система подконтрольных показателей.

УДК 330.341. С. А. Грачев, О. А. Доничев, Т. Б. Малкова. Инновационная деятельность как важнейший фактор развития социально-экономических систем. Рассмотрены проблемы и направления формирования условий инновационного развития территориальных социально-экономических систем; выделены особенности внедрения инноваций в регионах, в частности во Владимирской области. Факторный анализ показал, что при формировании направлений и показателей совершенствования инновационной деятельности на федеральном уровне необходим учет факторов, формирующих состояние инновационного развития регионов, и их инновационной инфраструктуры.

Ключевые слова: инновационное развитие, социально-экономические системы, факторный анализ, реиндустриализация, импортозамещение.

S. V. Grishunin, N. V. Mukhanova. Controlling as a means of corporate credit rating management. The authors developed an innovative concept of credit rating controlling (CRC) and defined its corporate tasks and functions. Key CRC instruments include: model corporate credit rating required for forecasting purposes and a system of CRC indicators that track a company's borrowing capacity and promptly identify risks associated with credit rating downgrade.

Keywords: controlling, credit ratings, rating constructor, system of controlled indicators, credit rating assignment and maintenance procedure.

S. A. Grachev, O. A. Donichev, T. B. Mallova. Innovative activities: major social and economic systems development factor. The problems and directions of formation of innovative development conditions of territorial socio-economic systems have been discussed in the article, characteristic features of innovation implementation in the regions and, in particular, in the Vladimir region have been also separated. Factor analysis has allowed to establish that the formation of areas and indicators of improving of innovative activity at the Federal level should be made with the obligatory account of factors, shaping the state of innovative development of regions and their innovation infrastructure, which substantially diverse depending on the conditions of formation of territories.

Keywords: innovation development, socio-economic systems, factor analysis, re-industrialization, import substitution.